

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦИ

Международно научно списание

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦ
Международный научный журнал

RUSSIAN STUDIES WITHOUT
BORDERS
International scientific journal

2026/3
ISSN 2535-0390

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦИ

Международно научно списание

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦ
Международный научный журнал

RUSSIAN STUDIES WITHOUT
BORDERS
International scientific journal

Том X Книжка 3 2026
Volume X Issue 3 2026

ISSN 2535-0390

София – Sofia
2026

Международный редакционный совет:

доц. к.ф.н. Галия Бадагулова (Алматы, Казахстан)
доц. к.ф.н. Нина Баско (Москва, Россия)
проф. д.ф.н. Наталия Голубева-Монаткина (Москва, Россия)
член-корреспондент Российской Академии Образования Любовь Клобукова (Москва, Россия)
проф. д.ф.н. Геннадий Ковалев (Воронеж, Россия)
доктор филологии Наталья Кононова (Рига, Латвия)
доц. к.ф.н. Светлана Коростова (Ростов-на-Дону, Россия)
проф. д.ф.н. Мария Котюрова (Пермь, Россия)
проф. д.п.н. Ольга Левушкина (Москва, Россия)
проф. д.ф.н. Биляна Марич (Белград, Сербия)
проф. д.ф.н. Елена Маркова (Братислава, Словакия)
проф. д.п.н. Виктория Сафонова (Москва, Россия)
доц. д.ф.н. Ольга Сологуб (Тайбэй, Тайвань)
проф. д.п.н. Елена Тарева (Москва, Россия)
проф. д.п.н. Людмила Федоряк (Тюмень, Россия)
проф. д.ф.н. Клара Штайн (Ставрополь, Россия)
проф. д.ф.н. Нэлли Щедрина (Москва, Россия)
Действительный член АНУРС, д.ф.н. Срето Танасич (Белград, Сербия)

Редакционная коллегия:

Главный редактор: доц. д-р Димитрина Лесневска
Зам. гл. редактора: Ян Лесневский
Ответственный секретарь: Радослава Лесневска

Рецензенты:

д.ф.н., проф. Мария Павловна Котюрова, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ), Пермь, Россия
д.ф.н., проф. Людмила Вениаминовна Кушнина, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (ПНИПУ), Пермь, Россия
д.ф.н., проф. Петр Буняк, Белградский университет, Филологический факультет, Белград, Сербия
д.ф.н., проф. Биляна Марич, Белградский университет, Филологический факультет, Белград, Сербия
к.п.н., преподаватель Валентина Владимировна Звягина, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (ПНИПУ), Пермь, Россия;
д.ф.н., проф. Дмитрий Владимирович Поль, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО «МПГУ»), Москва, Россия
к.ф.н., доцент Надежда Майеровна Перельгут, ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет» (ФГБОУ ВО «НВГУ»), Нижневартовск, Россия
д.ист.н., доцент Максим Валерьевич Кирчанов, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ВГУ»), Воронеж, Россия

Журнал выходит четыре раза в год: 30 марта, 30 июня, 30 сентября и 30 декабря. Материалы принимаются до 15 числа марта, июня, сентября и декабря. К публикации принимаются оригинальные, неопубликованные ранее в других печатных изданиях материалы на **русском, болгарском или английском языке**.

Адрес редакции: София, Болгария, e-mail: rusistikabg@gmail.com,
<http://www.rusistikabg.com/>

ISSN 2535-0390 (online)

Индексируется в RSCI/РИНЦ (<http://www.eLibrary.ru>)

ERIH PLUS (Европейский индекс гуманитарных и социальных наук)

© Все права защищены

International editorial Board:

Ass.Prof., Ph.D. in Philology Galia Badalova (Almaty, Kazakhstan)
 Ass.Prof., Ph.D. in Philology Nina Basco (Moscow, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Natalia Golubeva-Mohnatkina (Moscow, Russia)
 Corresponding Member of the Russian Academy of Education Lubov Klobukova (Moscow, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Gennady Kovalyov (Russia)
 Ph.D. in Philology Natalia Kononova (Riga, Latvia)
 Ass.Prof., Ph.D. in Philology Svetlana Korostova (Rostov-on-Don, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Maria Kotyurova (Perm, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Olga Levushkina (Moscow, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Biljana Maric (Belgrade, Serbia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Elena Markova (Bratislava, Slovakia)
 Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Victoria Safonova (Moscow, Russia)
 Ass.Prof. Dr. Sc. (Philology) Olga Sologub (Taipei, Taiwan)
 Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Elena Tareva (Moscow, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Ludmila Fedoryak (Tyumen, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Clara Stein (Stavropol, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Nelly Shchedrina (Moscow, Russia)
 Full member ANURS, Dr.Sc. (Philology) SretoTanasić (Belgrade, Serbia)

Editorial Board:

Editor-in-Chief: Ass. Prof. Ph.D. in Philology Dimitrina Lesnevska
 Deputy Editor-in-Chief: Ian Lesnevski
 Executive Secretary: Radoslava Lesnevska

Reviewers:

Professor, Dr. Sc. (Philology) Maria Pavlovna Kotyurova, Perm State National Research University (Perm, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Lyudmila Veniaminovna Kushnina, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Petar Bunjak, University of Belgrade, Faculty of Philology (Belgrade, Serbia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Biljana Maric, University of Belgrade, Faculty of Philology (Belgrade, Serbia)
 Teacher, Ph.D. (Pedagogy) Valentina Vladimirovna Zvjagina, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Dmitriy Vladimirovich Pol, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
 Ass.Prof., Ph.D.(Philology) Nadezhda Mayerovna Perelgut, Nizhnevartovsk State University, (Nizhnevartovsk, Russia)
 Ass.Prof., Dr.Sc. (History) Maksym Walerevich Kyrchanoff, Voronezh State University (Russia, Voronezh)

The journal is published four times per year: March 30, June 30, September 30 and December 30. The papers are accepted until the 15th of March, June, September and December. The papers submitted for publication should be original, previously unpublished work not currently under review by other publications. The papers can be presented in **Russian, Bulgarian or English**.

Contact address: Sofia, Bulgaria, e-mail: rusistikabg@gmail.com
<http://www.rusistikabg.com/>

2535-0390 ISSN (online)

Indexed in RSCI/PIHHI (<http://www.eLibrary.ru>)

ERIH PLUS (The European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences)

© All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ:

ЛИНГВИСТИКА

М. П. Котюрова, Л. С. Тихомирова

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ: ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР «ВНИМАНИЕ» 7

А. Белуасса

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ДВУЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ «ABVYU LINGVO», «GLOSBE DICTIONARY» И
«REVERSO CONTEXT» 14

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Х. Хадейд

СОВЕТСКАЯ САТИРА 1920–1940-Х ГОДОВ: ТВОРЧЕСТВО М. БУЛГАКОВА, И.
ИЛЬФА, Е. ПЕТРОВА И М. ЗОЩЕНКО 25

К.А. Поташова

ПОЭТИКА ОБРАЗА В СТИХОТВОРЕНИЯХ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,
ПОСВЯЩЕННЫХ Н. И. БУХАРОВУ 36

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

М.Н. Миронова, Л.В. Эпоева

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ: РОЛЬ
СОЦИАЛЬНОГО КЛАССА В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ И
КУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ 47

Л.В. Недоступова

ПИЩЕВАЯ ТРАДИЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ДИАЛЕКТЕ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ 54

С.Г. Воркачев, Е.А. Воркачева

ASSIMILIA: «УНЫНИЕ» И «ПЕЧАЛЬ» КАК СИНОНИМЫ 65

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н.В. Баско

ТЕРМИНОЛОГИЯ ЭКОНОМИКИ И БИЗНЕСА В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО
ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ 77

С. Чихорич

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ
ВРЕМЕН В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА 85

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

О. Выростэк

ПРОБЛЕМАТИКА ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ЦИТАТ В ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Б. АКУНИНА НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ «КОРОНАЦИЯ,
ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОМАНОВ» И «ВСЬ МИР ТЕАТР») 94

Ю. Бисевска

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ: АНАЛИЗ
ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ ВЕРСИЙ ДУБЛЯЖА МУЛЬТФИЛЬМА «ШРЕК» 106

РЕЦЕНЗИИ

С.Г. Воркачев

КАРАСИК В.И. ЯЗЫКОВОЕ ЗАЗЕРКАЛЬЕ. – М.: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. А.С. ПУШКИНА, 2026. – 414 С. ISBN 978-5-98269-345-7 .. 115

Д.С. Лесневска

КРОСКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЕЖЕГОДНИК, ТОМ 3, 2026-СОФИЯ:
НОВЫЙ БОЛГАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2026. - 762 С. ISSN 3033-2095 120

ХРОНИКА

Е.М. Маркова

БРАТИСЛАВСКИЕ ВСТРЕЧИ 2026 124

Д.С. Лесневска

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЕКСТ В ИНТЕГРАТИВНЫХ
ВЗАИМОСВЯЗЯХ» – СЛОВАКИЯ, НИТРА, 2026 130

ИЗИСКВАНИЯ ЗА ОФОРМЯНЕ НА МАТЕРИАЛИТЕ..... 134

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ 136

ВИМОГИ ДО ОФОРМЛЕННЯ МАТЕРІАЛІВ 138

GUIDELINES FOR AUTHORS..... 140

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА 142

CONTENTS:

CONTENTS:

LINGUISTICS

M. P. Kotyurova, L. S. Tikhomirova

SCIENTIFIC TEXT: THE EXTRALINGUISTIC FACTOR OF «ATTENTION»

A. Bellouassa

PRINCIPLES OF CREATING A BILINGUAL ELECTRONIC DICTIONARY: A
COMPARATIVE ANALYSIS OF «ABBYY LINGVO», «GLOSBE DICTIONARY» AND
«REVERSO CONTEXT»

LITERARY STUDIES

H. Hadeid

SOVIET SATIRE OF THE 1920S–1940S: THE WORKS OF M. BULGAKOV, I. ILF, E.
PETROV AND M. ZOSHCHENKO

K. A. Potashova

THE POETICS OF IMAGE IN M. Y. LERMONTOV’S POEMS DEVOTED TO
N. I. BUKHAROV

LINGUOCULTUROLOGY

M. N. Mironova, L. V. Epoeva

LINGUOCULTURAL DETERMINATION OF SPEECH BEHAVIOR: THE ROLE OF
SOCIAL CLASS IN THE FORMATION OF LANGUAGE NORMS AND CULTURAL
MODELS

L. V. Nedostupova

HUMAN FOOD TRADITION IN THE VORONEZH REGION DIALECT

S. G. Vorkachev, E. A. Vorkacheva

ASSIMILIA: «DESPONDENCY» AND «SORROW» AS SYNONYMS

METHODS OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE

N. V. Basko

TERMINOLOGY OF ECONOMICS AND BUSINESS IN TEACHING RUSSIAN TO
FOREIGN STUDENTS

S. Cihoric

INTERLINGUAL INTERFERENCE IN THE USE OF VERB TENSES IN THE RUSSIAN
SPEECH OF SERBIAN SPEAKERS

ISSUES OF TRANSLATION

O. Wyrstek

CHALLENGES IN RENDERING CITATION IN THE POLISH TRANSLATIONS OF AKUNIN'S WORKS (A CASE STUDY OF «CORONATION, OR THE LAST OF THE ROMANOV» AND «ALL THE WORLD'S A STAGE»)

J. Bisewska

INTERTEXTUALITY IN AUDIOVISUAL TRANSLATION: AN ANALYSIS OF THE POLISH AND RUSSIAN DUBBED VERSIONS OF «SHREK»

REVIEWS

S. G. Vorkachev

KARASIK V. I. LANGUAGE THROUGH THE LOOKING GLASS. – MOSCOW: A.S. PUSHKIN STATE INSTITUTE OF THE RUSSIAN LANGUAGE, 2026. – 414 P.

D. S. Lesnevska

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION, ANNUAL, VOLUME 3, 2026 – SOFIA: NEW BULGARIAN UNIVERSITY, 2026. – 762 PP. ISSN 3033-2095

CHRONICLES

6

BRTISLAVA MEETINGS 2026

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «TEXT IN INTEGRATIVE INTERRELATIONS» – SLOVAKIA, NITRA, 2026

PUBLICATION REQUIREMENTS IN BULGARIAN

PUBLICATION REQUIREMENTS IN RUSSIAN

PUBLICATION REQUIREMENTS IN UKRAINIAN

PUBLICATION REQUIREMENTS IN ENGLISH

CONTACT ADDRESS

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.38

Котюрова Мария Павловна
доктор филологических наук, профессор
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Россия, г. Пермь
e-mail: kotyurova@yandex.ru

Kotyurova Mariya Pavlovna
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Perm State National Research University
Russia, Perm
e-mail: kotyurova@yandex.ru

Тихомирова Лариса Сергеевна
кандидат филологических наук, доцент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Россия, г. Пермь
e-mail: tikhomirova.lar@yandex.ru

Tihomirova Larisa Sergeevna
Associate Professor, Ph. D. in Philology
Perm State National Research University
Russia, Perm
e-mail: tikhomirova.lar@yandex.ru

М. П. Котюрова, Л. С. Тихомирова

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ: ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР «ВНИМАНИЕ»

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме экстралингвистической обусловленности научной речи – проблеме, заложенной проф. М.Н.Кожиной в концепции экстралингвистических факторов, значимой не только для функциональной стилистики, но и для отпочковавшегося от последней речеведения. Внимание, являющееся личностной чертой автора научного текста, выступающее как интерес, даже эпистемическое любопытство, рассматривается в качестве экстралингвистического фактора, оказывающего влияние на порождение научного текста. Этот вопрос целесообразно приобщить к проблематике естественного интеллекта языковой личности, мышления и речи, психологических и речетекстовых особенностей авторов, которых можно отнести к экстравертам, интровертам или амбивертам. Полученные речетекстовые наблюдения свидетельствуют об актуальности расширения и углубления начатого изучения научных текстов в данном ракурсе.

Ключевые слова: научный текст, экстралингвистический фактор внимания, экстраверт, интроверт, амбиверт

Для цитирования: Котюрова М. П., Тихомирова Л. С. Научный текст: экстралингвистический фактор «внимание». *Русистика без границ. Международно научное списание*. – София, 2026, Том X, кн. 3, С. 7–13.

M. P. Kotyurova, L. S. Tikhomirova

SCIENTIFIC TEXT: THE EXTRALINGUISTIC FACTOR OF «ATTENTION»

Abstract. The article is devoted to the urgent problem of the extralinguistic conditionality of scientific speech, a problem laid down by Professor M. N.Kozhina in the concept of extralinguistic factors, which is significant not only for functional stylistics, but also for speech production that has spun off from the latter. Attention, which is a personal trait of the author of a scientific text, acting as interest, even epistemic curiosity, is considered as an extralinguistic factor influencing the generation of a scientific text. It is advisable to introduce this question to the problems of natural intelligence of a linguistic personality, thinking and speech, psychological and speech-textual characteristics of authors who can be classified as extroverts, introverts or ambiverts. The obtained speech-text observations indicate the relevance of expanding and deepening the study of scientific texts in this perspective.

Keywords: scientific text, extralinguistic factor of attention, extrovert, introvert, ambivert

For citation: Kotyurova M. P. Tikhomirova L.S. Scientific text: the extralinguistic factor of «attention». *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*. – Sofia, 2026, Vol. X, Iss. 3, pp. C. 7–13.

Научному тексту как речевому феномену присуща содержательно-смысловая специфика, обусловленная научно-познавательной сферой деятельности коммуникантов. В области функциональной стилистики, в частности стилистики научного текста, за бесспорную признается концепция проф. М. Н. Кожиной об экстралингвистических факторах, воздействующих на речевую ситуацию. В соответствии с этой концепцией научный функциональный стиль речи обусловлен прежде всего такими сильнодействующими факторами, как сфера деятельности, вид деятельности, тип мышления. Переход от дотекстовой функциональной стилистики к изучению текста, целенаправленное формирование стилистики научного текста, введение в лингвистический научный фонд понятий дискурса и дискурсивной среды обусловили постановку задачи, актуальной для речеведения – направления, отделившегося от функциональной стилистики на основании дифференциации сильнодействующих факторов с учетом их функциональной «квалификации». При этом существенно значимыми оказались стилеобразующие и не стилеобразующие, а собственно дискурсивные, но имеющие место, также проявляющие свою «власть». Раскрыть влияние именно таких факторов – сильнодействующих, но хотя и не стилеобразующих, но важных в дискурсе научного текста – актуальная задача речеведения, неизбежно стоящая перед исследователями научного текста. Цель ограничения понятия «речеведение» нами уже сформулирована: она состоит в «дальнейшей разработке, уточнении и углублении теоретических основ речеведения и получении новых научных фактов, требующих целесообразной постановки и решения речеведческих проблем» [2, с.10].

Стратегической **целью** данной статьи представляется приобщение к проблеме влияния на создание и понимание научного текста такого экстралингвистического фактора, как *субъект* познавательной деятельности, конкретизированный нижележащим фактором *автор-экстраверт, автор-интроверт* либо *автор-амбиверт*, которому присущ *естественный интеллект*, и уже — *внимание* как необходимое свойство когнитивного поведения автора. Исходя из того, что «фокус внимания – обязательный компонент речи и коммуникативного намерения говорящего, его цели» [7, с.26], проблема внимания представляется значимой в идиостилистике. Причем применительно индивидуальному стилю ученого. Причем не только к человеку как носителю естественного интеллекта, но и к роботу – носителю искусственного интеллекта.

Из общей психологии известно, что типология личности не может не учитывать экстраверсивности/ интроверсивности – важной и яркой особенности человека. В качестве подтверждения получены наблюдения над научным текстом, свидетельствующие о влиянии экстралингвистического фактора «автор-интроверт/ экстраверт/ амбиверт» на порождение научного текста. Кроме того, важно иметь в виду выдвижение проблемы естественного интеллекта в ряд крайне актуальных в связи с техническим прогрессом, обуславливающим появление носителя искусственного интеллекта. На фоне этих когнитивных ситуаций возрастает значимость развития концепции экстралингвистических факторов. В рамках статьи поставлена **цель** рассмотреть вопрос о *внимании* как одном из необходимых (и неизбежных) свойств естественного интеллекта – неисчерпаемого объекта изучения в качестве экстралингвистического фактора, воздействующего на создаваемый научный текст.

Внимание – сосредоточение мыслей или зрения, слуха на чем-нибудь (Ожегов), интерес, любопытство – индивидуальная черта, присущая личности не только созерцающей, но и действующей в любых обстоятельствах. По-видимому, внимание может оказаться сильнодействующим фактором влияния на построение научного текста, поскольку либо заявляет о себе как центр сознания, либо имеет рассеянный характер. Естественно предположить, что такая неопределенность внимания осложняется типом личности ученого – экстраверта или интроверта. Учитывая сделанные ранее наблюдения над индивидуальными особенностями письменной речи известных отечественных лингвистов А. В. Бондарко, М. Н. Кожинной и Н. К. Рябцевой, условно примем за исходное утверждение об их (соответственно) экстравертности, интровертности и амбивертности. Целесообразно (в предварительном плане, на небольшом, но неизбежно протяженном материале значимого периферийного текста выводов [5]) выявить различия в формировании выводной информации прежде всего, с одной стороны, с учетом обращенности экстраверта *к читателю* с «жестом» сообщения о крайне широкой, поэтому излагаемой в обобщенном виде, с другой – с учетом обращенности интроверта *к себе*, (в терминах актуального тема-рематического членения высказывания) удерживая внимание на одном и том же предмете мысли, расширяя поле рассуждения за счет ремы.

Общеизвестно, что стилистика научного текста выделилась в силу его специфического содержания – научно-познавательного, или эпистемического, репрезентированного адресантом, и познавательно-коммуникативного смысла, формируемого адресатом. В связи с этим обращение к изучению научного текста предопределяет особое внимание к его смысловой структуре, обуславливающей «мыслительную грамматику» [6] и поиск единицы как для его порождения (со стороны адресанта), так и для анализа (со стороны адресата-исследователя). Деятельностная природа содержательно-смысловой организации текста ориентирует исследователя учитывать проблему внимания в процессе выражения научной мысли. Динамику мысли (мысль как процесс) можно зафиксировать, выявляя **смысловые комплексы**, выражающие утверждение (представленные высказыванием, а не просто изолированной специфической конструкцией), дефиницию, сомнение, отрицание, предположение (гипотезу), уверенность в аргументации, констатацию как высшую степень уверенности.

Для «разминки» рассмотрим пример плотного научного текста из предисловия к монографии; очевидно, что мысль оформлена комплексами «акцентированное утверждение через отрицание», организованными ближайшим контекстом вокруг отрицания. «Проблема изучения естественного интеллекта имеет целый ряд особенностей [осознанное позитивное утверждение]. Она **НЕ нова** [минимальный контекст с акцентированным отрицанием], относится к области психологии, имеет **НЕ** непосредственное [утверждение через неосознанное отрицание] отношение к проблеме искусственного интеллекта, отличается **НЕ** преходящим [утверждение через неосознанное отрицание] прикладным значением... и, как это ни парадоксально, широко **НЕ обсуждается** [акцентированное отрицание] **НИ** в междисциплинарных исследованиях, **НИ** в смежных когнитивных областях знания, т.е. по сути **НЕ является актуальной** [осознанное утверждение через акцентированное отрицание] ... В языкознании, в свою очередь, сложились такие традиционные направления исследований, как ..., в которых проблеме интеллекта **почти НЕ уделяется внимания** [осознанное утверждение с мягким отрицанием], [7, с. 9].

В приведенном фрагменте текста находим такие средства удержания внимания (автора и читателя), как: 1) повторяющаяся номинация единой темы рассуждения (естественный интеллект), 2) лексические повторы (полная номинация темы или

усеченный вариант), 3) понятийная конкретизация темы (в терминах актуального членения представленная в рематическом контексте рассуждения): *проблема естественного интеллекта, проблема относится к области психологии, отличается непреходящим прикладным значением, широко не обсуждается*), 4) подчеркнутая/открытая логичность рассуждения (*т.е. по сути не является актуальной*), 5) смысловая связность, поддерживаемого общим для фрагмента, осознанным, акцентируемым отрицанием (*проблема не нова, не обсуждается, не является актуальной, проблеме интеллекта почти не уделяется внимания*).

Представляется типичным положение, при котором амбициозная цель, поставленная исследователем для решения в жанре статьи, неизбежно требует толкования, уточнения, ограничения. В подтексте нашей статьи хранится информация о «подступах» к итогам анализа материала: 1) общий взгляд на текст, 2) какие фрагменты текста привлекают наше внимание (предисловие, описания, рассуждения, выводы, заключение), 3) что в тексте данного фрагмента выступает «фокусом внимания», 4) посредством какой логической операции формируется «фокус внимания», 5) сопоставление полученных наблюдений.

Рассмотрим фрагменты из текстов трудов крупнейших современных лингвистов А. В. Бондарко, М. Н. Кожинной и Н. К. Рябцевой. Естественно, что во всех текстах научное знание разворачивается по законам, описанным формальной и диалектической логикой, однако избирательно, по существу, фрагментарно, а не линейно дисциплинарно, как в учебнике. Поэтому и включается внимание и автора, и читателя, чтобы одному выразить значение, а другому уловить смысл высказывания. В поисках смысла внимание читателя (особенно исследователя) останавливается на фрагментах, выражающих смысл концентрированно, акцентированно, подчеркнуто для читателя, хотя со стороны автора как читателя не требует расшифровки. В связи с этим обратимся к выводам (по главам, разделам) и заключению по целому тексту – важнейшим периферийным текстам [5], функционально необходимым при изложении научного знания в статьях, монографиях, диссертациях.

А. В. Бондарко: поскольку нецелесообразно привести полный текст заключения [1, с. 663–665] по всей монографии, ограничимся наблюдениями и их интерпретацией. Так, А. В. Бондарко активно способствует восприятию текста читателем и пониманию его смысла как существенного, важного, нового. При этом используются возможности метатекста, поддерживающего диалог с заинтересованным потребителем научного знания. Метатекст представлен различными дискурсивами. См., например: *на наш взгляд, с нашей точки зрения, думается, что, по мысли автора, по мысли Р. О. Якобсона, по мнению В. А. Звегинцева, с точки зрения Г. П. Щедровицкого, по мнению Г. П. Щедровицкого, В.А.Звегинцев проводит разграничение, В. М. Солнцев определяет, Р. Г. Пиотровский различает, Н.З. Котелова обращает внимание и мн. др.* Такие дискурсивы, по существу, не имеют отношения к рациональному содержанию текста, потому малозначимы для контекста. *Неожиданный* парадокс отмечает Т.А.Клепикова, рассматривая вопрос о дискурсивном метарепрезентировании – вторичной репрезентации некоторой репрезентации: *Я считаю, что (он невиновен): «Это парадокс – понижение коммуникативного статуса в рамках высказывания одновременно означает повышение статуса в рамках дискурсивного пространства. Смена сферы действия – с высказывания на дискурс – является сигналом “повышения ранга” смыслопорождающей операции»* [3, с. 194]. По нашему мнению, дискурсивы данного типа полисемантичны; в частности, они выполняют когнитивно-текстовую функцию – привлечение внимания к последующему содержанию.

Заключение монографии А.В.Бондарко посвящено методологически наиболее

значимому терминированному понятию *анализ*, в контексте конкретизированному определению *моносистемный анализ, системно-дифференцирующий анализ, принцип системно-дифференцирующего анализа, полисистемный анализ, анализ является системно-интегрирующим на функциональной основе*. Вариативное употребление этого понятия в высказывании как в тематической, так и в рематической позиции (в форме «плавающего понятия») поддерживает внимание читателя к предмету мысли, синтезирует обобщающий контекст. Кроме того, подготовленный читатель, несомненно, обратит особое внимание – эпистемическое, связанное с научно-познавательной деятельностью – на дискурсивы *Содержание книги лишний раз свидетельствует о том, что; Представляется очевидной необходимость дальнейшего развития; Представляется актуальным дальнейшее развитие...*

На основании выявленных особенностей проанализированных фрагментов текста можно считать, что данное Заключение интегрируется в рамках всего произведения как целостное **обобщение**, оформленное в виде важнейшего в пределах монографии периферийного текста. Логическая операция обобщения, *актуального для читателя*, осуществлена концентрированно, посредством повтора темы, с которой благодаря активному **вниманию** синтезируется, сжимается пространство научного знания. Полагаем, что обобщающее заключение можно соотнести с мышлением **автора-экстраверта**.

М.Н. Кожина: «Итак, в *речевом* своеобразии *научного* стиля, в отличие от художественного, следует отметить два основных факта. *Научной речи* в большой мере свойственна обобщенность и отвлеченность изложения, что и отражается на ее структуре и системе речевых средств. В связи с этим ей в значительно меньшей мере свойственна речевая конкретизация, а подчас она (речевая конкретизация в узком смысле) может и совсем отсутствовать. Кроме того, конкретизация *научной речи* принципиально отлична от конкретизации в художественном стиле. Она составляет особый тип, она принципиально иного свойства (а не только иной степени). *Научный стиль* не знает художественно-образной речевой конкретизации, ибо она противоречит назначению науки, типу творческого мышления, а следовательно, и задачам общения в этой области. Все это является основной причиной различия степеней и видов, способов и средств речевой конкретизации, специфики функционирования элементов языка в двух названных стилях, обладающих двумя разными типами *речевой конкретизации*. Отсюда же и различие их речевой структуры» [4, с. 206].

Приведенные выводы (по главе) как тип необходимого периферийного текста представляют собой целостное, подчеркнуто связанное, можно сказать, сжатое сообщение о едином предмете рассуждения – речевой конкретизации. Связность [4] скрупулезно выражена последовательно, как непосредственно, так и отложено, лексическими повторами, а также личными местоимениями *она, их, ей*, словосочетаниями с указательными местоимениями, *в связи с этим, все это*, вводным словом, кроме того, наречием *отсюда*. Эти и многие другие наблюдения убеждают нас в том, что наличие (даже избыточность) связующих речетекстовых единиц характерно для речи **ученых-интровертов**, нацеленной на внимательное отношение самого автора к предмету мысли, точнее, к опредмеченной (результативной, сжатой, плотной) мысли о предмете/ явлении. Нельзя не сказать о том, что автор научного текста выступает как социально ориентированная личность, поэтому, используя возможности метатекста, обращается к читателям непосредственно, репрезентируя себя в качестве экстраверта (но это уже другая тема).

Приведем типичный в монографии **Н. К. Рябцевой** заключительный абзац. «Таким образом, метадискурс – обязательный компонент научного дискурса:

вербализации познания, построения рассуждения, организации научного изложения и потому обязательный элемент научного стиля мышления и проявление сознательной рефлексии над собственными ментальными состояниями, когнитивными и коммуникативными одновременно. Научный метадискурс – источник научного метаязыка. Научный метаязык отражает субъективность познания и показывает, что воплощающая его сознательная рефлексия *синкретична, асимметрична, интегральна, полифункциональна, риторична, когнитивна и интерпретативна – дискурсивна/коммуникативна, модальна, аксиологична, интенциональна и избирательна*. Она позволяет *актуализировать* интеллектуальные операции, *устанавливать* контакт с адресатом и *автоматизировать* навыки научного изложения, а также *объективировать, упорядочивать, обобщать и формализовывать* собственно научное знание.» [7, с. 499].

Приведенный фрагмент представляет собой связный текст, объединяющий две темы: *метадискурс* и *сознательная рефлексия*. Важно отметить, что неожиданно, непредсказуемо введенная вторая тема говорит о самодостаточности и самостоятельности предмета в тексте, а значит, о значимости его *притяжения* к первому для осознанного рассмотрения. Как видим, осознанное, акцентированное притяжение уточняющих компонентов оказывается необходимым и при развертывании, конкретизации темы *сознательная рефлексия* посредством поликомпонентных сочинительных рядов (первый состоит из 13 компонентов, второй – из 7), не предполагающих со стороны как адресанта, так и адресата скрупулезного внимания, что является прерогативой интроверта. Вместе с тем очевидно, что (и это в контексте статьи особенно важно) сочинительный ряд воплощает развитие, *расширение* знания о предмете, что определенно предполагает «контроль» и помощь вездливой автора-интроверта в диалоге с читателем. Мы склонны интерпретировать это явление в рамках поставленной на рассмотрение темы следующим образом. Предпочитаемая автором амбивалентная синтаксическая конструкция выступает в роли яркого индикатора внимания со стороны коммуниканта-*амбиверта*.

Таким образом, можно считать, что внимание **автора-экстраверта** ориентирует *обобщать* (не сужать) полученные наблюдения над материалом исследования, **автора-интроверта** – скрупулезно рассматривать предмет, формируя его *в целостности*, **автора-амбиверта** – привлекает читателя благодаря *притяжению* обширного количества научных положений.

В заключение статьи акцентируем актуальность проблемы экстралингвистической обусловленности научной речи – проблемы, значимой не только для функциональной стилистики, но и для отпочковавшегося от последней речеведения, а также приобщение рассмотренного вопроса о внимании автора научного текста к проблемам естественного интеллекта языковой личности, мышления и речи, психологических и речетекстовых особенностей авторов экстравертов, интровертов и амбивертов. Думается, что актуальность расширения и углубления только начатого изучения научных текстов в данном ракурсе очевидна. Проблема ждет поддержки единомышленников.

Библиографический список

1. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка). – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 663 с.
2. Дискурсивные основания речеведения: научный текст – новое знание – перевод / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова, Л. В. Кушнина, Н. В. Соловьева, Л. С. Тихомирова; под общ. ред. М. П. Котюровой. – М.: Флинта, 2024. – 300 с.
3. Клепикова Т. А. Дискурсивное метарепрезентирование // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: Материалы международной научной конференции, Москва, 17–18 ноября 2011. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – 254 с.

4. Котюрова М. П. Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле сравнительно с некоторыми другими: автореф. дис. канд. филол. наук. – Саратов, 1974.
5. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. М.Н.Кожиной. Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. – 396 с. [Гл. (II–V) о цельности и целостности, связности, логичности и точности научной речи – автор М.П.Котюрова.
6. Роббинс Т. Книга о власти над собой. – Минск: Попурри, 2020. – 400 с.
7. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 639 с.

References in Roman script

1. Bondarko A. V. Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki (na materiale russkogo yazyka). – М.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. – 663 s.
2. Diskursivnyye osnovaniya rechevedeniya: nauchnyy tekst – novoye znaniye – perevod / M. P. Kotyurova, YE. A. Bazhenova, L. V. Kushnina, N. V. Solov'yeva, L. S. Tikhomirova; pod obshch. red. M. P. Kotyurovoy. – М.: Flinta, 2024. – 300 s.
3. Klepikova T. A. Diskursivnoye metareprezentirovaniye // Diskurs kak sotsial'naya deyatel'nost': priority i perspektivy: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Moskva, 17–18 noyabrya 2011. – М.: IPK MGLU «Rema», 2011. – 254 s.
4. Kotyurova M. P. Lingvisticheskoye vyrazheniye svyaznosti rechi v nauchnom stile sravnitel'no s nekotorymi drugimi: avtoref. dis. kand. filol. nauk. – Saratov, 1974.
5. Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XX vv. / pod red. M.N.Kozhinoy. T. II. Stilistika nauchnogo teksta (obshchiye parametry). – Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 1998. Ch. 2. Kategorii nauchnogo teksta: funktsional'no-stilisticheskiy aspekt. – 396 s. [Gl. (II–V) o tsel'nosti i tselostnosti, svyaznosti, logichnosti i tochnosti nauchnoy rechi – avtor M.P.Kotyurova.
6. Robbins T. Kniga o vlasti nad soboy. – Minsk: Popurri, 2020. – 400 s.
7. Ryabtseva N. K. Yazyk i yestestvennyy intellekt. – М.: Academia, 2005. – 639 s.

References

1. Bondarko A.V. Theory of meaning in the system of functional grammar (based on the material of the Russian language). Moscow: Languages of Slavic Culture, 2002. 663 p. (In Russian).
2. Discursive foundations of speech production: scientific text – new knowledge – translation / M. P. Kotyurova, E. A. Bazhenova, L. V. Kushnina, N. V. Solovyova, L. S. Tikhomirova; under the general editorship of M. P. Kotyurova. – М.: Flint, 2024. – 300 p. (In Russian).
3. Klepikova T. A. Discursive meta-representation // Discourse as a social activity: priorities and prospects: Proceedings of the international scientific conference, Moscow, November 17-18, 2011. Moscow: IPK MGLU "Rema", 2011. – 254 p. (In Russian).
4. Kotyurova M. P. Linguistic expression of speech coherence in a scientific style compared with some others: abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. – Saratov, 1974. (In Russian).
5. Essays on the history of the scientific style of the Russian literary language of the XVIII–XX centuries / edited by M.N.Kozhina, vol. II. The style of the scientific text (general parameters). – Perm: Publishing House of Perm. University, 1998. Part 2. Categories of scientific text: a functional and stylistic aspect. 396 p. [Chapters (II–V) on the integrity and integrity, coherence, logic and accuracy of scientific speech – author M.P.Kotyurova. (In Russian).
6. Robbins T. The book about self-control. – Minsk: Potpourri, 2020. – 400 p. (In Russian).
7. Ryabtseva N. K. Language and natural intelligence, Moscow: Academia, 2005, 639 p. (In Russian).

УДК 81'374.822

Белуасса Аффат
аспирант
Университет Алжир 2
Абу Эль Касем Саадалла
Алжир, г. Алжир
e-mail: affaf23@outlook.fr

Bellouassa Affaf
Postgraduate Student
University of Algiers 2 Abu El
Kacem Saadallah
Algeria, Algiers
e-mail: affaf23@outlook.fr

А. Белуасса

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ДВУЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ «ABBY LINGVO», «GLOSBE DICTIONARY» И «REVERSO CONTEXT»

Аннотация. Статья посвящена изучению принципов создания двуязычного электронного словаря. В работе рассматривается исторический анализ предпосылок и причин возникновения электронных двуязычных словарей, начиная с появления компьютеров четвёртого поколения и развития исследований в области машинного перевода и заканчивая современным этапом, характеризующимся широким распространением и многообразием электронных двуязычных словарей. На основе сравнительного анализа трёх наиболее известных электронных двуязычных словарей («ABBY Lingvo», «Glosbe Dictionary» и «Reverso Context») выявляются их основные сходства и различия с целью определения их структурной организации, что, в свою очередь, позволяет на основе описательно-аналитического метода установить основные принципы разработки электронных двуязычных словарей. Автор приходит к выводу, что непрерывное развитие информационных и цифровых технологий способствует появлению новых типов электронных двуязычных словарей, отвечающих современным требованиям и потребностям каждого нового этапа развития общества.

Ключевые слова: машинный перевод, компьютерная лингвистика, компьютерная лексикография, электронный словарь, макроструктура электронного словаря, микроструктура словарной статьи, электронный двуязычный словарь, принципы

Для цитирования: Белуасса А. Принципы создания двуязычного электронного словаря: сравнительный анализ «ABBY Lingvo», «Glosbe Dictionary» и «Reverso Context». *Русистика без границы. Международно научно списание*. – София, 2026, Том X, кн. 3, С. 14–24.

А. Bellouassa

PRINCIPLES OF CREATING A BILINGUAL ELECTRONIC DICTIONARY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF «ABBY LINGVO», «GLOSBE DICTIONARY» AND «REVERSO CONTEXT»

Annotation. The article is devoted to the study of the principles of designing bilingual electronic dictionaries. It presents a historical analysis of the prerequisites for and the reasons behind the emergence of bilingual electronic dictionaries, beginning with the advent of fourth-generation computers and the development of machine translation research, and ending with the current stage, characterized by the widespread use and increasing diversity of bilingual electronic dictionaries. Based on a comparative analysis of three of the most widely used bilingual electronic dictionaries (ABBY Lingvo», «Glosbe Dictionary» and «Reverso Context») the study identifies their main similarities and differences in order to determine their structural organization. This, in turn, makes it possible, through the descriptive-analytical method, to establish the fundamental principles underlying the design of bilingual electronic dictionaries. The author concludes that the continuous advancement of information and digital technologies fosters the emergence of new types of bilingual electronic dictionaries that meet the evolving requirements and needs of each new stage of societal development.

Keywords: machine translation, computational linguistics, computational lexicography, electronic dictionary, macrostructure of an electronic dictionary, microstructure of a dictionary entry, bilingual electronic dictionary, principles

For citation: Bellouassa A. Principles of creating a bilingual electronic dictionary: a comparative analysis of «ABBY Lingvo», «Glosbe Dictionary» and «Reverso Context». *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*. – Sofia, 2026, Vol. X, Iss. 3, pp. C. 14–24.

Вторая половина XX века стала свидетелем информационной революции и гонки за цифровизацией, вызванной технологическим прогрессом в различных аспектах научной и практической жизни. В настоящее время актуальными стали двуязычные электронные словари.

Материалы и методы исследования.

Для достижения поставленной цели и решения намеченных задач в работе использован комплексный междисциплинарный подход, сочетающий методы исторического анализа при рассмотрении предпосылок возникновения и причин появления электронных двуязычных словарей; сравнительный метод — при сопоставлении структурной организации трёх наиболее известных электронных двуязычных словарей с целью выявления их сходств и различий; а также описательно-аналитический метод, предусматривающий описание научных принципов построения электронных двуязычных словарей, анализ их структуры, компонентов и функциональных особенностей.

С появлением и доминированием новых технологий, в частности, «компьютеров четвёртого поколения, после изобретения микропроцессора в 1972 году, которые характеризуются высокой скоростью обработки, большими объёмами памяти (магнитные диски и оперативная память) и поддержкой современных языков программирования» [11], а также с появлением «персональных компьютеров (PC), ноутбуков (Laptop) и мобильных телефонов» [12], наряду с требованиями эпохи глобализации, направленными на достижение глобальной коммуникации и преодоление языкового барьера, возродилась идея, предложенная профессором А.Д. Бутом (Andrew Donald Booth) в 1946 году, об использовании цифровых компьютеров для перевода человеческих языков». Так возник машинный перевод: был разработан «код» для первого пословного машинного перевода.

Все это привело к расцвету «машинного перевода, первые шаги которого были сделаны в 1954 году в рамках эксперимента IBM в Джорджтаунского университета, в ходе которого шестьдесят предложений были полностью переведены с русского на английский с помощью электронного мозга, и эксперимента по переводу с английского на французский в Бирбекском колледже Лондонского университета (Birkbeck, University of London) [13].

Согласно точке зрения А.С. Джекежанова, «Машинный перевод – это процесс перевода текстов (письменных и устных) с одного естественного языка на другой с помощью специальной компьютерной программы» [4, с. 83].

К числу наиболее важных и широко используемых сегодня сайтов машинного перевода относятся: Google Translate, Deepl Translator, Microsoft Translator, Link: Systran и др. Эти веб-сайты функционируют на основе «языковых словарей как тесной связи между языком и переводом; действительно, они являются основной основой перевода, будь то человеческий или машинный переводом, независимо от того, являются ли словари одноязычными или многоязычными, и независимо от того, являются ли они лингвистическими словарями или специализированными терминологическими словарями для каждой области знаний» [10].

В этих условиях возникла компьютерная лингвистика для организации такого взаимодействия и реализации идеи компьютеризации языков, с сохранением языковой памяти народов и обеспечением её преемственности после того, как она была сохранена на бумаге. Так, по мнению К.К. Боярского, «На стыке вычислительной техники и лингвистики родилась наука, которая несколько раз меняла название: сначала она называлась математической лингвистикой, потом структурной лингвистикой и вычислительной лингвистикой. Наконец за ней прочно укрепилось её современное название – компьютерная лингвистика» [2, с. 4].

Компьютерная лексикография представляет собой раздел компьютерной лингвистики, характеризующийся фактической цифровизацией лексикографических продуктов и появлением электронных словарей, которые значительно уступают традиционным бумажным словарям. По мнению Филиповича Ю. Н. и Чернышевой М.И. «компьютерная лексикография – это временная дисциплина периода перехода от ручной и рукописной лексикографической практики к новым безбумажным информационным технологиям» [7].

Согласно Роберт И.В. и Лавиной Т.А., «электронный словарь – это аналог бумажного словаря, снабженный удобной системой поиска. Электронный словарь определяется как электронный информационный источник, соответствующий традиционному «бумажному» словарю. В электронной версии может вызываться информация из любой программы, специально определенной указанием на слово или группу слов, что приводит к визуализации необходимого фрагмента соответствующего словаря. В отличие от традиционных словарей электронный словарь вместе с текстом и графическими изображениями может содержать видео- и анимационные фрагменты, звук, музыку и т. д., возможна его реализация на базе гипертекста или гипермедиа» [6, с. 96]. «Толковый словарь терминов понятийного аппарата информатизации образования» (Роберт, Лавина, 2009) содержит более 200 дефиниций преимущественно технического характера, относящихся к области информатизации¹.

Термины «электронный», «автоматический» и «компьютерный» словарь часто используются как синонимы, с небольшим отличием. По мнению Романа Мисака, термины автоматические и электронные словари можно считать более общими и равнозначными, а компьютерные словари нужно рассматривать как один из их подвидов [9, с. 52].

Однако некоторые лингвисты разграничивают понятия электронного словаря, автоматического словаря и компьютерного словаря, рассматривая их как три близких, но не тождественных понятия. Каждый из этих терминов акцентирует внимание на определённом аспекте, хотя между ними существует определённое пересечение в ряде характеристик и функций:

«Электронный словарь — это лексикографическое произведение, представленное в электронной форме и обеспечивающее возможность автоматизированного поиска, обработки и представления информации о словах, их значениях и употреблении с помощью компьютерных технологий» [5];

«Автоматический словарь – это словарь в специальном машинном формате, предназначенный для использования на ЭВМ пользователем или компьютерной программой обработки текста» [1, с. 360].

«Компьютерный словарь – это словарь, процедуры заключения которого осуществляет компьютер» [8, с. 188].

¹ Боженкова Н.А., Рублева Е.В., Бахарлу Х. Словарь IT-терминов как инструмент русистики и лингводидактики в контексте цифровизации образования // Русистика, 2023. Т. 21. № 4. С. 457 – 473.

В рамках настоящего исследования нас прежде всего интересует электронный словарь, ориентированный на пользователя².

Изучение лексикографической структуры электронного словаря предполагает рассмотрение двух основных уровней: макроструктуры, отражающей общую организацию словаря, то есть как словарь построен с внешней стороны, принципы отбора и расположения словарных статей, и микроструктуры, связанной с внутренним строением отдельной словарной статьи и способом представления лингвистической информации.

Таким образом, макроструктура электронного словаря включает следующие компоненты: предисловие, правила пользования словарём, список сокращений, корпус словаря (совокупность словарных статей), грамматический очерк, дополнительные списки, например список источников. Эти элементы не обязательно располагаются в строго фиксированной линейной последовательности, поскольку благодаря гипертексту (гипертекстовой структуре) пользователь может переходить между ними в соответствии со своими потребностями.

К основным компонентам микроструктуры электронного словаря относятся: слово (словарный вход), произношение, морфологическая и грамматическая информация, значения и определения, примеры употребления, сведения об особенностях употребления и другие данные. Организация этих элементов также не является строго линейной, а осуществляется на основе гипертекстовых связей, которые позволяют пользователю непосредственно обращаться к той части информации, которая ему необходима.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что компьютерные технологии способствуют совершенствованию параметров макро- и микроструктуры электронного словаря посредством:

- Включения в словарную статью различных элементов представления информации (текста, звука, изображений, анимации);
- Возможности обновления и корректировки баз данных;
- Организации информации с помощью гипертекстовых связей и технологий гипертекста.

Электронные словари бывают толковые для объяснения значения слов на том же языке или двуязычные для перевода слов с одного языка на другой (например, с русского на арабский).

По мнению П. Н. Денисова «Электронный двуязычный словарь — это электронный лексикографический ресурс, содержащий систематизированную информацию о лексических единицах двух языков и предназначенный для обеспечения поиска, сопоставления и представления их переводных эквивалентов» [3].

Большинство электронных двуязычных словарей требуют покупки, некоторые доступны только зарегистрированным пользователям или подписчикам, а мало бесплатных. Поэтому, мы ограничимся кратким обзором наиболее известные из них (ABBYY Lingvo, Glosbe Dictionary и Reverso Context). Макроструктура и микроструктура электронных двуязычных словарей определяют их общую организацию: принципы отбора слов, интерфейс, формат словарной статьи³.

²Куприянов, Е. В. (2015). Electronic dictionary classification as problem of modern computer lexicography // The Journal of V. N. Karazin Kharkiv National University. Series "Philology", (1152), pp. 46-49.

³Шейпак С.А. От традиционного словаря к онлайн словарю: развитие лексикографической культуры пользователя // Вопросы лексикографии. 2024. № 33. С. 29 – 51.

«ABBY Lingvo» – представляет модель традиционного электронного словаря, основанного на структурированных лексикографических базах данных. Этот словарь доступен на сайте (www.lingvo.ru).

«Glosbe Dictionary» – представляет модель электронного словаря, основанного на больших базах данных переводов и примерах употребления. Этот словарь доступен на сайте Glosbe.

«Reverso Context» – представляет модель современного контекстного электронного словаря, ориентированного на анализ реального употребления языковых единиц. Этот словарь доступен на сайте Reverso Context.

Именно эти три словаря были выбраны, поскольку они представляют три различные модели электронных двуязычных словарей: модель структурированного лексикографического словаря (ABBY Lingvo), модель, основанную на больших базах данных и переводных примерах, (Glosbe Dictionary), и модель, ориентированную на контекст и реальное употребление языковых единиц, (Reverso Context).

Таким образом, анализ макроструктуры данных словарей показал, что «ABBY Lingvo» сохраняет традиционную организацию словника и объединяет специализированные словари в единую систему. «Glosbe Dictionary» построен как многоязычная база данных, содержащая большое количество переводных соответствий, тогда как «Reverso Context» организует поиск вокруг контекстов употребления языковых единиц. Несмотря на различия в организации данных, все три словаря обеспечивают быстрый поиск и удобный доступ к лексической информации.

Следовательно, одним из основных принципов создания электронного двуязычного словаря является **принцип научной организации словника и структуры словаря**.

Кроме того, для анализа микроструктуры словарной статьи данных словарей были выбраны три различные языковые единицы: слово «**мать**» с прямым значением, многозначное слово «**ключ**» и фразеологическое выражение «**как снег на голову**». Такой выбор обусловлен тем, что принципы создания электронного двуязычного словаря наиболее отчётливо проявляются при анализе многозначных и контекстно обусловленных языковых единиц.

Проведённое сравнение микроструктуры словарных статей в «ABBY Lingvo», «Glosbe Dictionary» и «Reverso Context» (в формате бесплатных версий) выявило как общие черты, так и различия в организации лексикографической информации.

К общим особенностям относится наличие в словарной статье основных лингвистических характеристик: заглавного слова, грамматической информации, переводных соответствий и контекстуальных примеров. Это свидетельствует о реализации следующих принципов создания двуязычного электронного словаря:

- **принцип представления базовой языковой информации;**
- **принцип двуязычного соответствия;**
- **принцип связи значения с контекстом.**

При сопоставлении словарных статей русского слова «мать» и его арабского перевода в словарях «Glosbe Dictionary» и «Reverso Context» обнаруживаются некоторые различия (Таблица 1).

Словарная статья на «Glosbe Dictionary» содержит русское слово (мать), его перевод на арабский язык (أم، والدة), его транслитерацию (mat') и аудиозаписи для отработки произношения; в ней указаны часть речи (существительное), род (женский) и форма множественного числа (мáтери), приведена таблица склонения слова по падежам

(именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный), а также даны примеры употребления ⁴.

Что касается словаря «Reverso Context», то в словарной статье приводятся русское слово (мать), его перевод на арабский язык (أُم، الأم، والدَة، أما، ماما)، его транслитерацию (mat') и аудиозаписи для отработки произношения; затем указываются часть речи (существительное «n»), род (женский «f»), а также добавляются примеры его употребления ⁵.

Таким образом, мы видим, что структура словарных статей в обоих словарях практически идентична: русское слово, его арабский перевод, транслитерация, аудиозаписи для отработки произношения, грамматические характеристики и примеры употребления. Однако в словаре «Glosbe» грамматическая информация о русском слове представлена более подробно: помимо указания части речи и рода слова, она включает форму множественного числа и таблицу склонения слова по падежам.

Таблица 1

Словарь	мать																					
ABBY Lingvo	Перевод с русского языка на арабский недоступен в бесплатной версии.																					
Glosbe Dictionary	والدة، أم— самые популярные переводы слова «мать» на арабский. мать (mat') <i>f.</i>, матери (ma'teri) <i>pl.</i> существительное женского рода <table><tr><td>ПАДЕЖ</td><td>Е.Ч</td><td>МН.Ч</td></tr><tr><td>ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ</td><td>мать</td><td>мáтери</td></tr><tr><td>РОДИТЕЛЬНЫЙ</td><td>мáтери</td><td>матерéй</td></tr><tr><td>ДАТЕЛЬНЫЙ</td><td>мáтери</td><td>матеря́м</td></tr><tr><td>ВИНИТЕЛЬНЫЙ</td><td>мать</td><td>матерéй</td></tr><tr><td>ТВОРИТЕЛЬНЫЙ</td><td>мáтерью</td><td>матеря́ми</td></tr><tr><td>ПРЕДЛОЖНЫЙ</td><td>мáтери</td><td>матеря́х</td></tr></table> Он всё ещё помнит тот день, когда его мать узнала, что он курит. ما زال يذكر اليوم الذي اكتشفت فيه أمه أنه يدخن. Ты должна помнить, что теперь ты мать английской королевы. يجب أن تتذكري أنك والدة ملكة إنجلترا الآن.	ПАДЕЖ	Е.Ч	МН.Ч	ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ	мать	мáтери	РОДИТЕЛЬНЫЙ	мáтери	матерéй	ДАТЕЛЬНЫЙ	мáтери	матеря́м	ВИНИТЕЛЬНЫЙ	мать	матерéй	ТВОРИТЕЛЬНЫЙ	мáтерью	матеря́ми	ПРЕДЛОЖНЫЙ	мáтери	матеря́х
ПАДЕЖ	Е.Ч	МН.Ч																				
ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ	мать	мáтери																				
РОДИТЕЛЬНЫЙ	мáтери	матерéй																				
ДАТЕЛЬНЫЙ	мáтери	матеря́м																				
ВИНИТЕЛЬНЫЙ	мать	матерéй																				
ТВОРИТЕЛЬНЫЙ	мáтерью	матеря́ми																				
ПРЕДЛОЖНЫЙ	мáтери	матеря́х																				
Reverso Context	мать nf mat' أم، والدَة، أما، ماما Сын захочет жить с тобой, думая, что я плохая мать. ويرغب ابننا في البقاء معك لأنه يظن أنني أم سيئة. Какое счастье испытывает мать, глядя в глаза своему малышу. أي نوع من السعادة تختبره الأم وهي تنظر إلى عيني طفلها. Укол делают только, если мать малыша дала своё письменное согласие. لا يتم الحقن إلا أعطت والدَة الطفل موافقتها الخطية.																					

Способы представления переводных соответствий в рассматриваемых нами трех словарях различаются: Glosbe предоставляет большое количество вариантов на основе

⁴ <https://glosbe.com/ru/ar/%D0%BC%D0%B0%D1%82%D1%8C>

⁵ <https://context.reverso.net/translation/russian-arabic/%D0%9C%D0%90%D0%A2%D0%AC>

различных источников, а Reverso Context акцентирует внимание на употреблении единицы в реальном контексте.

Различия между словарями наиболее ярко проявляются в степени детализации словарной статьи, способах обработки многозначности и представлении фразеологических единиц. ABBYY Lingvo ориентирован на традиционную лексикографическую организацию информации, Glosbe — на расширение количества переводных соответствий и примеров, а Reverso Context — на контекстуальное представление значения. Это позволяет выделить **принцип баланса между полнотой информации и удобством её восприятия пользователем**.

Особое значение имеет обработка многозначных слов, что хорошо демонстрирует пример слова *ключ*, которое может обозначать *предмет для открытия замка (ключ от двери)*, *источник воды (горный ключ)* или *средство достижения цели (ключ к успеху)*. Следовательно, одним из важных принципов создания электронного двуязычного словаря является **принцип разграничение значений одной лексической единицы в зависимости от контекста**. Ниже сопоставляем словарные статьи (бесплатные версии) русского многозначного слова **ключ** и его английского перевода в словарях «ABBYY Lingvo»⁶, «Glosbe Dictionary»⁷ и «Reverso Context»⁸ (Таблица 2).

Таблица 2

Словарь	ключ
ABBYY Lingvo	ключ аудиозапись Транскрипция: <i>отсутствует.</i> Основные переводы: 1. м.р. key прям. и перен.; clue перен. 2. м.р.; муз. clef, key 3. м.р. spring, source Дополнительные переводы в специализированных словарях: Law Dictionary (к решению чего-л.) ключ – lead Russian English Dictionary of Physics: ключ – switch; gate; key Biological Dictionary: ключ – 1. key 2. spring Psychology: ключ – (1. устройство, необходимое понимания чего-то 2. разгадка к решению вопроса и т. п. 3. код) key Computer Science: ключ – criterion, cue, key, switch Telecommunications: ключ – key Mechanical Engineering and Industrial Automation: ключ – criterion вчт. driving tool Russian English Dictionary (American edition): ключ – 1. от замка key [[ki] 3. муз key, clef 3. (источник) spring Примеры: Заперта-с, вот и ключ! "It's locked, here is the key!" Достоевский, Фёдор / Преступление и наказание Dostoevsky, Fyodor / Crime and Punishment Открытый ключ используется для шифрования, а закрытый — для дешифрации. The public key is the encryption key; the private key is the decryption key. Таненбаум, Эндрю / Современные операционные системы Tanenbaum, Andrew S. / Modern Operating Systems А глубокий Уолденский пруд, а прохладный ключ Бристера — чем плоха их вкусная и здоровая вода, которой жители умели только разбавлять спиртные напитки?

⁶<https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/ru-en/%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87>

⁷<https://glosbe.com/ru/en/%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87>

⁸ <https://context.reverso.net/translation/russian-english/%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87>

	Ay, the deep Walden Pond and cool Brister's Spring – privilege to drink long and healthy draughts at these, all unimproved by these men but to dilute their glass. Торо, Генри Дэвид / Уолден — Thoreau, Henry David / Walden. <i>Представлены примеры из указанной художественной и специальной литературы.</i> Грамматика: существительное неодушевленное мужского рода; <i>представлена полная таблица склонения по падежам.</i> <table><tr><th>Падеж</th><th>Ед. ч.</th><th>Мн. ч.</th></tr><tr><td>Именительный</td><td>ключ</td><td>ключи</td></tr><tr><td>Родительный</td><td>ключа</td><td>ключей</td></tr><tr><td>Дательный</td><td>ключу</td><td>ключам</td></tr><tr><td>Винительный</td><td>ключ</td><td>ключи</td></tr><tr><td>Творительный</td><td>ключом</td><td>ключами</td></tr><tr><td>Предложный</td><td>ключе</td><td>ключах</td></tr></table>	Падеж	Ед. ч.	Мн. ч.	Именительный	ключ	ключи	Родительный	ключа	ключей	Дательный	ключу	ключам	Винительный	ключ	ключи	Творительный	ключом	ключами	Предложный	ключе	ключах
Падеж	Ед. ч.	Мн. ч.																				
Именительный	ключ	ключи																				
Родительный	ключа	ключей																				
Дательный	ключу	ключам																				
Винительный	ключ	ключи																				
Творительный	ключом	ключами																				
Предложный	ключе	ключах																				
Glosbe Dictionary	ключ аудиозапись Транскрипция: klûč Основные переводы: key, spring, clef. Грамматика: существительное мужского рода (noun); представлена полная таблица склонения по падежам. <table><tr><th>Падеж</th><th>Ед. ч.</th><th>Мн. ч.</th></tr><tr><td>Именительный</td><td>ключ</td><td>ключи</td></tr><tr><td>Родительный</td><td>ключа</td><td>ключей</td></tr><tr><td>Дательный</td><td>ключу</td><td>ключам</td></tr><tr><td>Винительный</td><td>ключ</td><td>ключи</td></tr><tr><td>Творительный</td><td>ключом</td><td>ключами</td></tr><tr><td>Предложный</td><td>ключе</td><td>ключах</td></tr></table> Дополнительные переводы: clue, wrench, spanner, source и др. Примеры: Ничто не предвещало беды, но вдруг ключи выскользнули из моих рук. Nothing foretold troubles, but the keys suddenly slipped out of my hands. Ты опускаешься в горячий ключ и наслаждаешься тёплой водой, ласкающей ноющие суставы. You slip into the hot spring and enjoy the warm water on your aching joints. Роман, что вы могли бы назвать Роман с ключом. The novel is what you would call a roman à clef. <i>Представлены многочисленные контекстные примеры из различных источников.</i>	Падеж	Ед. ч.	Мн. ч.	Именительный	ключ	ключи	Родительный	ключа	ключей	Дательный	ключу	ключам	Винительный	ключ	ключи	Творительный	ключом	ключами	Предложный	ключе	ключах
Падеж	Ед. ч.	Мн. ч.																				
Именительный	ключ	ключи																				
Родительный	ключа	ключей																				
Дательный	ключу	ключам																				
Винительный	ключ	ключи																				
Творительный	ключом	ключами																				
Предложный	ключе	ключах																				
Reverso Context	ключ аудиозапись Транскрипция: klyuch. Основные переводы: key, clue, wrench, spanner, clef, secret. Грамматика: существительное мужского рода (nm); таблица склонения отсутствует. Примеры: Её моменты сновидений часто содержали ключ к решению сложных задач. Her dreaming moments often held the key to solving tricky problems. Вы можете нажать на ключ, чтобы надёжно запереть дверь. You can push down on the key to lock the door securely. Дай хороший ключ, и я устраню эту протечку в мгновение ока. Give me one good wrench and I'll fix that leak in a jiff. <i>Представлены контекстные примеры и устойчивые словосочетания.</i>																					

Аналогичный подход необходим при работе с фразеологическими единицами. Например, фразеологизм *как снег на голову* требует представления не только его буквального значения, но и переносного смысла — «внезапно, неожиданно». В данном случае эффективный электронный словарь должен рассматривать устойчивые выражения как самостоятельные лексические единицы.

ABBY Lingvo представляет их с лексикографическим описанием. В русско-английском словаре Lingvo дано английское соответствие фразеологизма **как снег на голову** – английский идиом **out of the blue (a clear sky)**. Далее приводятся примеры из указанных литературных произведений И.С. Тургенева, А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского и др.⁹

Glosbe предлагает различные варианты соответствий. Перечислены лучшие переводы **как снег на голову**: **bolt from the blue; like a bolt from the blue; out of the blue**. Представлены аудиозаписи этих сочетаний и толкование: *something totally unexpected*. Приведены множество примеров в контексте, напр.: «А сейчас, **как снег на голову**, он просто позвонил и прервал со мной. » / «And now, **out of the blue**, he just called me and broke up with me»¹⁰.

В Reverso Context представлены аудиозапись и транскрипция **как снег на голову** – **kak sneg na golovu**, даны английские переводы с грамматической пометой *Noun* или *Adverb*: **out of the blue, out of nowhere, suddenly** и др., приведены примеры в рамках различных речевых ситуаций, напр.: «Внезапный град словно свалился **как снег на голову** во время нашего пикника» / «A sudden hailstorm seemed to drop **out of the sky** during our picnic»¹¹.

В свете проведённого теоретического исследования и сравнительного анализа словарей «ABBY Lingvo», «Glosbe Dictionary» и «Reverso Context» можно сделать вывод, что создание двуязычного электронного словаря требует сочетания лингвистических и лексикографических принципов, с одной стороны, и возможностей современных компьютерных технологий — с другой.

Результаты сравнительного анализа показывают, что эффективный двуязычный электронный словарь должен основываться на рациональной организации макро- и микроструктуры, представлении точной и полной лексикографической информации, обеспечении быстрого поиска, связи перевода с контекстом употребления, поддержке мультимедийных средств, а также учитывать потребности пользователя и обеспечивать возможность постоянного обновления.

Таким образом, успешность двуязычного электронного словаря определяется не только полнотой лексического материала, но и эффективностью его организации и представления, а также способностью использовать современные цифровые технологии в интересах пользователя. Кроме того, реализация этих принципов открывает широкие перспективы для дальнейшего развития данного типа словарей.

Непрерывное совершенствование компьютерных технологий, искусственного интеллекта и обработки естественного языка способствует улучшению их структуры и

⁹ <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/ru-en/%D0%BA%D0%B0%D0%BA%20%D1%81%D0%BD%D0%B5%D0%B3%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%83>

¹⁰ <https://glosbe.com/ru/en/%D0%BA%D0%B0%D0%BA%20%D1%81%D0%BD%D0%B5%D0%B3%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%83>

¹¹ <https://context.reverso.net/translation/russian-english/%D0%BA%D0%B0%D0%BA+%D1%81%D0%BD%D0%B5%D0%B3+%D0%BD%D0%B0+%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%83#->

функциональных возможностей, а дальнейшее развитие этих технологий, как ожидается, приведёт к появлению более совершенных двуязычных электронных словарей, соответствующих современным требованиям и более эффективно удовлетворяющих потребности пользователей.

Библиографический список

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. Пособие / А.Н. Баранов. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 360 с.
2. Боярский К. К. Введение в компьютерную лингвистику. — Санкт-Петербург: НИУ ИТМО, 2013. — 72 с.
3. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы её описания. Москва: Русский язык, 1980 — 253 с.
4. Джекежанов А.С. Роль машинного перевода в современном обществе // Сборник: 59-я научная конференция аспирантов, магистрантов и студентов Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (БГУИР), 2023. — С. 83-85.
5. Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2000.
6. Толковый словарь терминов понятийного аппарата информатизации образования / Сост. И.В. Роберт, Т.А. Лавина. - М.:ИИО РАО, 2009. - 96 с.
7. Филиппович Ю. Н., Чернышева М.И. Историческая компьютерная лексикография – terra incognita в компьютерном мире // Компьютера.– 1999. – № 45 (323). – С. 48–50.
8. Карпіловська Є.А. Вступ до прикладної лінгвістики: комп'ютерна лінгвістика: Підручник / Є.А. Карпіловська. – Донецьк: ТОВ “ Юго-Восток, Лтд”, 2006. – 188 с.
9. Мисак Р. Комп'ютерні словники: класифікація та укладання / Р. Мисак // Проблеми української термінології: зб. наук. праць. — Львів : Національний університет «Львівська політехніка», 2008. — С. 52—55.
10. Arabacademy-sy.org : сайт. — URL: <https://arabacademy-sy.org> (дата обращения: 06.03.2026).
11. How many generations of computers are there? сайт. — URL: www.computerhope.com (дата обращения: 28.02.2026).
12. The History of Computer Technology: сайт. — URL: www.medium.com, (дата обращения: 28.02.2026).
13. Wikipedia: сайт. –Джорджтаунский эксперимент: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 03.03.2026).

References in Roman script

1. Baranov A.N. Vvedeniye v prikladnuyu lingvistiku: ucheb. Posobiye / A.N. Baranov. — M.: Editorial URSS, 2001. — 360 s.
2. Boyarskiy K. K. Vvedeniye v komp'yuternuyu lingvistiku. — Sankt-Peterburg: NIU ITMO, 2013. — 72 s.
3. Denisov P. N. Leksika russkogo yazyka i printsipy yeyo opisaniya. Moskva: Russkiy yazyk, 1980 — 253 s.
4. Dzhekezhanov A.S. Rol' mashinnogo perevoda v sovremennom obshchestve // Sbornik: 59-ya nauchnaya konferentsiya aspirantov, magistrantov i studentov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta informatiki i radioelektroniki (BGUIR), 2023. — S. 83-85.
5. Kozyrev V. A., Chernyak V. D. Vselennaya v alfavitnom poryadke: Ocherki o slovaryakh russkogo yazyka. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2000.
6. Tolkovyy slovar' terminov ponyatiynogo apparata informatizatsii obrazovaniya / Sost. I.V. Robert, T.A. Lavina. - M.:PIO RAO, 2009. - 96 s.
7. Filippovich Yu. N., Chernysheva M.I. Istoricheskaya komp'yuternaya leksikografiya – terra incognita v komp'yuternom mire // Komp'yutera.– 1999. – № 45 (323). – S. 48–50.
8. Karpilovs'ka Є.А. Vstup do prikladnoï lingvistiki: komp'yuterna lingvistika: Pidruchnik / Є.А. Karpilovs'ka. – Donets'k: TOV “ Yugo-Vostok, Ltd”, 2006. – 188 s.
9. Misak R. Komp'yuterni slovniky: klasifikatsiya ta ukladannya / R. Misak // Problemi ukraïns'koï

terminologii: zb. nauk. prats'. — L'viv : Natsional'niy universitet «L'vivs'ka politekhnika», 2008. — S. 52—55.

10. Arabacademy-sy.org : sayt. — URL: <https://arabacademy-sy.org> (data obrashcheniya: 06.03.2026).
11. How many generations of computers are there? sayt. — URL: www.computerhope.com (data obrashcheniya: 28.02.2026).
12. The History of Computer Technology: sayt. — URL: www.medium.com, (data obrashcheniya: 28.02.2026).
13. Wikipedia: sayt. —Dzhordzhtaunskiy eksperiment: <https://ru.wikipedia.org/> (data obrashcheniya: 03.03.2026).

References

1. Baranov A.N. Introduction to applied linguistics: textbook. The manual / A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS, 2001. — 360 p. (In Russian).
2. Boyarsky K. K. Introduction to computational linguistics. Saint Petersburg: ITMO Research Institute, 2013.— 72 p. (In Russian).
3. Denisov P. N. The vocabulary of the Russian language and the principles of its description. Moscow: Russian Language, 1980 — 253 p. (In Russian).
4. Dzhhekezhyanov A.S. The role of machine translation in modern society // Collection: 59th scientific conference of graduate students, undergraduates and students at the Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics (BGUIR), 2023. — pp. 83-85. (In Russian).
5. Kozyrev V. A., Chernyak V. D. The universe in alphabetical order: Essays on dictionaries of the Russian language. St. Petersburg: Publishing House of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, 2000. (In Russian).
6. Explanatory dictionary of terms of the conceptual apparatus of informatization of education / Comp. I.V. Robert, T.A. Lavina. - M.: IIO RAO, 2009. - 96 p. (In Russian).
7. Filippovich Yu. N., Chernysheva M.I. Historical computer lexicography – terra incognita in the computer world // Computer. — 1999. — № 45 (323). — pp. 48-50. (In Russian).
8. Karpilovska E.A. Introduction to applied linguistics: computer linguistics: Handyman / E.A. Karpilovka. Donetsk: TOV “Yugo-Vostok, Ltd.”, 2006. 188 p. (In Ukrainian).
9. Misak R. Computerni slovniki: clasicacia ta stylannya / R. Misak // Problems of Ukrainian terminology: zb. nauk. prats'. — Lviv: National University "Lviv Polytechnic", 2008. — pp. 52-55. (In Ukrainian).
10. Arabacademy-sy.org: the website. — URL: <https://arabacademy-sy.org> (accessed: 03/06/2026). (In English).
11. How many generations of computers are there? website. — URL: www.computerhope.com (date of request: 02/28/2026). (In English).
12. The History of Computer Technology: a website. — URL: www.medium.com, (accessed: 02/28/2026). (In English).
13. Wikipedia: website. — The Georgetown Experiment: <https://ru.wikipedia.org/> / (date of access: 03.03.2026). (In Russian).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

Хадейд Хабиб
кандидат филологических наук, доцент
Университет Оран 2 имени Мохамеда Бен
Ахмеда
Алжир, г. Оран
e-mail : hhabib24@yahoo.fr

Hadeid Habib
Assistant Professor, Ph.D. in Philology
University of Oran 2, Mohamed Ben Ahmed
Algeria, Oran
e-mail: hhabib24@yahoo.fr

Х. Хадейд

СОВЕТСКАЯ САТИРА 1920–1940-Х ГОДОВ: ТВОРЧЕСТВО М. БУЛГАКОВА, И. ИЛЬФА, Е. ПЕТРОВА И М. ЗОЩЕНКО

Аннотация. В статье рассматриваются известные произведения советской сатиры 1920–1940-х годов. Анализируются повесть Михаила Булгакова «Собачье сердце», в которой осуждается идея насильственного создания «нового советского человека», рассказ Михаила Зощенко «Приключения обезьяны», критикующий советскую действительность через призму животного, а также роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев», раскрывающий социальные заблуждения и постоянство человеческих страстей. Показано, что советская сатира стала продолжением наследия Николая Гоголя. В условиях жёсткой государственной цензуры писатели использовали символы, аллегории и юмор как средства критики общества. Особое внимание уделяется терминам «шариковщина», «бендеровщина» и «зощенковщина», которые возникли благодаря литературным произведениям и продолжают использоваться в современном публичном дискурсе.

Ключевые слова: советская сатира, сатирический художественный дискурс, Михаил Булгаков, Михаил Зощенко, Илья Ильф, Евгений Петров, цензура, аллегория, шариковщина, бендеровщина, зощенковщина

Для цитирования : Хадейд Х. Советская сатира 1920–1940-х годов : творчество М. Булгакова, И. Ильфа, Е. Петрова и М. Зощенко. *Русистика без границы. Международно научно списание.* – София, 2026, Том X, кн. 3, С. 25–35.

H.Hadeid

SOVIET SATIRE OF THE 1920S–1940S: THE WORKS OF M. BULGAKOV, I. ILF, E. PETROV AND M. ZOSHCHENKO

Abstract. The article examines the famous works of Soviet satire of the 1920s and 1940s. The article analyzes Mikhail Bulgakov's novel «The Heart of a Dog», which condemns the idea of forcibly creating a «new Soviet man», Mikhail Zoshchenko's short story «The Adventures of a Monkey», which criticizes Soviet reality through the eyes of an animal, as well as Ilya Ilf and Evgeny Petrov's novel «The Twelve Chairs», which reveals social misconceptions and the immutability of human passions. It is shown that Soviet satire became a continuation of Nikolai Gogol's legacy. Under conditions of strict state censorship, writers used symbols, allegories, and humor as a means of criticizing society. Special attention is paid to the terms «Sharikovism», «Benderism» and «Zoshchenkovism», which originated from literary works and continue to be used in contemporary public discourse

Keywords: Soviet satire, satirical artistic discourse, Mikhail Bulgakov, Mikhail Zoshchenko, Ilya Ilf, Yevgeny Petrov, censorship, allegory, Sharikovism, Benderism, Zoshchenkovism

For citation: Hadeid H. Soviet satire of the 1920s–1940s: the works of M. Bulgakov, I. Ilf, E. Petrov, and M. Zoshchenko. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*. – Sofia, 2026, Vol. X, Iss. 3, pp. ...

Введение

Сатира представляет собой форму художественного выражения и социального комментария, широко представленную в творчестве многих выдающихся русских писателей особенно в советский период. Следует отметить, что «сатира не узкий литературный жанр; она использует все жанры литературы для своих обличительных выступлений. Средствами комического изобличения и снижения она преследует врага или враждебное, позорное явление в собственных рядах. Она смехом взрывает враждебный фронт или очищает свои собственные ряды от всего чуждого, ничтожного и позорного, что мешает росту и движению всего коллектива» [4, с. 27].

Для глубокого понимания этого явления необходимо обратиться к определению, данному в «Литературном энциклопедическом словаре»: «Сатира (лат. *satira*, от более раннего *satura* – сатура, буквально – смесь, всякая всячина), вид комического произведения; беспощадное, уничтожающее переосмысление объекта изображения (и критики), разрешающееся смехом, откровенным или подспудным, «редуцированным», специфический способ художественного воспроизведения действительности, раскрывающий ее как нечто превратное, несообразное, внутренне несостоятельное посредством смеховых, обличительно-осмеивающих образов» [6]. При этом важно понимать, что «сатира пишется с целью опорочить, оклеветать и принизить кого-нибудь, что-нибудь или же [само] государство». И только при условии, если она «благовоспитанна, остроумна и смешна», сатира имеет отношение к комическому [8, с. 8].

Однако в русской традиции юмор занимает особое место, значительно отличаясь от европейских стандартов. Как отмечает С. А. Венгеров: «Русскому духу, более чем какому-нибудь другому из творческих духов европейских народов, пришлось создать тип красоты грустной. Если бы художнику пришлось конкретно выразить образ русской красоты, в частности образ литературной красоты, ему бы ни на одну минуту не пришлось на ум нарисовать цветущую красавицу, блестящую и улыбающуюся. Смех беззаботный и веселый совершенно чужд русской литературе. Она знает только смех горький» [1, с. 23]. Этот горький смех не развлекает, а заставляет задуматься, раскрывая трагичность человеческого существования.

Особую остроту сатира приобретает в советский период, когда «юмор и сатира несут важнейшую политическую нагрузку, выполняя критическую функцию. Ирония и цинизм становятся моделями поведения, которые власть, требующая постоянных инноваций, навязывает авангарду общества и интеллигенции. Невозможно двигаться вперед, не отказавшись от старого, не подвергнув его сомнению и не посмеявшись над ним. Поэтому смех всегда был своеобразной идеологической «священной короной» Запада... Тоталитарным является общество, в котором нет места смеху». В то же время смех в СССР стал силой, способной пробивать стены идеологии: «хорошая шутка или анекдот могут стать мощным оружием» [7].

При этом историческое становление этого жанра в России неоднозначен. Существует мнение, что «сатира явилась у нас как привозный плод, а вовсе не как продукт, выработанный самой народной жизнью. Кантемир, обличая приверженцев старины и вздорных поклонников новизны, сказал не думу русского народа, а идеи иностранного князя, пораженного тем, что русские не так принимают европейское образование, как бы следовало по плану преобразователя России». Тем не менее, к XX веку сатира стала органичным и мощным инструментом анализа советской

действительности [3]. В фундамент советской сатирической традиции легла сатира Николая Гоголя – выдающегося писателя, одного из родоначальников русской художественной сатиры XIX века.

В данной статье основное внимание уделяется советскому периоду, рассматривая такие наиболее известные произведения, как «Собачье сердце» М. А. Булгакова, «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, а также «Приключения обезьяны» М. Зощенко. В статье используются описательный метод анализа сатирических произведений с целью выявления основных объектов социальной критики. Цель настоящей статьи состоит в кратком обзоре и описании наиболее значимых произведений русской сатирической литературы советского периода, а также в выявлении их основных тематических особенностей. Проанализированы традиции наследия Н. Гоголя в советской сатире.

Советская сатира в условиях цензуры: от «смеха торжества» до «вынужденного молчания»

В идеальном будущем «не будет никакого смеха, кроме смеха торжества над поверженным врагом». Так утверждал рупор правящей Партии в романе Джорджа Оруэлла «1984», и именно таким в значительной степени остаётся наше общее представление об официальном отношении к юмору и смеху в сталинском Советском Союзе. Это представление основано на убеждении, что советский «тоталитарный» режим попросту не мог терпеть юмор, поскольку он вносил опасную неоднозначность в реальность, которая должна была оставаться строго контролируемой и монолитной. Юмор создавал трещины в официальном фасаде, подрывая его внутреннюю целостность, идея, ярко воплощённая в первом романе Милана Кундеры «Шутка» (Žert, Прага, 1967). Не менее распространённым следствием этого предположения является мнение о том, что, когда обычные граждане рассказывали политические анекдоты или просто шутили о своём повседневном опыте жизни при социализме, это автоматически представляло собой ту или иную форму сопротивления советской системе или её неприятия [21, с. 341, 361].

Цензура отличалась в этом периоде бескомпромиссностью и мстительностью. Тем, кто считает, что господство идеологии над мышлением посредством цензуры не оставляет никакого шанса для подлинного сатирического выражения, история отчасти даёт им право. Пока литературные журналы и газеты выражали голос партии, была создана и другая институция для его защиты — цензура. Некоторые формы цензуры появились сразу после Октябрьской революции, однако они были институционализированы лишь в 1922 году с созданием Главлита (Главного управления по делам литературы и издательств) [20, с. 256].

Биографии двух самых известных советских сатириков, Булгакова и Зощенко, а также трудности, с которыми они сталкивались при публикации своих произведений, служат тому доказательством. Вынужденные либо умерять свою сатирическую остроту, либо молчать, а порой и отречься от самих себя, они едва могли дать волю своему сатирическому вдохновению несмотря на то, что сама эпоха настойчиво его требовала [18, с. 9].

«Собачье сердце» — повесть Михаила Булгакова

В этот период особенно выделялось одно имя — Булгаков, без которого невозможно обойтись. Михаил Афанасьевич Булгаков (1891, Киев – 1940, Москва) – русский писатель советского периода, врач, драматург, театральный режиссер и актер. Автор романов, повестей, рассказов, пьес, киносценариев и фельетонов, написанных в 1920-е годы. Известные произведения: «Собачье сердце», «Белая гвардия», «Роковые

яйца», «Иван Васильевич» и роман, принесший писателю мировую известность, «Мастер и Маргарита» [12].

Следует отметить, что «Собачье сердце» — повесть Михаила Булгакова 1925 года. Острая сатира на большевизм, она была написана в разгар нэпа, однако из-за цензурных запретов впервые была официально опубликована в журнале «Знамя» лишь в 1987 году, хотя до этого десятилетиями широко ходила в самиздате. В этом произведении Булгаков утверждает, что эволюция не терпит скачков: попытка ускорить историю и создать «нового человека» силой приводит к появлению опасного и агрессивного монстра [19]. Огромная популярность пришла к булгаковским героям после чрезвычайно удачной экранизации книги в 1989 году. Шарик-Шариков, профессор Преображенский, доктор Борменталь, председатель домкома Швондер стали нарицательными персонажами.

Вот краткое содержание повести Михаила Булгакова «Собачье сердце», в которой автор выражает сомнение в том, что эта революция одержит победу. Действие повести происходит в Москве в 1924 году.

Профессор Филипп Преображенский проводит уникальный эксперимент: он пересаживает бездомному псу Шарику человеческие органы. В результате операции собака постепенно принимает человеческий облик и получает имя Полиграф Полиграфович Шариков. Однако «новый человек» оказывается грубым, агрессивным и невежественным. Под влиянием председателя домкома Швондера Шариков начинает считать себя истинным представителем пролетариата, создавая невыносимые условия для окружающих. Осознав, что искусственное вмешательство в природу привело к к серьёзным последствиям, профессор проводит повторную операцию, возвращая Шарикову облик собаки. Повесть является острой сатирой на попытки создания «нового человека» и на социально-политические реалии советской действительности 1920-х годов [11].

В своей работе «Аллегии письма» (1995) Брюс Кларк рассматривает повесть «Собачье сердце» как политическую метафору социальной революции. Вот как он описывает этот процесс: Повесть Михаила Булгакова «Собачье сердце» является ярким примером сочетания метаморфозы и аллегории. В основе сюжета лежит медицинский эксперимент, в результате которого собака превращается в человека. Однако это превращение имеет не только фантастический, но и символический смысл. С помощью этого образа Булгаков показывает состояние советского общества в середине 1920-х годов и размышляет о последствиях революции. Медицинский эксперимент становится метафорой попытки создать «нового человека» и изменить общество искусственным путём. Именно поэтому приём метаморфозы играет важную роль в сатире писателя. Превращение Шарика в человека символизирует судьбу пролетариата после большевистской революции [16].

В этом фрагменте Брюс Кларк анализирует сатирический прием Булгакова. Он показывает, как художественный образ метаморфозы становится инструментом политической критики. Кларк подчеркивает, что превращение Шарикова, это не просто фантастика, а метафора насильственной социальной революции. Следует упомянуть, что повесть Михаила Булгакова «Собачье сердце» стала знаковым литературным феноменом, породившим понятие, которое получило мощный резонанс в культуре, а именно «шариковщина».

Согласно анализу Э. Г. Шестаковой, «шариковщина» представляет собой абсурдную общественную систему, которая уничтожает человеческое в человеке, вызывая в нём не стремление к духовному возрождению, а низменные инстинкты. Такое определение показывает, что «шариковщина» является не только литературным термином, но и важной когнитивной метафорой. Образ Шарикова превращается в символ определённого общественного явления, связанного с агрессивным невежеством и духовной деградацией. Используя этот образ, Булгаков показывает, как сатирическая литература помогает осмыслить социальные и нравственные проблемы общества [13].

Таким образом, художественный образ выходит за рамки литературного произведения и начинает влиять на восприятие истории, политики и общественной жизни.

«Приключения обезьяны» М. Зощенко

Переходим к другому известному писателю. Михаил Михайлович Зощенко (1894, Санкт-Петербург – 1958, Сестрорецк, Ленинград) был драматургом, сценаристом и переводчиком. В своих произведениях Зощенко боролся против невежества, мещанства, жестокости и других человеческих пороков [5].

В комментарии Татьяны Шишковой анализируется идеологический разгром рассказа М. Зощенко «Приключения обезьяны» в 1946 году. Сталин назвал его «пустейшей штукой» и «базарным балаганным анекдотом», а официальное постановление закрепило за ним статус «пошлого пасквиля». Жданов в своем докладе вскрыл «антисоветский подтекст» произведения. Согласно его точке зрения, Зощенко намеренно изобразил советских граждан «бездельниками и уродами, глупыми и примитивными людьми», противопоставив им обезьяну как «более разумное существо». Описание быта (очердей) трактовалось как глумление над блокадным Ленинградом. Философским итогом рассказа Жданов счел мысль обезьяны о том, что «в клетке свободнее дышится», резюмируя: для автора «советский быт, советские порядки хуже, чем Зоосад». Шишкова подчеркивает, что эта критика была продолжением травли 1943 года, когда Жданов требовал «еще усилить нападение на Зощенко, которого нужно расклевать, чтобы от него мокрого места не осталось». Если ранее автора упрекали в

неправильном воспитании читателя, то в 1946 году в «клевете на наш народ». Главная претензия властей заключалась в том, что Зощенко не изменился: он сохранил «ироничное к ним внимание» и застрял в 1920-х годах. Как отмечал Всеволод Вишневский, у писателя повсюду «пьяные, калеки, инвалиды, везде драки, шум», что отрицало прогресс, проделанный страной под сталинским руководством. Таким образом, рассказ был воспринят как враждебное нежелание автора видеть трансформацию советского общества [13].

Следует подчеркнуть, что рассказ описывает приключения маленькой обезьяны, которая убегает из зоопарка во время бомбежки города. Обезьяна попадает в мир людей и пытается приспособиться к их жизни. Она ходит по улицам, заходит в магазины и стоит в очередях. Однако человеческое общество кажется ей странным и абсурдным. Она видит грубость, жадность и непонятную суету. Главная сатирическая мысль заключается в том, что обезьяна, глядя на поведение людей, делает вывод: в клетке зоопарка жить гораздо лучше и спокойнее, чем на свободе в человеческом обществе. Именно это сравнение стало причиной жесткой критики автора со стороны советской власти, так как в образе обезьяны увидели издевательство над советским бытом и людьми [10].

Если в США эпоха маккартизма сопровождалась преследованием лиц, подозреваемых в симпатиях к коммунизму, то в СССР выполняла кампания против Михаила Зощенко. Именно в этот период появился термин «зощенковщина», который использовался как уничижительный идеологический ярлык для очернения писателя и любой формы свободной сатиры.

«Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова

Творческий союз Ильи Ильфа (1897–1937) и Евгения Петрова (1903–1942) занимает особое место в истории советской литературы. Оба писателя родились в Одессе, городе, известном своими юмористическими традициями и своеобразной языковой культурой. Именно эта среда оказала большое влияние на формирование их сатирического стиля, в котором ирония сочеталась с глубоким пониманием общественной жизни. Ильф и Петров познакомились в Москве в 1925 году, работая в редакции газеты «Гудок». Их деятельность в отделе читательских писем позволила хорошо узнать повседневную жизнь советских людей и собрать богатый материал для будущих произведений. В 1928 году был опубликован роман «Двенадцать стульев», а в 1931 году вышло его продолжение «Золотой телёнок». Эти произведения принесли авторам широкую известность, а созданный ими образ Остапа Бендера стал одним из самых узнаваемых литературных персонажей эпохи нэпа.

В своём творчестве писатели не ограничивались одним литературным жанром. Они успешно сочетали художественную прозу с журналистикой и фотографией [17].

Следует также упомянуть ещё один значимый роман «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова представляет собой глубокое и многогранное исследование человеческой природы и общества. С одной стороны, авторы обличают алчность и иллюзии прошлого: погоня за сокровищами становится источником всех бед героев, демонстрируя разрушительную силу жадности и тщетность попыток вернуть утраченный мир. С другой стороны, это масштабная сатира на советское общество 1920-х годов. Через приключения Бендера и Воробьянинова роман ярко раскрывает противоречия эпохи нэпа: абсурд бюрократии, социальное неравенство и разрыв между идеологией и реальностью. В итоге произведение подводит читателя к мысли о неизменности человеческой природы: несмотря на смену политического режима, люди остаются подвластны тем же страстям — жажде денег, власти и удовольствий [14].

Как подчеркивает Ю. К. Щеглов, изложено в общих чертах, действие романа происходит в Советском Союзе в 1920-е годы, во время нэпа, когда в стране существовали элементы рыночной экономики наряду с коммунистической системой. Бывший предводитель дворянства Ипполит Матвеевич Воробьянинов, которого называют Кисой, узнаёт от своей умирающей тёщи, что перед революцией она спрятала семейные драгоценности в одном из двенадцати стульев мебельного гарнитура мастера Гамбса. Желая вернуть сокровища, Воробьянинов начинает их поиски. Во время своих поисков он знакомится с Остапом Бендером, талантливым и находчивым авантюристом, который называет себя «великим комбинатором». Бендер становится его партнёром, и вместе они отправляются в путешествие по разным городам Советского Союза. Они ищут стулья, которые после революции были распределены по разным учреждениям и домам. На своём пути герои встречаются самых разных людей: чиновников, нэпманов, художников и других представителей советского общества. Одновременно за драгоценностями охотится священник отец Фёдор, который мечтает разбогатеть и открыть собственный свечной завод.

В конце романа герои находят последний, двенадцатый стул в московском Клубе железнодорожников. Из-за жадности Воробьянинов убивает спящего Остапа Бендера, надеясь забрать сокровища себе. Однако вскоре он узнаёт, что драгоценности уже были найдены раньше, а деньги от их продажи использовали для строительства этого клуба. Так поиски сокровищ заканчиваются полной неудачей [15].

Нужно подчеркнуть, что мораль произведения заключается в следующем: стремление к личному обогащению может привести к трагедии, в то время как использование богатства на общественные цели приносит пользу. Однако здесь возникает противоречие: чтобы драгоценности помогли построить клуб, их нужно было продать. Очевидно, что купить их могли только иностранные буржуа. В этом

проявляется парадокс советской системы, которая отказалась от капитализма, но всё ещё нуждалась в капитале [9].

Помимо этого, влияние романа проявилось и в языке. Можно сказать, что это произведение дало жизнь новому термину «бендеровщина». В связи с этим сейчас необходимо чётко различать «бендеровщину», идущую от имени Остапа Бендера, и «бандеровщину», связанную с фамилией Степана Бандеры деятеля украинского национализма периода Второй мировой войны.

Интересно, что сегодня слово «бендеровщина» часто используется для описания определенного поведения человека. Например, в работе «От корпоративности под покровом идей к соборности в Богодержавии» авторы пишут о людях, которые остаются «приверженными „бендеровщине“ и криминализированным сферам деятельности». Это подтверждает, что имя персонажа стало нарицательным и теперь обозначает модель поведения, связанную с авантюризмом и социальной безответственностью [2].

Таким образом, творчество Ильфа и Петрова сыграло важную роль в развитии русской сатиры. Их книги не только описывали жизнь того времени, но и помогали людям лучше понимать социальные изменения, которые происходят в обществе.

Гоголевские традиции в советской сатире

Следует напомнить, что советская сатира 1920–1940-х годов во многом продолжила традиции Николая Гоголя (1809–1852). «Место Гоголя в истории сатиры таково, что, придя к ней как художник, он впервые в русской литературе сделал очевидным и осуществил «эстетическое задание» этого рода художественности. Он превратил сатиру из жанра инвективы, из манифестации критического умонастроения в эстетическую модальность художественного письма»¹. Эстетическая специфика сатирического дискурса была представлена в высшей степени Гоголем².

Сатирики СССР использовали его методы: «смех сквозь слезы», гротеск и фантастику. Критик Яков Эльсберг отмечал, что классическое наследие помогло советским писателям глубже показать недостатки нового общества³. Эта связь с классической традицией особенно ярко проявляется в творчестве трёх ведущих советских сатириков. В частности, Михаил Булгаков в повести «Собачье сердце» использует гоголевскую фантастику, чтобы через образ странного эксперимента показать абсурдность идеи «нового человека», лишённого культуры, что напрямую напоминает художественный мир Гоголя в «Носе» или «Шинели». Наряду с этим, Илья Ильф и Евгений Петров в романе «Двенадцать стульев» воскрешают дух «Мёртвых душ»: их герой Остап Бендер во многом напоминает хитрого Чичикова, а образы чиновников и обывателей города Старгорода – классические гоголевские типы, причём из-за жесткой цензуры авторам приходилось выдавать критику системы за простую борьбу с «пережитками прошлого» [15]. Тему «маленького человека» и повседневной жизни продолжил Михаил Зощенко. В рассказе «Приключения обезьяны» он обличал жадность и бюрократию, противопоставляя живую народную речь официальному канцеляриту. Таким образом, советская сатира того времени стала не просто описанием эпохи, а вечным зеркалом человеческих заблуждений, созданным по великим образцам Николая Гоголя.

¹ Тюпа Валерий. Сатирический дискурс Гоголя // Analysieren als Deutem Wolf Schmid zum 60. Geburtstag. – Hamburg, 2004. – С. 417–427.

² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – Москва: Искусство, 1979. – 416 с.

³ Эльсберг Я. Е. Наследие Гоголя и Щедрина и советская сатира. – М. : Советский писатель, 1954. – 448 с.

Заключение

В итоге можно сказать, что сатира занимала центральное место в русской литературе советского периода. Она стала прямым продолжением традиций царской эпохи и таких великих авторов, как Гоголь. Позже известные писатели развили направление сатирического художественного дискурса, используя символы и аллегории для критики системы в условиях строгой государственной цензуры. Доказательством этого служат такие известные произведения, как «Собачье сердце» М. А. Булгакова, «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, а также «Приключения обезьяны» М. Зощенко. Такого рода литература порождает особую терминологию, которая в итоге начинает определять саму реальность и остаётся в сознании людей и в массовой культуре до настоящего времени. Однако следует признать, что СССР распался по серьёзным геополитическим, экономическим и идеологическим причинам, а не из-за сатиры.

Библиографический список

1. Венгеров, С. А. В чём очарование русской литературы? : речи и выступления // Собрание сочинений : в 5 т. – Петроград : Издательство «Светоч», 1919. – Т. 4. – 160 с.
2. Внутренний Предиктор СССР. От корпоративности под покровом идей к соборности в Богодержавии. – Санкт-Петербург : Внутренний Предиктор СССР, 2003. – 141 с.
3. Добролюбов, Н. А. Русская сатира екатерининского времени / Н. А. Добролюбов. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 128 с.
4. Журнал «Литературная учеба». – М. : Советский писатель, 1938. – Т. 9.
5. Зощенко, М. Юмористические рассказы. – Киев : Strelbytskyu Multimedia Publishing, 2020. – 238 с.
6. Литературный энциклопедический словарь / авт.-сост. В. М. Кожевников, П. А. Николаев. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 751 с.
7. Матвейчев, О. А., Гусев, Д. А., Чернаков, С. А., Хазеев, Р. М. Уши машут ослом. Современное социальное программирование. – 2-е изд., исправл. и доп. – Санкт-Петербург : Питер, 2017. – 304 с.
8. Маштакова, Е. И. Из истории сатиры и юмора в турецкой литературе (XIV–XVII вв.). – Москва : Наука, 1972. – 200 с.
9. Молодяков, В. Э. Жак Бенвиль о «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова // ROSSICA: Литературные связи и контакты. – 2022. – № 3.
10. Сарнов, Б. М. Пришествие капитана Лебядкина. Случай Зощенко / Б. М. Сарнов. – Москва : Культура, 1993. – 600 с.
11. Сахаров, В. И. Михаил Булгаков: Писатель и власть / В. И. Сахаров. – Москва : Олма-Пресс, 2000. – 446 с.
12. Сухов, Е. Возвращение Явленной. – Москва : ЛитРес, 2025.
13. Шестакова, Э. Г. К проблеме специфики эстетической реальности различных типов словесности // Наукові записки ХНПУ ім. Г. С. Сковороди. Сер.: Літературознавство. – 2007. – Вип. 4 (48). – Ч. 2. – С. 147–156.
14. Шишкова, Т. Внеждановщина: советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 382 с.
15. Щеглов, Ю. К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. – 656 с.
16. Clarke, B. Allegories of Writing: The Subject of Metamorphosis. – Albany, NY : State University of New York Press, 1995. – 204 p.
17. Ilf, I., Petrov, E., Rodchenko, A. M., & Ilf, A. I. Ilf and Petrov's American Road Trip: The 1935 Travelogue of Two Soviet Writers / ed. by Erika Wolf; trans. by Anne O. Fisher. – New York : Princeton Architectural Press, 2007. – 158 p.
18. Jobert, V. La satire soviétique contemporaine : société et idéologie. – Paris : Presses Paris Sorbonne, 1991. – 244 p.
19. Reference Guide to Russian Literature / ed. by N. Cornwell. – London : Taylor & Francis, 2013. – 1012 p.

20. The Cambridge Companion to Twentieth-Century Russian Literature / ed. by E. Dobrenko, M. Balina. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – 297 p.
21. Waterlow, J. It's Only a Joke? Humor, Trust and Everyday Life under Stalin // The Russian Review. – 2012. – Vol. 71, No. 3. – P. 341–361.

References in Roman script

1. Vengerov, S. A. V chem ocharovanie russkoy literatury? : rechi i vystupleniya // Sobranie sochineniy : v 5 t. – Petrograd : Izdatel'stvo «Svetoch», 1919. – T. 4. – 160 s.
2. Vnutrenniy Prediktor SSSR. Ot korporativnosti pod pokrovom idey k sobornosti v Bogoderzhavii. – Sankt-Peterburg : Vnutrenniy Prediktor SSSR, 2003. – 141 s.
3. Dobrolyubov, N. A. Russkaya satira ekaterininskogo vremeni / N. A. Dobrolyubov. – Moskva : Izdatel'stvo Yurayt, 2023. – 128 s.
4. Zhurnal «Literaturnaya ucheba». – M. : Sovetskiy pisatel', 1938. – T. 9.
5. Zoshchenko, M. Yumoristicheskie rasskazy. – Kiev : Strelbytsky Multimedia Publishing, 2020. – 238 s.
6. Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar' / avt.-sost. V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev. – M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1987. – 751 s.
7. Matveychev, O. A., Gusev, D. A., Chernakov, S. A., Khazeev, R. M. Ushi mashut oslom. Sovremennoe sotsial'noe programmirovaniye. – 2-e izd., ispravl. i dop. – Sankt-Peterburg : Piter, 2017. – 304 s.
8. Mashtakova, E. I. Iz istorii satiry i yumora v turetskoy literature (XIV–XVII vv.). – Moskva : Nauka, 1972. – 200 s.
9. Molodyakov, V. E. Zhak Benvil' o «Dvenadtsati stul'yakh» I. Il'fa i E. Petrova // ROSSICA: Literaturnye svyazi i kontakty. – 2022. – № 3.
10. Sarnov, B. M. Prishestvie kapitana Lebyadkina. Sluchay Zoshchenko / B. M. Sarnov. – Moskva : Kul'tura, 1993. – 600 s.
11. Sakharov, V. I. Mikhail Bulgakov: Pisatel' i vlast' / V. I. Sakharov. – Moskva : Olma-Press, 2000. – 446 s.
12. Sukhov, E. Vozvrashchenie Yavlennoy. – Moskva : LitRes, 2025.
13. Shestakova, E. G. K probleme spetsifiki esteticheskoy real'nosti razlichnykh tipov slovesnosti // Naukovi zapiski KhNPU im. G. S. Skovorody. Ser.: Literaturovedenie. – 2007. – Vyp. 4 (48). – Ch. 2. – S. 147–156.
14. Shishkova, T. Vnezhdanovshchina: sovetskaya poslevoennaya politika v oblasti kul'tury kak dialog s voobrazhaemym Zapadom. – Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. – 382 s.
15. Shcheglov, Yu. K. Romany Il'fa i Petrova. Sputnik chitatelya. – SPb. : Izd-vo Ivana Limbakha, 2009. – 656 s.
16. Clarke, B. Allegories of Writing: The Subject of Metamorphosis. – Albany, NY : State University of New York Press, 1995. – 204 p.
17. Ilf, I., Petrov, E., Rodchenko, A. M., & Ilf, A. I. Ilf and Petrov's American Road Trip: The 1935 Travelogue of Two Soviet Writers / ed. by Erika Wolf; trans. by Anne O. Fisher. – New York : Princeton Architectural Press, 2007. – 158 p.
18. Jobert, V. La satire soviétique contemporaine : société et idéologie. – Paris : Presses Paris Sorbonne, 1991. – 244 p.
19. Reference Guide to Russian Literature / ed. by N. Cornwell. – London : Taylor & Francis, 2013. – 1012 p.
20. The Cambridge Companion to Twentieth-Century Russian Literature / ed. by E. Dobrenko, M. Balina. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – 297 p.
21. Waterlow, J. It's Only a Joke? Humor, Trust and Everyday Life under Stalin // The Russian Review. – 2012. – Vol. 71, No. 3. – P. 341–361.

References

1. Vengerov, S. A. What Is the Charm of Russian Literature? Speeches and Addresses // Collected Works: In 5 Vols. – Petrograd : Svetoch Publishing House, 1919. – Vol. 4. – 160 p. (In Russian)
2. Internal Predictor of the USSR. From Corporatism under the Cover of Ideas to Conciliarity in God's

- Sovereignty. – Saint Petersburg : Internal Predictor of the USSR, 2003. – 141 p. (In Russian)
3. Dobrolyubov, N. A. Russian Satire of the Catherine the Great Era. – Moscow : Yurait Publishing House, 2023. – 128 p. (In Russian)
4. Literaturnaya Ucheba (Literary Studies). – Moscow : Sovetskii Pisatel, 1938. – Vol. 9. (In Russian)
5. Zoshchenko, M. Humorous Stories. – Kyiv : Strelbytskyy Multimedia Publishing, 2020. – 238 p. (In Russian)
6. Encyclopedic Dictionary of Literature / comp. by V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev. – Moscow : Soviet Encyclopedia, 1987. – 751 p. (In Russian)
7. Matveichev, O. A., Gusev, D. A., Chernakov, S. A., Khazeev, R. M. The Ears Wag the Donkey: Contemporary Social Programming. – 2nd ed., rev. and enl. – Saint Petersburg : Piter, 2017. – 304 p. (In Russian)
8. Mashtakova, E. I. From the History of Satire and Humor in Turkish Literature (14th–17th Centuries). – Moscow : Nauka, 1972. – 200 p. (In Russian)
9. Molodyakov, V. E. Jacques Bainville on The Twelve Chairs by Ilf and Petrov // ROSSICA: Literary Relations and Contacts. – 2022. – No. 3. (In Russian)
10. Sarnov, B. M. The Coming of Captain Lebyadkin: The Zoshchenko Case. – Moscow : Kultura, 1993. – 600 p. (In Russian)
11. Sakharov, V. I. Mikhail Bulgakov: The Writer and Power. – Moscow : Olma-Press, 2000. – 446 p. (In Russian)
12. Sukhov, E. Return of the Manifested One. – Moscow : LitRes, 2025. (In Russian)
13. Shestakova, E. G. On the Specificity of the Aesthetic Reality of Different Types of Literature // Scientific Notes of H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University. Series: Literary Studies. – 2007. – Issue 4 (48). – Part 2. – P. 147–156. (In Russian)
14. Shishkova, T. Beyond Zhdanovism: Soviet Postwar Cultural Policy as a Dialogue with the Imaginary West. – Moscow : New Literary Observer, 2023. – 382 p. (In Russian)
15. Shcheglov, Yu. K. The Novels of Ilf and Petrov: A Reader's Companion. – Saint Petersburg : Ivan Limbakh Publishing House, 2009. – 656 p. (In Russian)
16. Clarke, B. Allegories of Writing: The Subject of Metamorphosis. – Albany, NY : State University of New York Press, 1995. – 204 p. (In English)
17. Ilf, I., Petrov, E., Rodchenko, A. M., & Ilf, A. I. Ilf and Petrov's American Road Trip: The 1935 Travelogue of Two Soviet Writers / ed. by Erika Wolf; trans. by Anne O. Fisher. – New York : Princeton Architectural Press, 2007. – 158 p. (In English)
18. Jobert, V. La satire soviétique contemporaine : société et idéologie. – Paris : Presses Paris Sorbonne, 1991. – 244 p. (In French)
19. Reference Guide to Russian Literature / ed. by N. Cornwell. – London : Taylor & Francis, 2013. – 1012 p. (In English)
20. The Cambridge Companion to Twentieth-Century Russian Literature / ed. by E. Dobrenko, M. Balina. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – 297 p. (In English)
21. Waterlow, J. It's Only a Joke? Humor, Trust and Everyday Life under Stalin // The Russian Review. – 2012. – Vol. 71. – No. 3. – P. 341–361. (In English)

УДК 821.161.1-1.09 «18»

Поташова Ксения Алексеевна
доктор филологических наук, доцент
Государственный университет просвещения
Россия, г. Москва
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Potashova Kseniya Alekseevna
Associate Professor, Dr. Sc. (Philology)
State University of Education
Russia, Moscow
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

К.А. Поташова

ПОЭТИКА ОБРАЗА В СТИХОТВОРЕНИЯХ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА, ПОСВЯЩЕННЫХ Н. И. БУХАРОВУ

Аннотация. Целью исследования является выявление особенностей поэтической логики Лермонтова в стихотворениях «Смотрите, как летит, отвагою пылая...» и «Мы ждем тебя, спеши, Бухаров...», входящих в гусарский цикл 1838 года, посредством их рассмотрения с точки зрения знакового для них оригинального языкотворчества. Доказывается, что эти стихотворения являются собой художественное единство, в котором через портрет одной личности – старшего товарища поэта Н. И. Бухарова, создается обобщенный образ гусара как нравственного и исторического типа. Утверждается, что ключом к пониманию поэтической логики гусарский стихотворений Лермонтова оказывается выявление функционального спектра языковых единиц. Выявлено, что значимые для создания образа гусарства глаголы движения, деепричастия, номинативы перестают быть в поэтическом тексте нейтральными и переходят в статус инструментов создания характерного портрета. Результатом исследования явился вывод, что стихотворения следует рассматривать как часть гусарского текста Лермонтова 1838 года, в котором образ гусара, прошедший путь от внешнего юношеского восприятия к внутреннему, основанному на личном опыте и историческом осмыслении, не только окончательно оформился, но стал органично включенным в пафос зрелого творчества Лермонтова, обращенного к проблеме разрыва между героическим прошлым и посредственным настоящим.

Ключевые слова: Михаил Юрьевич Лермонтов, мировидение, смысловая и эмоциональная доминанта, гусарский текст, поэтическая логика

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 26-18-00293, <https://rscf.ru/project/26-18-00293/>

Для цитирования: Поташова К. А. Поэтика образа в стихотворениях М. Ю. Лермонтова, посвященных Н. И. Бухарову. *Русистика без границ. Международно научно списание*. – София, 2026, Том X, кн. 3, С. 36–46.

K. A. Potashova

THE POETICS OF IMAGE IN M. Y. LERMONTOV'S POEMS DEVOTED TO N. I. BUKHAROV

Abstract. The aim of the study is to identify the distinctive features of Lermontov's poetic logic in the poems «Look how he flies, burning with courage...» and «We are waiting for you, hurry, Bukharov...», which are part of the hussar cycle of 1838, by examining them from the perspective of the original linguistic creativity that is characteristic of them. It is proven that these poems constitute an artistic unity in which a generalized image of the hussar as a moral and historical type is created through the portrait of a single individual — the poet's older comrade, N. I. Bukharov. It is claimed that the key to understanding the poetic logic of Lermontov's hussar poems lies in identifying the functional spectrum of linguistic units. It has been revealed that the verbs of movement, participles, and nominatives that are significant for creating the image of hussarism cease to be neutral in the poetic text and take on the status of tools for creating a characteristic portrait. The study led to the conclusion that the poems should be regarded as part of Lermontov's hussar text from 1838, in which the image of the hussar — which evolved from an external, youthful perception to an internal one based on personal

experience and historical reflection — not only took on its final form but also became organically integrated into the pathos of Lermontov's mature work, which addressed the problem of the gap between the heroic past and the mediocre present.

Keywords: Mikhail Yuryevich Lermontov, worldview, semantic and emotional dominant, hussar text, poetic logic

Acknowledgements: the study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 26-18-00293, <https://rscf.ru/project/26-18-00293/>

For citation: K. A. Potachova. The poetics of image in M. Y. Lermontov's poems devoted to N. I. Bukharov. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*. – Sofia, 2026, Vol. X, Iss. 3, pp. 36–46.

В корпусе произведений Лермонтова 1838 года есть два тесно связанных между собой стихотворения – подпись к портрету «Смотрите, как летит, отвагою пылая...» и послание «Мы ждем тебя, спеши, Бухаров...», представляющие собой поэтический портрет полковника лейб-гвардии Гусарского полка, старшего товарища Лермонтова Н. И. Бухарова, в эскадроне которого поэт служил с 1834 по 1837 год, а затем вновь вернулся в 1838 году после перевода из лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. О том, что стихотворения посвящены именно Н. И. Бухарову известно из воспоминаний сослуживца Лермонтова М. Н. Лонгинова, который указал к некоторым стихотворениям адресаты: «Стихотворения посвящены покойному Николаю Ивановичу Бухарову, лейб-гвардии полковнику»¹. Традиционно рассмотрение этих стихотворений сводилось к комментированию их как «экспромтов на гусарской пирушке» [2: 157], передающих

¹ Лонгинов М. Н. Заметки о Лермонтове и о некоторых его современниках // Русская старина. 1873. № 3. С. 386.

«традиционный дух гусарской независимости» [2: 154]. В то же время по-прежнему нераскрытыми остаются особенности выражения в этих стихотворениях поэтической логики Лермонтова, для выявления которых необходимо определить функциональный спектр отдельных языковых единиц в «гусарском цикле» и рассмотреть экспромты с точки зрения знакового для них оригинального языкотворчества.

Между собой два стихотворения Лермонтова связаны внутренней поэтической логикой. Первоначально появилась подпись к рисунку, в которой создан яркий, но афористично-краткий поэтический образ «старого гусара», задающий смысловой ориентир для понимания характера гусара вообще, но не раскрывающий конкретного образа. Стихотворение-послание «Мы ждем тебя, спеша, Бухаров...» заимствует метафору из подписи к портрету (ср.: «Так мхом покрытая бутылка вековая // Хранит струю кипучего вина»² в подписи к портрету, «Огнем душа твоя полна, // Как вновь раскупренная влага // В бутылке старого вина»³ в послании), но наполняет образ гусара живыми чертами конкретного человека – Н. И. Бухарова. В кругу современников Н. И. Бухаров был легендарной личностью. Как пишет сослуживец Лермонтова А. В. Мещерский, Н. И. Бухаров стал «дорогим и добрейшим товарищем», он был «любим всеми офицерами полка»⁴. Неслучайно, Н. И. Бухарову ошибочно приписывается участие в Отечественной войне 1812 года. И хотя на момент войны он был еще юношей, но воспитанный во время войны с Наполеоном под влиянием героики этой эпохи, Н. И. Бухаров в 1820–1830-х годах являл собой, как пишет А. В. Мещерский, «настоящий тип старого гусара прежнего времени». В этой формуле задан тот идеальный образец гусара, которому невозможно подражать и которым можно только быть.

Столкновение идеального воина как живого воплощения удали и современного офицера, склонного к позерству, утратившего «христианскую ментальность и мораль» [7: 220] стало заметным во второй половине 1830-х годов. Не случайно П. А. Вяземский пишет об А. С. Пушкине: «Пушкин дорожил последними отголосками беззаветного удалства, видя в них последние проявления заживо схороняемой самобытной жизни»⁵. Подтверждение этим словам находим и в словах самого поэта, отметившего в письме к Н. Н. Пушкиной от 18 мая 1836 г. своевольный и страстный характер гусар, лихое удалство которых («что за беда, что гусарский поручик напился пьян и побил трактирщика, который стал обороняться») «простительнее»⁶ расчетливой трезвости нового поколения («славный обед ваших кавалергардов и благоразумие молодых людей, которым плюют в глаза, а они утираются батистовым платком»). У Лермонтова, принимавшего «мировоззренческую позицию Пушкина как безусловно верную» [2: 157] это противопоставление только усиливается, приобретая яркое словесное выражение и в ставших хрестоматийными стихах из стихотворения «Бородино» («Да, были люди в наше время, // Не то, что нынешнее племя: // Богатыри – не вы!»⁷), и в очерке «Кавказец», где русский офицер наделен лучшими человеческими качествами – «душевной отзывчивостью и открытостью, способностью к установлению человеческих контактов» [10: 95], не случайно поэт несколько раз по отношению к такому офицеру повторяет слово «настоящий» («настоящий кавказец человек удивительный, достойный всякого уважения и участия»⁸).

² Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954-1957. Т. II. С. 106.

³ Там же. Т. II. С. 107.

⁴ Мещерский А. В. Из моей старины. Воспоминания // Русский архив. 1900. № 12. С. 614.

⁵ Вяземский П. П. Собр. соч. СПб., 1893, с. 547.

⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. XVI. С. 117.

⁷ Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954-1957. Т. II. С. 80.

⁸ Там же. Т. VI. С. 348.

В комической поэме «Тамбовская казначейша» (1838) Лермонтов посвящает прославлению гусарского полка отдельную строфу, в которой за ироническим звучанием скрывается серьезное размышление с элегическим ощущением светлой грусти о прошедшем:

«Родов, обычаев боярских
Теперь и следу не ищи,
И только на пирах гусарских
Гремят, как прежде, трубачи.
О, скоро ль мне придется снова
Сидеть среди кружка родного
С бокалом влаги золотой
При звуках песни полковой!
И скоро ль ментиков червонных
Приветный блеск увижу я,
В тот серый час, когда заря
На строй гусаров полусонных
И на бивак их у леска
Бросает луч исподтишка!»⁹

Основу в этом размышлении о гусарстве составляет разрыв между прошлым и настоящим, в котором гусары являют собой черты ушедшей эпохи. Прошлые времена Лермонтов видит эпохой «родов, обычаев боярских» – это время гордости, чести, традиционного русского уклада. О настоящем же поэт высказывается категорично: «Теперь и следу не ищи». Этот разрыв между прошлым как временем истинных ценностей и фальшивым настоящим обуславливает ностальгический модус поэтических размышлений Лермонтова: гусары прекрасны, потому что они возвращены ушедшей эпохой. Поэт отзывается о них с особенной теплотой уже потому, что в них по-прежнему живут те нравственные устои, которые определяют их гусарский кодекс, поэт ценит их приверженность традиции, что подчеркнуто, в том числе, в связывающих компоненты текста словах *только* и *как прежде* с ограничительно-выделительным значением. Примечательна сцена, изображающая самих гусар: поэт выбирает не время их героического сражения, а время отдыха, которое с наибольшей теплотой передает гусарское единение как общину, почти семью. К этому единству и устремлен Лермонтов в своих размышлениях («О, скоро ль мне придется снова // Сидеть среди кружка родного»¹⁰). Важно, что собирательный образ гусарства выстраивается здесь не через описание боевых подвигов, но изнутри жизни, каждой деталью которой поэт любит. Золотой и червонный цвет, которыми наполнена картина, не только эстетизирует гусарский быт, но и выражает по отношению к нему «ощущение безусловной ценности» [6: 246], переводит феномен гусарства его в разряд драгоценного наследия. Примечательной особенностью этого отрывка является доминирование номинативов над активными глаголами. Воссоздавая на мысленном экране походную гусарскую жизнь в расцвеченных деталях, Лермонтов достигает эффект остановленного мгновения, важного для ностальгических раздумий: для сознания лирического поэта наиболее ценно сохранить в памяти этот идеальный образ гусарства.

⁹ Там же. Т. VI. С. 131-132.

¹⁰ Там же. Т. VI. С. 131.

В поэтических размышлениях о гусарах Лермонтов по-разному использует семантический потенциал номинативов и глаголов: если при доминировании номинативов создается образ обобщенный, статичный, эстетически завершенный, то чем больше в стихотворных зарисовках глаголов, тем образ гусара становится более динамичным, проблемным и исторически конкретным. Значимыми элементами для передачи образа оказывается характеристика движения. Показательно, что в подписи к портрету «Смотрите, как летит, отвагою пылая...» логическое ударение приходится именно на глагол *летит*, аналогично и в более развернутом послании, адресованном Н. И. Бухарову, звучащий в первом же стихе призыв «Мы ждем тебя, спеши, Бухаров», акцентирует стремительность движения, раннее лермонтовское стихотворение «Гусар» (1832) основано на нюансировании целого спектра быстроты движения: «он здесь проехал», «торопишь серого коня», «Когда ты вихрем на сраженье // *Летишь*»¹¹. Следует отметить, что глагол *лететь* «значительно увеличил свой смысловой объем» за счет значения «мчаться, нестись/носиться, двигаться по земле» только в XVIII веке [8: 139], а в поэзии Д. В. Давыдова глагол *летит* прочно закрепился за образом гусара (ср.: «Мы оба в дальний путь летим, товарищ мой, // Туда, где бой кипит, где русский штык бушует»¹²; «Когда, летая по рядам, // Горишь, как свечка, в дыме бранном;»¹³), став не столько характеристикой его действий, сколько обозначением состояния, но именно у Лермонтова эта характеристика движения приобретает особый смысл. Сам по себе индифферентный к выражению состояния глагол *летит* в контексте гусарских стихотворений оказывается характеристикой эмоционального и психофизического состояния, способен охарактеризовать гусара с качественной стороны. Через стремительность движения поэт демонстрирует внешний портрет удалого воина – продолжателя славных традиций 1812 года, с другой стороны, посредством передачи быстроты передвижения гусара Лермонтов обнажает трагедию личности нового времени.

Показательна организация пятой строфы стихотворения «Гусар», основывающаяся на конструкции с однокоренными *летишь* / *улетает* для выражения разрыва между истиной и действительностью, подмены героического действия обыденностью:

«Когда ты вихрем на сраженье
Летишь, бесчувственный герой,
Ничье, ничье благословенье
Не улетает за тобой»¹⁴.

Глагольная форма *летишь* выражает здесь не только действия гусара, пребывающего в пути на поле сражения, но включает в свою неспецифическую семантику характеристику состояния отстраненности лирического героя. Значимы тут и обращение к гусару («бесчувственный герой»), и привносящий в контекст временную окрашенность союз *когда*, вкупе они придают действию характер механической повторяемости, в которой пребывает гусар, находящийся в постоянных битвах. Вторая часть этой строфы еще более акцентирует бессмысленность «полета», который своей механичностью и бесцельностью не способен оставить следа ни в памяти, ни в сердце

¹¹ Там же Т. II. С. 107.

¹² Давыдов Д. В Стихотворения. Ленинград, Советский писатель, 1984. С. 71.

¹³ Там же. С. 100.

¹⁴ Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954-1957. Т. II. С. 70.

(«Ты не всегда был тем, что ныне, // Ты жил, ты слишком много жил»¹⁵). Акцентированное усилительным повтором отрицательного местоимения («ниче, ничье») отсутствие благословения придает движению лирического героя характер односторонности. С помощью стержневой для строфы глагольной конструкции *летишь* / *улетает* выражается трагическая антиномия внешнего бесстрашия и внутреннего духовного опустошения. Глагол движения приобретает в этом контексте функцию инструмента психологического анализа, смысловая нагрузка производных от глагола «лететь» не сводится только к передаче скорости отправления в битву, но и передает существование вне человеческих чувств и вне благословений, когда герой становится «бесчувственным» перед Богом.

Если стихотворение «Гусар» было написано, когда Лермонтов поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и только начал знакомиться с армейским бытом и нравами, и выражает юношеское метание между внешним блеском гусарской жизни и желанием искренних чувств («Гусар! ужель душа не слышит // В тебе желанья любви?»¹⁶), то получив непосредственный опыт общения с истинными гусарами, изменяется и их поэтический образ, вместе меняется и смысловое наполнение глагола *летит*. В этом отношении показательна подпись к портрету «Смотрите, как летит, отвагою пылая...», зачинная фраза в которой адресует к графической зарисовке конного портрета, выполненной, как следует из приписки рукой Лермонтова, сослуживцем поэта князем А. Н. Долгоруким. Анализ расположения рисунка и стихотворения на листе бумаги показывает, что карандашный портрет, занимающий центральное место, появился вначале, запись стихотворения центрирована относительно этого рисунка, в правом нижнем углу сделана подпись: «Лермонтов»¹⁷. Такое расположение важно для понимания стихотворения: поэтический образ создается посредством словесной интерпретации рисунка. Возможно, что лист с рисунком и подписью предполагался своего рода презентом старшему товарищу. Подпись к рисунку являет собой оригинальный синтез жанров: это своеобразный мадригал с эпиграммической структурой. В нем органично сочетается тонкая ирония и комплементарный характер. Шуточное сравнение, развернутое в 3-4 стихах делает комплемент дружеским, по-гусарски остроумным. Такая коммуникативная стратегия отвечает идее совместного прочтения и диалогической реакции, логичной для гусарского братства.

Стихотворение открывается инструментом речевого воздействия – модальным глаголом задается положение зрителя («смотрите»), далее следует сам экфрасис – на что же нужно смотреть. Оригинальность лермонтовского экфрасиса в этом стихотворении заключается в попытке запечатлеть портрет не в статичном состоянии, что типично для описания, а в движении. Но если в миниатюре художника (кн. Долгорукого) привлекает именно движение, что точно передано в графической зарисовке стремительной лошади. На рисунке лошадь летит галопом, ее грива и хвост развеваются по ветру, ноги высоко оторваны от земли, голова и тело вытянуты, но при этом всадник на коне изображен довольно схематично, хотя и видна его гусарская выправка, эполеты, кивер, но Лермонтов стремится рассмотреть за этими внешними деталями характер. Свою словесную зарисовку поэт строит на эффекте стоп-кадра, когда внешняя динамика («летит») подчинена передаче характера («отвагою пылая»).

¹⁵ Там же. Т. II. С. 70.

¹⁶ Там же. Т. II. С. 70.

¹⁷ Лермонтов М. Ю. Авторизованная копия стихотворения стихотворения «Смотрите, как летит, отвагою пылая» // РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 44. Л. 1.

На достижение эффекта стоп-кадра работает особенное построение предложения, основанное на «смещении коммуникативного фокуса» [1: 219] при котором деепричастный оборот, будучи традиционно придаточной частью, и действие, то есть главная часть предложения, меняются своими ролями. Смысловой центр в таком случае переходит от глагола к зависимым словам. При соблюдении формальной логики построения фразы, от глагола-сказуемого *летит* к придаточной части должен быть задан вопрос «как?», а деепричастный оборот, выполняя в таком случае функцию обстоятельства образа действия, должен уточнять, каким же способом совершено это действие. Таким образом эта подчинительная связь нарушена, деепричастный оборот перехватывает смысловую нагрузку и становится главным средством выражения описываемого, но прямо не названного в стихотворении объекта. Лермонтов намеренно не называет объект, что объясняется и фактически – адресат стихотворения был понятен в тесном кругу гусар, и смыслово. В этой зарисовке поэт первично стремится к передаче самой сути характера истинного гусара, которая выражена в словах «отвагою пылая». Фраза организована так, что от обобщенно-мыслимого объекта можно задать уточняющий вопрос о том, какой он и получить ответ на него в деепричастии. Посредством приема элиминации [3], то есть сознательного исключения из рассмотрения какой-либо единицы предложения, становится очевидным, что при отбрасывании глагола-сказуемого *летит*, конструкция предложения рушится грамматически, при этом сохраняется психология образа («смотрите, как отвагою пылая»), остается характер гусара – отважный и охваченный внутренним пламенем, на который и призывает поэт обратить внимание. В случае отбрасывания деепричастного оборота, конструкция предложения грамматически не разрушается («смотрите, как летит»), но утрачивается сам образ, нет объекта портретирования, летит как будто не гусар, а его лошадь, в поле зрения адресата (зрителя) показывается исключительно абстрактное движение. Глагол *летит* семантически выполняет подкрепляющую роль, посредством него вводится характеризующее объект деепричастие, несущее основную образно-смысловую нагрузку.

Смещая смысловую нагрузку от глагола к деепричастию, Лермонтов наделяет художественный образ кинематографичностью, суть которого заключается в превращении слова в кадр, самостоятельное зрительное событие, заданное уже в императиве *смотрите* и выстроенное далее на динамичной смене планов. Глагол летит передает общий план: стремительное движение фигуры гусара на лошади, деепричастие пылая переключает это общее восприятие на крупный план, теперь взгляд фиксирует состояние, характер гусара. Кинематографичность сцены достигается и посредством темпорального противопоставления: глагол летит выражает наивысшую скорость, тогда как деепричастие пылая, напротив, обозначает длящееся состояние, их соединение в одной фразе направлено на передачу эффекта замедленной съемки, что в целом, было присуще «поэтической рефлексии Лермонтова», размышляющего «с помощью не отдельно расположенных, самостоятельных картин, а сюжетов, подобным фильмам» [10: 186].

Стихотворение «Мы ждем тебя, спеши, Бухаров...», направленное на передачу образа-характера самого Н. И. Бухарова, строится иначе: очевидно преобладание в тексте номинативов, при том, что и глаголы не менее важны. Хотя стихотворение не является подписью к портрету, но в нем воссоздается в мельчайших деталях портретный образ, организуют который два императива, выражающих «действие с акцентом на достижение результата» [9: 205]: *спеши* и *брось*¹⁸. Обе глагольные формы необходимы,

¹⁸ Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954-1957. Т. II. С. 107.

чтобы придать тексту характер коммуникации. Стихотворение открывается обращением к отсутствующему герою, посредством глаголов достигается эффект живого присутствия адресата – Н. И. Бухарова. С их помощью стихотворение начинается не с описания, а с реплики, задающей тон полужутливого-полусерьезного разговора, построенного на двух «коммуникативных силах» [1: 33]: «мы ждем» и «ты брось». Выбор для организации поэтической ситуации двух местоименных доминант вызван стремлением к передаче «непосредственности выражения и речевая прозаизация текста» [5: 87], что характерно для языковой личности Лермонтова при воссоздании «ситуации искренности общения» [5: 87]. Многократное повторение участников коммуникации – тех, кто ждет и произносит эту речь (обобщенное *мы*) и адресата, имя которого скрыто за личным местоимением *ты* и его производными, еще более ориентировано на создание формы диалога с оставшимся за границами текста Н. И. Бухаровым («Мы ждем тебя...», «твой кубок готов», «остался ты один»). Построенный как ситуация ожидания, текст становится не описанием со стороны, а живой речью, адресованной герою. При этом интересна местоименная связь *мы* / *нам* с *ты* / *твой*, которая в данном контексте не антиномична, а, напротив, подчеркивает идею единства: *ты* оказывается не просто одним из обобщенного *мы*, но тем центром в единении *мы*, на который направлены взгляды, оценки, ожидания. Каждый повтор местоимения *мы* и его производных подчеркивает идею гусарского братства, а повтор местоимения *ты* – то, что именно Н. И. Бухаров, ценностные измерения которого соответствуют былому времени, и есть центр этого дружеского круга. Местоименная организация придает стихотворению эффект теплоты дружеского общения, повторы этих местоимений не тавтологичны: через систему многократных обращений создается образная система стихотворения, центральное место в которой отводится одному гусару, а его одновременная принадлежность к гусарскому братству и исключительное место в этом братстве усиливает символический смысл стихотворения. Примечательно и то, что Лермонтов использует узнаваемый код гусарского образа: усы, трубку, кубок, восходящий к лирике Д. В. Давыдова, у которого, что показательно, эти же детали определяют портрет «старого гусара» в стихотворении «Песня старого гусара»:

«Трубки черные в зубах;
Все безмолвны – дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегает»¹⁹;

«На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых!»²⁰.

При этом каждая деталь у Лермонтова становится не просто знаком принадлежности героя к гусарскому миру, но посредством наделения ее характерными эпитетами выполняют функцию индивидуализации образа («ус твой серебристый» – внешняя примета, «трубка плоская твоя» – личная вещь конкретного человека) и знака дружеской общности, повторяемости дружеского общения («обычный кубок»).

Обращение к двум стихотворениям Лермонтова, составляющим центр гусарской лирики 1838 года, а именно к подписи к портрету «Смотрите, как летит, отвагою пылая...» и посланию «Мы ждем тебя, спешу, Бухаров...» показывает, что эти произведения, зачастую воспринимаемые легкими дружескими экспромтами, являют

¹⁹ Давыдов Д. В Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1984. С. 56.

²⁰ Там же. С. 85.

собой более сложное художественное единство, в котором через портрет одной личности – старшего товарища поэта Н. И. Бухарова, создается обобщенный образ гусара как нравственного и исторического типа. Ключом к пониманию поэтической логики гусарский стихотворений Лермонтова оказывается выявление функционального спектра языковых единиц. Значимые для создания образа гусарства глаголы движения, деепричастия, номинативы перестают быть в поэтическом тексте нейтральными и переходят в статус инструментов создания характерного портрета гусара, которого определяет не стремительность движения, но внутреннее горение. Два стихотворения объединены не только общим адресатом, но рефлексией историософского характера. Гусар у Лермонтова – оказывается фигурой, связующей эпохи: гусар хранит кодекс чести ушедшего времени в то время, когда истинные ценности вытесняются. Эта идея обуславливает присутствие в гусарском тексте Лермонтова ностальгической тональности, интонации любования старым гусаром как исчезающим типом, восхищение единством гусарского братства. Стихотворения «Смотрите, как летит, отвагою пылая...» и «Мы ждем тебя, спешу, Бухаров...» следует рассматривать как часть гусарского текста Лермонтова 1838 года, в котором образ гусара, прошедший путь от внешнего юношеского восприятия к внутреннему, основанному на личном опыте и историческом осмыслении, не только окончательно оформился, но стал органично включенным в пафос зрелого творчества Лермонтова, обращенного к проблеме разрыва между героическим прошлым и посредственным настоящим.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова. М.: Худож. лит., 1986. 351 с.
3. Дымарский М. Я. Элиминация темы и постулат о базовом порядке слов в русском языке // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2017. Вып. 13. Культура русской речи. С. 230–237.
4. Киселева И. А. М. Ю. Лермонтов как духовный преемник А. С. Пушкина // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2(117). С. 45–58. DOI 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58.
5. Киселева И. А. Эпистолярная организация как смысловой код стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик» // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 82–97. DOI 10.22455/2686-7494-2024-6-3-82-97.
6. Киселева И. А., Потапова К. А. Особенности поэтического экфрасиса в стихотворении А. С. Пушкина "Полководец" (1835): от черновика к беловику // Научный диалог. 2021. № 4. С. 240–253. DOI 10.24224/2227-1295-2021-4-240-253.
7. Кошелев В. А. М.Ю. Лермонтов: историческая мифология. Исследования и материалы. Великий Новгород-Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2014.
8. Кузнецова А. И. Динамика русских глаголов движения с XI по XX век: монография. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2010. 285 с.
9. Падучева Е. В. Таксономическая категория как параметр лексического значения глагола // Русский язык в научном освещении. 2003. – № 2(6). – С. 192–216.
10. Потапова К. А. Батальная поэтика М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21, № 2. С. 176–195. DOI 10.15393/j9.art.2023.12183.
11. Юхнова И. С. Очерк М.Ю. Лермонтова "Кавказец" в современных исследованиях // Грехнёвские чтения: Литературное произведение в системе контекстов, Нижний Новгород, 23–25 апреля 2016 года / Ответственный редактор И.С. Юхнова. Том Выпуск 7. – Нижний Новгород: Издательство "Книги", 2017. С. 91–98.

1. Arutyunova N. D. Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy. M.: Nauka, 1976. 383 p.
2. Gershtejn E. G. Sud'ba Lermontova. M.: Hudozh. lit., 1986. 351 p.
3. Dymarskiy M. Ya. Eliminaciya temy i postulat o bazovom poryadke slov v russkom yazyke // Tr. In-ta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. M., 2017. Vyp. 13. Kul'tura russkoj rechi. pp. 230–237.
4. Kiseleva I. A. M. Yu. Lermontov kak duhovnyj preemnik A.S. Pushkina // Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2024. № 2(117). pp. 45-58. DOI 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58.
5. Kiseleva, I. A. Epistolyarnaya organizaciya kak smyslovoj kod stihotvoreniya M. Yu. Lermontova «Valerik» // Dva veka russkoj klassiki. 2024. T. 6, № 3. S. 82-97. DOI 10.22455/2686-7494-2024-6-3-82-97.
6. Kiseleva I. A., Potashova K. A. Osobennosti poeticheskogo ekfrasisa v stihotvorenii A. S. Pushkina "Polkovodec" (1835): ot chernovika k beloviku // Nauchnyj dialog. 2021. № 4. pp. 240-253. DOI 10.24224/2227-1295-2021-4-240-253.
7. Koshelev V. A. M.Yu. Lermontov: istoricheskaya mifologiya. Issledovaniya i materialy. Velikij Novgorod-Tver': Izdatel'stvo Mariny Batasovoj, 2014.
8. Kuznecova A. I. Dinamika russkih glagolov dvizheniya s XI po XX vek: monografiya. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. 285 p.
9. Paducheva E. V. Taksonomicheskaya kategoriya kak parametr leksicheskogo znacheniya glagola // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. 2003. –№ 2(6). – pp. 192-216.
10. Potashova K. A. Batal'naya poetika M. Yu. Lermontova // Problemy istoricheskoy poetiki. 2023. T. 21, № 2. pp. 176-195. DOI 10.15393/j9.art.2023.12183.
11. Yuhnova I. S. Ocherk M.Yu. Lermontova "Kavkazec" v sovremennyh issledovaniyah // Grekhnyovskie chteniya: Literaturnoe proizvedenie v sisteme kontekstov, Nizhnij Novgorod, 23–25 aprelya 2016 goda / Otvetstvennyj redaktor I.S. Yuhnova. Tom Vypusk 7. – Nizhnij Novgorod: Izdatel'stvo "Knigi", 2017. pp. 91-98.

References

1. Arutyunova N. D. The Sentence and Its Meaning: Logical and Semantic Problems. Moscow: Nauka, 1976. – 383 p. (In Russian).
2. Gerstein E. G. The Fate of Lermontov. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1986. 351 p. (In Russian).
3. Dymarsky M. Ya. Elimination of the Theme and the Postulate of the Basic Word Order in the Russian Language // Tr. of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. Moscow, 2017. Issue 13. Culture of Russian Speech. Pp. 230–237. (In Russian).
4. Kiseleva I. A. M. Yu. Lermontov as the spiritual successor of A. S. Pushkin // Bulletin of the Russian Foundation for Fundamental Research. Humanities and Social Sciences. 2024. No. 2(117). pp. 45-58. DOI 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58. (In Russian).
5. Kiseleva I. A. Epistolary Organization as a Semantic Code in M. Yu. Lermontov's Poem "Valerik" // Two Centuries of Russian Classics. 2024. Vol. 6, No. 3. Pp. 82-97. DOI 10.22455/2686-7494-2024-6-3-82-97. (In Russian)
6. Kiseleva I. A., Potashova K. A. Features of poetic ecphrasis in A. S. Pushkin's poem "The Commander" (1835): from draft to byelove // Scientific Dialogue. 2021. No. 4. pp. 240-253. DOI 10.24224/2227-1295-2021-4-240-253. (In Russian).
7. Koshelev V. A. M.Y. Lermontov: historical mythology. Research and materials. Veliky Novgorod–Tver: Publishing House of Marina Batasova, 2014. (In Russian).
8. Kuznetsova A. I. Dynamics of Russian motion verbs from the 11th to the 20th century: a monograph. Voronezh: Publishing House of Voronezh State University, 2010. 285 p. (In Russian).
9. Paducheva E. V. Taxonomic category as a parameter of the lexical meaning of a verb // Russian Language in Scientific Coverage. 2003. – No. 2(6). – Pp. 192–216. (In Russian).
10. Potashova K. A. Battle Poetics of M. Yu. Lermontov // Problems of Historical Poetics. 2023. Vol. 21, No. 2. Pp. 176–195. DOI 10.15393/j9.art.2023.12183. (In Russian).

11. Yukhnova I. S. M. Yu. Lermontov's essay "The Caucasian" in modern research // Grekhnev Readings: Literary Work in the System of Contexts, Nizhny Novgorod, April 23–25, 2016 / Editor-in-Chief I. S. Yukhnova. Volume 7, Issue 7. – Nizhny Novgorod: Publishing House "Knigi", 2017. Pp. 91–98. (In Russian).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 81.27

Миронова Маргарита Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
Кубанский государственный
технологический университет
Россия, г. Краснодар
e-mail: mironovamn20@yandex.ru

Mironova Margarita Nikolaevna
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Kuban State Technological University
Russia, Krasnodar
e-mail: mironovamn20@yandex.ru

Эпоева Луиза Врежевна
кандидат филологических наук, доцент
Кубанский государственный
технологический университет
Россия, г. Краснодар
e-mail: luepoeva@mail.ru

Epoeva Luisa Vrezhevna
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Kuban State Technological University
Russia, Krasnodar
e-mail: luepoeva@mail.ru

М.Н. Миронова, Л.В. Эпоева

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ: РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КЛАССА В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ И КУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния социального класса на языковое поведение индивида в современных условиях глобализации и цифровизации. Авторы исследуют связь языковых особенностей с такими экстралингвистическими факторами, как экономический статус, образование и профессиональный опыт. Рассматриваются изменения, происходящие в классической парадигме языковой стратификации в эпоху цифровых технологий. Подчеркивается важность изучения новых форм лингвистического капитала, возникающих в результате перехода коммуникации в виртуальное пространство. Исследуется проблема лингвистической дискриминации. Авторы приходят к выводу, что осознание социальных корней языковых явлений способствует разработке эффективных подходов, направленных на снижение барьеров для социальной мобильности посредством развития языковых способностей студентов и повышения толерантности к разнообразию речевых практик.

Ключевые слова: социальный класс, языковая вариативность, социолингвистика, лингвистический капитал, речевое поведение, цифровая коммуникация, языковая норма

Для цитирования: Миронова М.Н., Эпоева Л.В. Лингвокультурная обусловленность речевого поведения: роль социального класса в формировании языковых норм и культурных моделей. *Русистика без границы. Международно научно списание*. – София, 2026, Том X, кн. 3, С. 47–53.

M.N. Mironova, L.V. Epoeva

LINGUOCULTURAL DETERMINATION OF SPEECH BEHAVIOR: THE ROLE OF SOCIAL CLASS IN THE FORMATION OF LANGUAGE NORMS AND CULTURAL MODELS

Abstract. The article studies the influence of social class on individual linguistic behavior in the modern context of globalization and digitalization. The authors explore the relationship between linguistic characteristics and extralinguistic factors such as economic status, education, and professional experience. The changes occurring in the classical paradigm of linguistic stratification in the digital age are examined. The importance of studying new forms of linguistic capital arising from the transition of

communication to virtual space is emphasized. The problem of linguistic discrimination is explored. The authors conclude that understanding the social roots of linguistic phenomena facilitates the development of effective approaches aimed at reducing barriers to social mobility by developing students' linguistic abilities and increasing tolerance for the diversity of speech practices.

Keywords: social class, language variation, sociolinguistics, linguistic capital, speech behavior, digital communication, language norm

For citation: Mironova M.N., Epoeva L.V. Linguocultural determination of speech behavior: the role of social class in the formation of language norms and cultural models. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*. – Sofia, 2026, Vol. X, Iss. 3, pp. C. 47–53.

Рассмотрение роли социальных факторов в формировании речевого поведения составляет одну из центральных задач современной лингвистической науки. Среди множества экстралингвистических параметров, таких как возраст, пол, этническая принадлежность, именно социальный класс демонстрирует наиболее устойчивую и системную корреляцию с особенностями речи индивида. Под социальным классом в данном контексте понимается устойчивая социальная группа, члены которой обладают схожим экономическим положением, уровнем образования, профессиональным статусом и, как следствие, разделяют сходные культурные практики и модели поведения, включая речевые.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в условиях цифровизации общества и гибридизации коммуникативных форматов классические модели языковой стратификации подвергаются трансформации, требуя нового осмысления. Во-вторых, понимание механизмов связи языка и социальной структуры имеет важное прикладное значение для сферы образования, медиалингвистики и социальной политики, направленной на преодоление дискриминации. Наконец, изучение данной проблематики позволяет глубже понять, как через язык конструируется, поддерживается и оспаривается социальная идентичность.

Целью данной статьи является комплексный анализ влияния социального класса на языковое поведение индивида в диахронической и синхронической перспективе.

Проблема социальной обусловленности языка имеет давнюю историю в науке, однако её системное изучение началось лишь во второй половине XX века. Знаковым событием стало появление вариационистской социалингвистики, основателем которой считается американский лингвист Уильям Лабов. Его новаторское исследование, проведённое в Нью-Йорке в 1960-х годах, стало образцом строгого эмпирического подхода. Лабов показал, что частота употребления тех или иных языковых вариантов (например, произношение или отсутствие звука [r] в позиции после гласных) не является случайной, а статистически значимо коррелирует с социальным классом, возрастом, полом и степенью формальности коммуникативной ситуации [8]. Этот подход позволил перейти от умозрительных рассуждений о связи языка и общества к количественному анализу, доказав, что язык представляет собой внутренне стратифицированную систему, зеркально отражающую структуру общества.

В 1970-е годы произошёл концептуальный сдвиг, связанный с работами французского социолога Пьера Бурдьё. Если Лабов и его последователи делали акцент на описании и измерении вариативности, то Бурдьё предложил объяснительную модель, вскрывающую механизмы власти, стоящие за языковыми различиями. Центральными для его теории стали понятия «габитуса» (системы устойчивых диспозиций, формируемых социальным опытом), «поля» (относительно автономного социального пространства со своими законами) и «капитала».

Бурдые перенёс экономическую логику в символическую сферу, введя понятие «лингвистического капитала» как специфической формы символического капитала. Легитимный язык - язык доминирующего класса, санкционированный институтами власти (школой, университетом, государственными СМИ) - представляет собой социально признанный ресурс. Владение этим ресурсом позволяет его обладателю извлекать символическую прибыль: повышение социального статуса, авторитет, доверие, доступ к определённым позициям в социальном пространстве. Сам процесс навязывания и безусловного признания одной языковой нормы в качестве единственно правильной Бурдые определяет, как «символическое насилие» - мягкую, нефизическую, но чрезвычайно эффективную форму доминирования, маскирующую свою принудительную природу под естественный порядок вещей [2]. Таким образом, языковые различия переосмысливаются не как нейтральное лингвистическое разнообразие, а как инструмент социального контроля и воспроизводства неравенства.

Влияние социального класса на речь носит комплексный характер и проявляется на различных уровнях языковой системы - от поверхностных, легко идентифицируемых признаков до глубинных, касающихся самих принципов построения высказывания.

Наиболее очевидными и легко фиксируемыми индикаторами классовой принадлежности являются особенности произношения. Исследования в области социальной диалектологии (пионерские работы Питера Традгилла в Великобритании) убедительно демонстрируют, что акцент выполняет функцию мощного социального маркера [11]. Так, в британском обществе Received Pronunciation (RP), или «королевский акцент», исторически ассоциируется с аристократией и высшим классом, выполняя роль символа элитарности и образованности. В противоположность ему, такие разновидности, как кокни (традиционный акцент рабочего класса Лондона) или эстуарный английский (более современный, распространённый в юго-восточной Англии), маркируют иной социальный статус.

В российском контексте также существует иерархия произносительных норм. «Литературное произношение», ориентированное на московскую орфоэпическую норму, занимает вершину престижа и ассоциируется с образованностью, культурой и принадлежностью к столичной элите. Региональные акценты (например, оканье в северных регионах или специфическое произношение взрывного [г] на юге), а также ярко выраженные черты просторечия, напротив, часто стигматизируются в официально-деловой и публичной сферах, воспринимаясь как признаки недостаточной образованности или «провинциальности» [6].

На уровне грамматики классовые различия проявляются в предпочтении стандартных или нестандартных форм. Речь социальных групп с более низким уровнем формального образования или принадлежащих к традиционным рабочим сообществам с плотными социальными связями часто характеризуется устойчивыми нестандартными формами. К ним могут относиться явления, характерные для русского просторечия: использование форм типа «ихний», «ехай», «ложить»; морфологическая унификация (склонение несклоняемых существительных); синтаксические особенности, такие как двойное отрицание. Важно подчеркнуть, что в рамках самих этих сообществ подобные формы не воспринимаются как ошибки, а функционируют как маркеры групповой солидарности и «подлинной», неофициальной идентичности, противопоставленной внешнему, формальному миру [10].

Наиболее глубокие и значимые различия кроются не в отдельных элементах языка, а в принципах организации дискурса, то есть в способах построения целостных высказываний и ведения коммуникации. Это уровень культурных моделей общения,

которые индивид усваивает в процессе первичной социализации в своей семье и локальном сообществе.

Классической иллюстрацией этого тезиса служит этнографическое исследование американской учёной Ширли Брайс Хит, проведённое в трёх различных общинах на юге США. Хит показала, что дети из семей белых горожан среднего класса, афроамериканских рабочих и белых сельских жителей с самого раннего возраста учатся принципиально разным способам использования языка [7]. Они осваивают различные нарративные структуры для рассказов о событиях, разные стратегии задавания вопросов и получения информации, несхожие правила ведения спора и презентации знаний.

Проблема, однако, заключается в том, что институциональные системы, прежде всего школа и вуз, имплицитно принимают и санкционируют лишь одну дискурсивную модель - ту, которая характерна для образованного среднего класса. Эта модель предполагает контекстно-независимую, эксплицитную, логически структурированную речь, ориентированную на абстрактные рассуждения и монологическое изложение. Дети, чья первичная языковая социализация проходила в иной дискурсивной традиции, сталкиваются с «коммуникативным разрывом». Их компетенции и способы смыслопорождения не находят признания в образовательной среде, что создаёт скрытое, но мощное структурное неравенство, предопределяющее их дальнейшие образовательные траектории. Этот феномен наглядно демонстрирует механизм «символического насилия» по Бурдьё в действии.

Цифровая среда, часто воспринимаемая как демократичное и эгалитарное пространство, не отменяет социальной стратификации, а придаёт ей новые, подчас более сложные формы. В условиях доминирования онлайн-взаимодействия происходит формирование цифрового лингвистического капитала — совокупности навыков и компетенций, позволяющих эффективно использовать языковые ресурсы для достижения целей в виртуальном пространстве [3].

Различные цифровые площадки формируют собственные нормативные системы и жанровые ожидания, владение которыми становится новым критерием социального различия.

Коммуникация на профессиональных и экспертных платформах (например, LinkedIn, ResearchGate, отчасти Facebook) требует владения кодом профессионального или корпоративного дискурса. Ценятся структурированность, клишированность формул, точность терминологии, следование нормам делового этикета. Использование сленга, избыточной эмоциональности или нарочитой небрежности может восприниматься как признак непрофессионализма.

Говоря о развлекательных и молодёжных платформах (TikTok, определённые сегменты Instagram и «ВКонтакте»), необходимо отметить, что в этих средах символический капитал, напротив, часто связан с демонстративным отходом от стандартной нормы - стилизованной девиацией. Высоко ценятся креативность, ирония, владение актуальным сленгом и локальным жаргоном конкретных сообществ, умение создавать лаконичный и виральный контент. Нарочитая «разговорность», игра с орфографией и пунктуацией становятся знаками аутентичности и принадлежности к «своей» цифровой субкультуре [4].

Таким образом, современный индивид должен обладать навыком кодового переключения - способностью адаптировать свой языковой стиль к требованиям конкретной цифровой площадки и аудитории. Неспособность к такому переключению может приводить к коммуникативным неудачам и социальной маргинализации в онлайн-пространстве.

Цифровая среда воспроизводит и традиционное неравенство в возможностях продуцирования социально значимых смыслов. Пользователи с высоким уровнем образования и исходного культурного капитала чаще выступают в роли создателей сложного текстового и медийного контента: они ведут аналитические блоги, пишут экспертные статьи, создают образовательные курсы. Группы с более низким социально-экономическим статусом, даже при наличии технического доступа к интернету, чаще оказываются в позиции потребителей или создателей реактивного, минималистичного контента (лайки, короткие реплики, репосты, мемы). Это формирует дискурсивный цифровой разрыв — неравенство не в доступе к технологиям, а в возможностях влияния на формирование повестки и публичное производство знаний в сети [3].

В свете изложенного владение легитимным языковым кодом (в его традиционном и цифровом воплощениях) предстаёт как один из ключевых факторов, определяющих жизненные шансы индивида. Это ресурс социальной мобильности облегчает доступ к качественному образованию, престижной работе, социальным сетям влияния. Осознанное освоение норм публичной речи, научного и делового стиля позволяет человеку преодолевать изначальные социальные ограничения.

Однако этот процесс сопряжён с психологическими трудностями. Осваивающие новый языковой код индивиды нередко испытывают языковую неуверенность - страх совершить ошибку, выдать своё происхождение. Это состояние может приводить либо к коммуникативному избеганию (неучастию в значимых дискуссиях), либо к гиперкоррекции - избыточному, неестественному использованию престижных форм, которое само по себе может становиться маркером «чужака».

Более серьёзной социальной проблемой является лингвистическая дискриминация (лингвизм). Это ситуация, когда к человеку формируется предвзятое, негативное отношение на основании особенностей его речи (акцента, диалекта, выбора лексики, синтаксических конструкций). Многочисленные исследования, в том числе работы Розали Липпи-Грин, документально подтверждают, что лингвизм является реальным барьером на рынке труда, в образовательных учреждениях и в повседневном социальном взаимодействии [9]. Собеседование может быть провалено из-за «не того» акцента, а мнение — проигнорировано из-за «простой» манеры изложения. Таким образом, языковые практики выполняют амбивалентную функцию: служа каналом вертикальной мобильности для одних, они одновременно выступают в роли символического барьера, охраняющего границы привилегированных социальных групп.

Проведённый анализ позволяет сделать ряд обоснованных выводов. Во-первых, влияние социального класса на язык является не мифом, а эмпирически подтверждённым, сложноорганизованным феноменом. Оно пронизывает все уровни речевой деятельности — от автоматизированных особенностей произношения до глубинных принципов построения дискурса.

Во-вторых, теоретическое осмысление этой связи эволюционировало от констатации и измерения вариативности к раскрытию её роли как инструмента власти и социального воспроизводства. Язык выступает не пассивным зеркалом общества, а активным агентом, участвующим в конструировании, легитимации и постоянном обновлении социальных границ.

В-третьих, цифровая революция не устранила классовые различия, а реконфигурировала их, породив новые формы лингвистического капитала и дискурсивного неравенства. Умение эффективно оперировать различными регистрами онлайн-коммуникации становится важным социальным навыком XXI века.

Практическое значение понимания этих механизмов заключается в возможности разработки более справедливых образовательных стратегий, которые не навязывали бы

один культурный код как единственно верный, а развивали у учащихся металингвистическую рефлексию и гибкость. Оно также важно для борьбы с лингвистической дискриминацией и формирования инклюзивной публичной сферы, где разнообразие речевых практик воспринимается как богатство, а не как недостаток.

Перспективы дальнейших исследований видятся в углублённом изучении взаимодействия классовых маркеров с другими параметрами идентичности (гендерной, этнической, возрастной) в цифровой среде, а также в анализе роли алгоритмов платформ в усилении или, наоборот, сглаживании языкового неравенства.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с фр. А. Качалова. М.: Рипол-классик, 2015. 240 с.
2. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
3. Войскунский А.Е., Смирнова О.В. Цифровой лингвистический капитал: теория и методология исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 223–245.
4. Горошко Е.И. Цифровая лингвистика: человек в пространстве современных медиа. М.: Флинта. 2022. 280 с.
5. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
6. Крысин Л.П. Современный русский язык. Социоллингвистика: учебное пособие для вузов. М.: Академия. 2018. 272 с.
7. Heath, S. B. Ways with Words: Language, Life and Work in Communities and Classrooms. Cambridge University Press. 1983. URL: https://www.researchgate.net/publication/270979104_WAYS_WITH_WORDS_LANGUAGE_LIFE_AND_WORK_IN_COMMUNITIES_AND_CLASSROOMS_Shirley_Brice_Heath_Cambridge_University_Press_1983_Pp_ix_356
8. Labov, W. The Social Stratification of English in New York City (2nd ed.). Cambridge University Press. 2006. URL: [https://nzdr.ru/data/media/biblio/kolxoz/L/Labov%20W.%20The%20social%20stratification%20of%20English%20in%20New%20York%20City%20\(2ed.,%20CUP,%202006\)\(ISBN%200521821223\)\(O\)\(499s\)_L_.pdf](https://nzdr.ru/data/media/biblio/kolxoz/L/Labov%20W.%20The%20social%20stratification%20of%20English%20in%20New%20York%20City%20(2ed.,%20CUP,%202006)(ISBN%200521821223)(O)(499s)_L_.pdf)
9. Lippi-Green, R. English with an Accent: Language, Ideology and Discrimination in the United States (2nd ed.). Routledge. 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/260778619_English_with_an_accent_Language_ideology_and_discrimination_in_the_United_States
10. Milroy, L., & Milroy, J. Social Network and Social Class: Toward an Integrated Sociolinguistic Model. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/language-in-society/article/abs/social-network-and-social-class-toward-an-integrated-sociolinguistic-model/762C1CBD7E853424CF590B0CCCEC9429>
11. Trudgill, P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society (4th ed.). URL: https://www.researchgate.net/publication/249427831_An_Introduction_to_Sociolinguistics_4th_editionAn_Introduction_to_Sociolinguistics_4th_edition

References in Roman script

1. Bodriyyar Zh. Simulyakry i simulyatsiya / Per. s fr. A. Kachalova. M.: Ripol-klassik, 2015. 240 s.
2. Burd'ye P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva / Per. s fr.; отв. red. perevoda N.A. Shmatko. M.: Institut eksperimental'noy sotsiologii; SPb.: Aleteyya, 2007. 288 s.
3. Voyskunskiy A.YE., Smirnova O.V. Tsifrovoy lingvisticheskiy kapital: teoriya i metodologiya issledovaniya // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny. 2023. № 1. S. 223–245.
4. Goroshko YE.I. Tsifrovaya lingvistika: chelovek v prostranstve sovremennykh media. M.: Flinta. 2022. 280 s.

5. Karasik V.I. Yazykovaya matritsa kul'tury. M.: Gnozis, 2013. 320 s.
6. Krysin L.P. Sovremennyy russkiy yazyk. Sotsiolingvistika: uchebnoye posobiye dlya vuzov. M.: Akademiya. 2018. 272 s.

References

1. Baudrillard J. Simulacra and Simulation / Translated from French by A. Kachalova. Moscow: Ripol-classic, 2015. 240 p. (In Russian)
2. Bourdieu P. Sociology of Social Space / Translated from French; translation edited by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 2007. 288 p. (In Russian)
3. Voiskunsky A.E., Smirnova O.V. Digital Linguistic Capital: Theory and Research Methodology // Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. 2023. No. 1. pp. 223–245. (In Russian)
4. Goroshko E.I. Digital Linguistics: Man in the Space of Modern Media. Moscow: Flinta. 2022. 280 p. (In Russian)
5. Karasik V.I. The Language Matrix of Culture. Moscow: Gnosis, 2013. 320 p. (In Russian)
6. Krysin L.P. The Modern Russian Language. Sociolinguistics: A Textbook for Universities. Moscow: Academy. 2018. 272 p. (In Russian)
7. Heath, S. B. Ways with Words: Language, Life and Work in Communities and Classrooms. Cambridge University Press. 1983. URL: https://www.researchgate.net/publication/270979104_WAYS_WITH_WORDS_LANGUAGE_LIFE_AND_WORK_IN_COMMUNITIES_AND_CLASSROOMS_Shirley_Brice_Heath_Cambridge_Cambridge_University_Press_1983_Pp_ix_356 (In English).
8. Labov, W. The Social Stratification of English in New York City (2nd ed.). Cambridge University Press. 2006. URL: [https://nzdr.ru/data/media/biblio/kolxoz/L/Labov%20W.%20The%20social%20stratification%20of%20English%20in%20New%20York%20City%20\(2ed.,%20CUP,%202006\)\(ISBN%200521821223\)\(O\)\(499s\)_L_.pdf](https://nzdr.ru/data/media/biblio/kolxoz/L/Labov%20W.%20The%20social%20stratification%20of%20English%20in%20New%20York%20City%20(2ed.,%20CUP,%202006)(ISBN%200521821223)(O)(499s)_L_.pdf) (In English).
9. Lippi-Green, R. English with an Accent: Language, Ideology and Discrimination in the United States (2nd ed.). Routledge. 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/260778619_English_with_an_accent_Language_ideology_and_discrimination_in_the_United_States (In English).
10. Milroy, L., & Milroy, J. Social Network and Social Class: Toward an Integrated Sociolinguistic Model. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/language-in-society/article/abs/social-network-and-social-class-toward-an-integrated-sociolinguistic-model/1762C1CBD7E853424CF590B0CCCEC9429> (In English).
11. Trudgill, P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society (4th ed.). URL: https://www.researchgate.net/publication/249427831_An_Introduction_to_Sociolinguistics_4th_editionAn_Introduction_to_Sociolinguistics_4th_edition (In English).

УДК 811.161.1+81'282

Недоступова Любовь Винаминовна
кандидат филологических наук, доцент
Воронежский государственный
технический университет
Россия, г. Воронеж
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Nedostupova Lubov Viniaminovna
Assistant Professor, Ph.D. in Philology
Voronezh State Technical University
Russia, Voronezh
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Л.В. Недоступова

ПИЩЕВАЯ ТРАДИЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ДИАЛЕКТЕ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ

Аннотация. В работе рассматривается кухня сельского жителя. Актуальность исследования обусловлена существующим интересом к культуре родного региона и важностью её изучения. Цель научного сочинения состоит в определении составляющих питания середины и второй половины прошлого столетия как части традиционной культуры жителей Мечётки Бобровского района Воронежской области посредством речи диалектоносителя. При подготовке статьи применены методы: наблюдения, аудиозаписи, интервьюирования, описания и анализа. Результатом исследования явилось описание деревенской еды, процесс подготовки блюд, посуда и лексика, их отображающая. Они дают представление о существовавших пищевых предпочтениях в сельском социуме Центрального Черноземья. Сделан вывод о том, что кухню составляли продукты натурального хозяйства, еда готовилась в домашних условиях в русской печи. Заключено, что частично эта традиция утрачена, и кулинария происходит в иных условиях. Потеряли актуальность предметы посуды и утвари прошлого. Доказано, что речь респондента представляет собой ряд проявляющихся характеристик, свойственных южнорусским диалектам.

Ключевые слова: культура, пищевая традиция, продукты, еда, посуда, приготовление, речь, южнорусский диалект

Для цитирования: Недоступова Л.В. Пищевая традиция человека в диалекте воронежского края. *Русистика без границы. Международно научно списание.* – София, 2026, Том X, кн. 3, С. 54–64.

L.V. Nedostupova

HUMAN FOOD TRADITION IN THE VORONEZH REGION DIALECT

Abstract. This paper examines the cuisine of a rural resident. The relevance of the study stems from the existing interest in the culture of the native region and the importance of studying it. The purpose of this research is to identify the dietary components of the mid- and second half of the last century as part of the traditional culture of the residents of Mechetka, Bobrovsky District, Voronezh Region, using the speech of a native dialect speaker. The following methods were used in preparing the article: observation, audio recording, interviews, description, and analysis. The result of the study is a description of village food, the preparation process, dishes, and vocabulary reflecting them. These results provide an understanding of the dietary preferences of rural society of the Central Black Earth Region. It is concluded that the cuisine consisted of products from subsistence farming, and food was prepared at home in a Russian oven. It is concluded that this tradition has been partially lost, and cooking takes place in different conditions. Tableware and utensils of the past have lost their relevance. It is proven that the respondent's speech exhibits several distinctive characteristics characteristic of southern Russian dialects.

Keywords: culture, food traditions, products, food, utensils, preparation, speech, southern Russian dialect

For citation: Nedostupova L.V. Human food tradition in the Voronezh region dialect. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal.* – Sofia, 2026, Vol. X, Iss. 3, pp. 54–64.

...

Воронежские говоры многоаспектно изучаются более 170 лет. За длительный промежуток времени исследователи зафиксировали на территории области и подвергли рассмотрению разные диалекты. Особенности народной речи многих районов края отражены в научных сочинениях, кандидатских и докторских диссертациях.

Однако и в третьем десятилетии XXI века среди лингвистов не ослабевает интерес к говорам, их оригинальные особенности становятся объектами изучения. Безусловно, «каждый диалект обладает специфическими чертами, определяющими особенностями гносеологической деятельности данного диалектного сообщества» [7, с. 26]. Кроме того, «диалект рисует в красках то, что литературный язык представляет в общих очертаниях» [13, с. 247].

Учёные считают, что в настоящее время «диалекты продолжают жить вопреки мрачным прогнозам»¹; «несмотря на экспансию литературного языка, а также кардинальные изменения в самой структуре русского языка, его диалекты продолжают существовать и функционировать, несмотря на ограничение функций, перестройку диалектной системы и утрату первичных ярких особенностей. Именно поэтому диалекты привлекают к себе внимание исследователей и заслуживают тщательного изучения» [6, с. 92]. По сути, «жизнь диалектного слова во многом определяется состоянием и механизмами эволюции словарного состава диалектов... состояние лексико-семантической системы русских диалектов представляет собой динамическую устойчивость» [2, с. 436].

Вопросы, связанные с пищевой культурой и её наполнением, были освещены в работах немногих воронежских лингвистов: И.К. Зайцевой [5], Е.В. Давыдовой [4], Т.В. Карасёвой [8, 9, 10], Д.Н. Гальцовой [3], автора настоящей статьи [11, 12] и др.

В данном исследовании мы сфокусировали внимание на традиции одного сельского поселения Центрального Черноземья.

Уточним, «Мечётка – село в Бобровском районе Воронежской области России. Административный центр Мечётского сельского поселения. Основан в 1723 году. <...> В XIV веке на месте села Мечетка находилось татарское поселение. После разгрома Золотой Орды поселение запустело. Оставшийся после татар мавзолей многие люди путали с мечетью. Вероятно, река, на одном из берегов которой находился мавзолей, из-за этого и получила своё название – Мечеть. <...>

В 1686 году на реке Битюг начали селиться первые жители будущего поселения, которых позже прозвали однодворцами. На 1746 год их насчитывалось 130 семей. В 1701 году по указу Петра Первого от 1699 года в Мечётку переселились дворцовые крестьяне из северных уездов России. В 1788 году стараниями прихожан была возведена каменная церковь Вознесения Господня. До наших дней не сохранилась»².

Известно, что «село протянулось вдоль левого берега Битюга более чем на 15 километров. Река Мечеть делит село почти на две равные части»³; и «по данным на 1 мая

¹ Игорь Исаев. Диалекты продолжают жить вопреки мрачным прогнозам. URL: <https://gramota.ru/journal/intervyu/igor-isaev-dialekty-prodolzhayut-zhit-vopreki-mrachnym-prognozam?ysclid=mi1cr9iboa893736941> (дата обращения: 10.05.2026).

² Мечётка (Воронежская область) – история, население, климат. URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Мечётка_\(Воронежская_область\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Мечётка_(Воронежская_область)) (дата обращения: 10.05.2026).

³ Муниципальное образование. История. URL: <https://mechetskoe-r20.gosweb.gosuslugi.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/istoriya/> (дата обращения: 10.05.2026).

2026 года, численность населения села Мечётка Бобровского района Воронежской области – 885 человек»⁴.

Укажем, «инфраструктура села включает необходимые объекты: местная школа; сельский Дом Культуры, где проводятся все основные праздники и мероприятия; ФАП (фельдшерско-акушерский пункт), обеспечивающий первичную медицинскую помощь. <...> Главная достопримечательность Мечётки – это, безусловно, её храм, <...> в центре села установлен мемориал участникам Великой Отечественной войны»⁵.

Любопытно, что «в 4 км к югу от села Мечётка расположены меловые пещеры, которые пользуются популярностью у туристов»⁶.

Настоящее исследование выступает продолжением цикла статей в рамках антропоцентрической парадигмы.

Актуальность работы обусловлена имеющимся интересом автора к изучению диалектов воронежского края как явления языка.

Постановка задачи.

Объектом статьи оказываются деревенская еда и посуда для её приготовления.

Предметом изыскания выступает процесс подготовки блюд, её элементы и лексика, их отображающая.

Цель научного сочинения состоит в определении составляющих питания середины и второй половины прошлого столетия как части традиционной культуры жителей Мечётки Бобровского района Воронежской области посредством речи диалектоносителя.

Языковым материалом стал говор Поповой О.А. (1931 г. р.), зафиксированный в процессе непринуждённой беседы в 2025 году.

При подготовке статьи применены методы: наблюдения, аудиозаписи, интервьюирования, описания и анализа.

Результаты и обсуждение.

Важно отметить, что «человеческая еда может становиться и становится носителем духовности, культуры, поэтому питание можно и нужно изучать и рассматривать с точки зрения его ценностной значимости» [1, с. 60].

Изучая традицию жителей Мечётки, мы получили информацию о том, что в прошлом столетии пища готовилась в русской печи. Она играла традиционно важную роль для каждой семьи. Респондент свидетельствует: [*Печь тапи́ли дравáми. У ней и гато́вили усё. А́на и сагрява́ла, и карми́ла. У печи́ там усё тами́ли*].

Уточним значение лексемы *печь* в лингвистическом словаре: «каменное или металлическое сооружение для отопления помещений, приготовления горячей пищи»⁷.

Известно, что «русская печь – удивительное изобретение инженеров далёкого прошлого, которому есть место и в XXI веке. <...> Массивная беленая печь весом в

⁴ Население села Мечётка Бобровского района Воронежской области. URL: https://bdex.ru/naselenie/voronejskayaoblast/n/bobrovskiy/mechetka/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 10.05.2026).

⁵ Село Мечётка: история, природа и жизнь на Битюге. URL: <https://bobrov24.ru/selo-mechyotka-istoriya-priroda-i-zhizn-na-bituge/> (дата обращения: 10.05.2026).

⁶ Мечётка (Воронежская область) – история, население, климат. URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Мечётка_\(Воронежская_область\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Мечётка_(Воронежская_область)) (дата обращения: 10.05.2026).

⁷ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия). URL: Фундаментальная электронная библиотека (дата обращения: 10.05.2026).

несколько тонн занимала центральное место в избе и казалась домом в доме. Её конструкция включала топку для дров, поверхность для выпечки хлеба и свод, который отражал жар. Здесь же были шесток для посуды, печурки для сушки и теплая лежанка для отдыха. <...> русскую печь топили всего пару часов. За это время жар проникал вглубь кладки и равномерно прогревал дом. <...> После топки температура в печи снижалась постепенно. Сначала она достигала 250 градусов – этого было достаточно для выпечки хлеба. Затем держалась на уровне 140–160 градусов (подходящий режим для томления), а потом снижалась до 60–80 градусов и использовалась для сушки одежды и продуктов»⁸.

Следует отметить, что в печи готовили горячие блюда: [*И суп вари́ли. И бо́рш. И борш, и суп во́ришь у печи́. Наво́ришь барша́, семью накорми́шь*].

Укажем значение лексемы *суп*: «жидкое кушанье, обычно подаваемое как первое блюдо. Его готовят на основе отвара (бульона) – мясного, рыбного, грибного либо овощного, – в котором варят продукты (мясо, рыбу, овощи, крупы, бобовые и др.) с добавлением приправ и специй»⁹.

Определим, что обозначает лексическая единица *борщ*: «одно из основных блюд в кулинарии, похлёбка из разного рода компонентов, определяющим из которых является свёкла. Широко распространён во многих национальных кухнях, прежде всего, у славян и их ближайших соседей, имея при этом сходные наименования: у русских, украинцев (борщ), белорусов (боршч), литовцев (*barščiai* «барщяй»), молдаван (борш, *borș*), поляков (*barszcz* «баршч»), румын (*borș* «борш»). Наименование блюда связано с растением борщевик, название которого изначально было «борщ»¹⁰.

Важную роль в деревенской семье всегда играл хлеб. Его приготовление в домашних условиях было особым процессом: [*Муку́ бра́ли у калхо́зе. Дадут́ там килагра́м. И някли́ хлеб. Пасудёнка дере́вянная для те́ста – дежа́. У ней и ста́вили хлеб. Замеси́шь хлеб. Прато́пишь эту́ пёчь. Там нагрéйтца. Патом падайде́ хлеб. И спекáется хлеб, и някёшь прýма у пёчь. Па чты́ре хлёбины – на пять. И вот так някли́сь в печи́. Някли́ хлеб са́ми*].

Примечательна оценка вкусовых качеств главного продукта: [*И э́ли э́тат хлеб ржано́й. Вку́сный! Хлеб хоро́ший!*].

Респондент проводит параллель с настоящим временем и указывает: [*Ща́с берёшь гато́вый, а тады́ са́ми някли́ хлеб*].

Обратимся к словарю, чтобы далее установить значение лексемы *дежа́*: «обл. Квашня»¹¹.

В Словаре русских народных говоров находим территорию функционирования названной единицы: *дежа́* – «деревянная кадка, в которой готовится тесто для хлеба; квашня»: Воронежская, Курская, Тамбовская, Тверская, Нижегородская, Рязанская, Пензенская, Костромская, Московская, Тульская, Калужская, Орловская, Брянская, Саратовская, Самарская, Куйбышевская, Смоленская, Петроградская, Ср.

⁸ Энергия, запёртая в кирпичах: секреты русской печи. URL: <https://e-plus.media/technologies/ogon-zapertyj-v-kirpichah-sekretu-i-evolyucziya-russkoj-pechi/> (дата обращения: 10.05.2026).

⁹ Большой универсальный словарь русского языка.

URL: [https://gramota.ru/poisk?query=суп&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=суп&mode=slovari&dicts[]=48) (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁰ Борщ. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/borshch-b299d1> (дата обращения: 10.05.2026).

¹¹ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия). URL: Фундаментальная электронная библиотека (дата обращения: 10.05.2026).

Урал, Оренбургская, Иссык-Кульская, Киргиз. ССР, Новосибирская, Кубанская обл.»¹².

Одновременно уточним значение слова *хлеб*: «пищевой продукт, выпекаемый из муки. || (мн. хлѣбы). Такой продукт в виде изделия какой-л. определенной формы»¹³ и др.

Поясним, как толкуется слово *хлѣбина*: «увелич. к хлеб; огромный хлеб»¹⁴.

Наблюдения позволяют говорить, что важную роль на деревенском столе в качестве второго блюда играл картофель. Наш информатор замечает: [*Картóшку э́ли памно́га: ва́рили, жа́рили. Сажа́ють у ага́рòди. Ана́ как дру́гой хлеб у нас*]. О её выращивании и хранении в холодное время становится известно: [*Картóшку лапа́ткой пасо́дишь на ага́рòди и вы́ходишь. И лапа́ткой выка́пвали. И у по́греба таска́ли. На дваре́ был па́грябо́к. Сде́лный тако́й по́греб. Таска́ли туды́ усе́*].

Как правило, готовили сельские женщины и каши.

Определим значение этой лексемы: «*каша* – сваренное на воде или молоке кушанье из крупы»¹⁵. Поясним, «на Руси каша в питании занимала важное место, была одним из основных блюд для бедных и для богатых людей. <...> Каша использовалась на Руси на свадьбах в качестве обрядового кушания. Кашей кормили молодожёнов, а приглашённые гости ели кашу из одного горшка. Готовили кашу в обычные дни и в праздники. Это блюдо у русского народа было ежедневным»¹⁶.

Как оказалось, жители Мечётки особенно любили есть её с молоком: [*Наво́ришь, быва́ла, и ка́шу тако́ю кукуру́зною. Сво́ришь ка́шу, распа́ритца. Эту ка́шу с малако́м э́ли. Сы́тый бу́дишь*].

Лингвистический материал позволяет сказать о том, что молочные продукты составляли большую часть в рационе питания сельского человека. Они были результатом собственного производства, их получали от домашних животных (коров).

Заметим, что *свежее молоко* использовали в качестве питья: [*Малако́ прям по́сли до́йки пью́ть*].

Кроме того, из него делали сметану. Уточним значение этой лексической единицы: «*сметана* – густой и жирный верхний слой сквашенного молока»¹⁷. Так респондент рассказывает о её приготовлении: [*Пракипи́ть малако́ на агне́. Скипяти́шь малако́, а у стака́нчике заква́ска. Смята́ну са стака́на во́т с малако́м мяша́ешь, и туды́ дабавля́ешь. Разво́дишь, заква́шива́ешь заква́скай – така́я тяну́чка смята́ны. Да́ли ана́ асты́ня. И палу́чается в ба́льшой кастрю́ле смята́на. Накла́двай и ешь*].

Интересно, что в домашних условиях мечётинцы делали и сливочное масло, которое именовали *коро́вым*.

В словаре отмечено следующее значение изделия: «*коро́вье ма́сло* (масло из коровьего молока), молочный продукт или молочный составной продукт на

¹² Словарь русских народных говоров. URL: <https://iling.spb.ru/publications/1333> (дата обращения: 10.05.2026).

¹³ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия). URL: Фундаментальная электронная библиотека (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁴ «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935-1940); (электронная версия). URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/22/us4b5007.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁵ ¹⁵ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия). URL: Фундаментальная электронная библиотека (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁶ Каша: виды, польза и рецепты традиционного блюда. URL: <https://znaniyurussia.ru/articles/Каша> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁷ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия). URL: Фундаментальная электронная библиотека (дата обращения: 10.05.2026).

эмульсионной жировой основе, преобладающей составной частью которой является молочный жир, произведённый из коровьего молока, молочных продуктов и (или) побочных продуктов переработки молока путём отделения от них жировой фазы и равномерного распределения в ней молочной плазмы»¹⁸.

О процессе его приготовления информант свидетельствует: *[Дéлали мáслу карóвью так: набирáли слéуки, патóм брáли узбиёнку. Была узбиёнка – такáя длíнная, диревя́нная ёмкaсть. Вóт у éstaю узбиёнку вставля́ли пáлaчку. Такáя спецáльно кру́хлая пáлка. Ну шóб узбивáть. И тады́ так вот дабивáешь, узбивáешь. Да бывáе дóлга, а бывáе бы́стро узбивáли. Сабьéшь ésta мáслу, анá стáне кускaми. Вытáшишь там ésta мáслу. Патóм эти кускí накладéшь в чугуно́к. Чугункí тада́ бы́ли. И у них кипятíшь ésta мáслу. И вóт тады́ пaлучáетца мáсла каровья́, таплёная такáя].*

Важно сказать, что ни в одном из используемых нами словарей лексема «узбиёнка» не представлена, что позволяет считать её собственно лексическим диалектизмом (имеющим локальный характер).

Вместе с тем уточним, что готовили в деревне блинцы и блинчики.

Поясним, «блинцы по внешнему виду практически не отличаются от блинов, но готовятся из пресного теста, которое замешивают без дрожжей, но с разрыхлителем. Это так называемые скороспелые блины (блинцы). <...> Блинчики – это те же блинцы, но с завернутой в них начинкой. Начинка блинчиков может быть любая»¹⁹.

О предпочтениях и процессе приготовления этих лакомств диалектоноситель рассказывает: *[Блíнцы любíли такíе, станaвлённые. Кислýе бы́ли, станaвлённые. Пастáвлю блíнцы. Аní падайду́ть на дражжáх. Укíснуть, с кислíной блíнцы. Блíнцы на дражжáх. Спекéшь, да са смятáнай падáшь. Блíнчики гaтóвили там када́ изрédка. Начинáть нéкада бы́ла, да и нéчим].*

Поскольку селяне занимались огороднической деятельностью и выращивали свёклу и тыкву, то плоды этих овощей являлись излюбленными продуктами на деревенском столе. Поясним: *[Тады́ свaё усё гaтóвили. Усвеклú начíстишь, напáришь пóлную кастрю́лю. Ды́ éли умéста слáдастей. Гaтóвили и ты́кву. Пастaнóвишь напáрить. Ты́кву напáришь и свaклú, усё эт éли. Ты́квы бы́ли харóшие, прям бaльшíе. И вот пакрóишь туды́. Свaклá слáдкаa. Вот пакрóишь, мяшáешь. И у печь. И там анá пáрится у печí. Ты́ква с свaклóй пáрится, и на атдéльнасти згaтóвишь када́й-та].*

Кроме того, укажем, что в каждом домашнем хозяйстве был сад, фрукты использовали в качестве еды не только летом, но и делали заготовки на зиму: *[Бы́ли сады́, ésta сарвéшь яблaка и ешь. Сóчнаи, слáдкаи. В зíму мачíли яблaки пóзние. У диревя́нных такíх каду́шках, а тады́ апуска́ли в пагрябá. Бáнки рáне не закрывáли. Усё у éstaх сáмых каду́шечкaх].*

Представим толкование лексемы *кадушка*, отображённое в словаре: «небольшое вместилище из деревянных дощечек, стянутых обручами, цилиндрической формы, расширенное книзу, имеющее крышку; предназначено для хранения пищевых продуктов (в деревне используется для хранения консервированных продуктов)»²⁰.

Далее отметим, что в качестве еды селяне всегда использовали помидоры, огурцы, капусту. Их также солили и как заготовки отправляли на длительное хранение в

¹⁸ Коровье масло. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/korov-e-maslo-4d00d9> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁹ Блины, блинцы, блинчики. URL: <https://azbyka.ru/recept/bliny-blincy-blinchiki/> (дата обращения: 10.05.2026).

²⁰ Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=кадушка&mode=slovari&dicts%5B%5D=50> (дата обращения: 10.05.2026).

холодное место: [Диревянные кадушки были, у них мачили то́жа и памидо́ры, и агу́рцы, и капу́сту. Усё загатавли́ли, и на хо́лад. Зимой тады́ э́ли].

О посуде и утвари прошлого известно: [Таре́лак не было́, а такие ча́шки. Диревя́нные вот такие ло́жки были́. Специа́льно тады́ де́лали. И вот йи́ми э́ли. Гаршо́чки были́ то́жа. Чугу́нкі, чугуны́, ско́влады желе́зные. У пе́чь пха́ли, и там усё де́лается. Еда́ закипи́ть, выта́шишь. Задви́гаешь туды́ чугуно́к и выта́скаешь качере́жками. Э́т задви́гаешь, а выдвигáешь атты́да уго́ль. В э́тих ста́вишь скавлада́х у пе́чь и пекéшь. Патом́ уж у кастрюля́х нача́ли вари́ть].

Укажем значение лексем, названных выше: *горшо́чек* – «уменьш. к горшок: округлый глиняный сосуд с довольно узким дном, служащий для варки пищи, хранения молока и т. п.»²¹; *чугун* – «горшок, сосуд из металла»²²; *чугунок* – «уменьш. к чугун; маленький чугун»²³; *сковорода* – «кухонная посуда круглой формы с загнутыми краями для жаренья»²⁴; *кочере́жка* (кочерга) – «приспособление для перемешивания топлива в печи. Толстый железный прут с прямо загнутым концом»²⁵.

Заканчивая рассказ о бытовавшей мечётинской традиции, О.А. Попова отмечает: [Са́ми пнякли́, де́лали усё са́ми! Лю́ди паста́ре вас так и жи́ли]. И мы понимаем, что это было целое поколение.

Итак, репрезентируя деревенскую пищу, нами обнаружены выделяющиеся в области гласных и согласных звуков характеристики речи респондента:

- сохранение этимологического *е, не перешедшего в [’о]: [бе́решь, сабье́шь, сарве́шь, кладе́шь, пекéшь] – берёшь, собьёшь, сорвёшь, кладёшь, печёшь;

- сохранение [о], не перешедшего в [а]: [наво́ришь, во́ришь, пасо́дишь] – нава́ришь, ва́ришь, посо́дишь;

- яканье: [мя́и́аешь, па́грябо́к, пана́мно́гу, пнякли́, свя́кла, ски́пятишь, смя́тана, са́грява́ла, тяну́чка] – свойство южнорусских диалектов;

- аканье: [агу́рцы, ба́льшой, га́рячая, гато́вили, даба́вляешь, даби́ваешь, дра́жжа́х, качере́жки, кила́грам, лапа́тка, малако́, ма́чили, на два́ре, па́грябо́к, па́кро́ишь, па́луча́ется, памидо́ры, пасо́дишь, паста́влю, пасуде́нка, патом́, пра́жили, прато́ишь, та́мили, тапи́ли] – характерное качество русского литературного языка и южнорусских говоров;

- ассимиляция гласного: [атты́да, ды́, желе́зные, туды́] – оттуда, да, железные, туда;

- прогрессивная ассимиляция согласного [к]: [па́лка, па́лчка, каду́шка, тяну́чка];

- диереза (выпадение гласного): [выка́пвали, специа́льно, со́елна] – выкапы́вали, специа́льно, сде́лано; а также выпадение согласного: [када́, паста́ре, ра́не] – когда, поста́рше, ра́ньше;

- ударение, отличное от литературного языка: [усве́клу] – свёклу, [стана́вленные] – ста́вленные, [стакане́] – стака́не, [се́мью] – се́мью, [не было́] – не́ было, [у пе́чи] – в пе́чи, [паста́новишь] – поста́вишь, [просе́иваешь] – просе́иваешь и др.

- [г] фрикативного образования: [ау́рцы, выдвигáешь, у́аршо́чки, у́арячая, у́ато́вили, у́на́ли, до́луга, дру́гой, еу́о, задвигáешь, кила́грам, нау́ре́и́ца, пана́мно́гу]

²¹ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия). URL: Фундаментальная электронная библиотека (дата обращения: 10.05.2026).

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Кочере́жка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/90994> (дата обращения: 10.05.2026).

поўреб, ўуоль, чуўуно́к, чуўу́нны́е; кру́хляя];

- [в] в 2-х вариантах: как губно-зубной: [*дабыва́ешь, каро́вью, во́т, разво́дишь*] и как у-неслоговой [*узби́енка, узбива́ли, усё, вы́таскуа́ть, слі́уки*];

- замена [ч] на [к]: [*пнякёшь*] – печёшь и др.

Среди отличающихся грамматических черт:

- свободный порядок слов в предложениях: [*Блі́нцы ра́не любі́ли такі́е. Кислы́е бы́ли, станавлё́нны́е. Блі́нцы на дражжа́х, блі́нцы. Паклада́ешь у чугу́нкі. Та́кія длі́нная, дере́вянная. Так во́т дабыва́ешь, узбива́ешь. Ски́пяти́шь там у чугу́нкі, і́ли там у ча́шек*];

- предлог «у» на месте «в»: [*У калхо́зе бра́ли. У печа́и пня́лі. Э́то у стака́нчыке. У них кипяти́шь. У э́той узби́енкі. Ста́вишь у печа́. У печа́ пха́ли. Па́рится у печа́*];

- разрушение категории среднего рода: [*Ма́слу каро́вью́ дела́ли. Сабьё́шь э́ту ма́слу. Кипяти́шь э́ту ма́слу. Палу́чае́цца ма́сла та́кая*];

- глаголы 3-го лица единственного и множественного числа с отсутствующим *-т* на конце: [*Быва́е до́лга, а быва́е бы́стро. За́кипя́, вы́таши́шь. Пада́йде́ хлеб*];

- и, наоборот, глаголы с *-ть*: [*Даду́ть там килагра́м. Пра́кипи́ть малако́. Ані́ пада́йду́ть. Укі́снутъ с кислино́й*];

- постфикс *-ся* вместо *-сь* в глаголах: [*Пита́лися, труди́лися и пражі́ли*];

- личное местоимение в родительном падеже с *-е* на конце вместо *-я*: [*У мене́ в кастрюля́х*] и др.

Считаем, что перечисленные свойства речи придают ей некое своеобразие.

Выводы.

Итак, в пищевой традиции жителей Мечётки представлены только продукты натурального хозяйства, в настоящее время именуемые «здоровой едой». Они были доступны сельскому жителю, поскольку выращивались им самим. Деревенская кухня отличалась простотой и являлась отражением человека местного социума и мировоззрения целой эпохи.

Естественно, «в культуре питания речь может идти не о каком-то конкретном продукте, а о еде как таковой, еде, основная культурная функция которой – объединять и сплачивать людей. С помощью еды в ее символических формах люди выстраивают отношения, основанные на согласии и мирном добродушном сосуществовании» [1, с. 61].

Проведённый анализ позволяет сделать выводы:

- еда готовилась в русской печи;
- основными горячими блюдами являлись суп и борщ;
- хлеб заквашивался в деже и выпекался в домашних условиях, его приготовление становилось особым процессом;

- картофель был в качестве одного из важных вторых блюд;
- каши включались в рацион человека, в т.ч. с молоком;
- молочные продукты: молоко, сметана, коровье масло составляли часть кухни селянина;

- лакомствами считались блинцы и блинчики;
- свёклу и тыкву парили в печи;
- яблоки, помидоры, огурцы, капусту употребляли как в свежем виде, так и мочили на зиму и др.

Посуда и утварь, репрезентирующая кулинарию, представлена лексемами: *посудёнка, чашки, деревянные ложки, дежа, узби́енка, кадушки, горшочки, чугу́нки, чугуны́, сковороды, кочерёжки, кастрюли* и др.

Важно указать, что описанная традиция частично утрачена. В настоящее время пища готовится в иных условиях, стол человека стал более разнообразным. Он включает не только и не столько экологически чистые продукты. Кроме того, потеряли актуальность предметы посуды и утвари, представленные в работе, но они живут в воспоминаниях селянки.

Что касается речи респондента, то она являет собой ряд проявляющихся характеристик, свойственных южнорусским диалектам.

Резюмируя, подчеркнём, что новизна работы состоит в определении составляющих пищевой традиции прошлого как важного компонента материальной культуры деревенского человека Бобровского района, не описанной ранее. В ней история маленького социума и конкретного сельского жителя.

Полагаем, что практическая значимость работы заключается в возможном включении её материалов в цикл занятий со школьниками и студентами по изучению культуры родного края и его говоров.

Библиографический список

1. Беллон М.А. Культура питания: особенности ценностных смыслов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2018. – № 2 (35) июнь. – С. 59–64.
2. Вендина Т.И. Русские диалекты в современной этноязыковой и этнокультурной коммуникации // Славянский мир в третьем тысячелетии. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2016. – Т. 11. – С. 425–440.
3. Гальцова Д.Н. Синонимические соответствия в тематической группе «Названия пищи» (на примере воронежских говоров) // SlavicaIuvenum.XXII.06. – С. 47-52. doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXII.06. – URL: https://dokumenty.osu.cz/ff/epublikace/slavica-iuvenum-22/06_Galcova.pdf (дата обращения: 10.05.2026 г.)
4. Давыдова Е.В. «Хлебная» лексика славянских языков // Материалы по русско-славянскому языкознанию: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 1996. – Вып. 21. – С. 19–23.
5. Зайцева И.К. Наблюдения над лексикой питания в воронежских говорах // Материалы по русско-славянскому языкознанию: (Литературный язык, диалекты, язык фольклора): сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 1988. – С. 62–72.
6. Зотина Е.В. Электронная библиотека русских народных говоров и современные диалектологические исследования // Труды 12-й Всероссийской научной конференции «Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции» – RCDL'2010. Казань: Казанский (Приволжский) государственный университет, 2010. – С. 92–96.
7. Ильина Е.Н., Сабурова Л.В., Ганичева С.А. Языковая картина мира вологодского крестьянина. – Вологда: ВоГУ, 2019. – Часть I. – 178 с.
8. Карасёва Т.В. Названия пищи в воронежских говорах: Этнолингвистический аспект: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2004. – 22 с.
9. Карасёва Т.В. Воронежские названия поминальных каш: (Этнографический аспект) // Филология на рубеже тысячелетий: Материалы межд. науч. конф. (Ростов-на-Дону – Новороссийск, 11–14 сентября 2000 г.). – Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2000. Вып. 1. С. 175–177.
10. Карасева Т.В. Названия непеченного хлеба в воронежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (мат. и исследования). – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 293–302.
11. Недоступова Л.В. О пище, напитках и их приготовлении в XX в. на юге Воронежской области // Вестник славянских культур. – 2024. – Т. 73. – С. 165-181. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-165-181>

12. Недоступова Л.В. Язык стола: еда и напитки в зеркале говора Воронежской области // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж. 2026. – № 2 (61). – С. 140–148. DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.016
13. Stroh F. Sprache und Volk // Hessische Blätter für Volkskunde. – Bd. XXX-XXXI. 1931–1932. – С. 247.

References in Roman script

1. Bellon M.A. Cultura cibi: notae significationum valorum // Acta Instituti Culturae Publici Petropolitani. – 2018. – No. 2 (35) Iunius. – P. 59-64.
2. Vendina T.I. Dialecti Russici in communicatione ethnolinguistica et ethnoculturali moderna // Mundus Slavicus in tertio millennio. - Moscuae: Institutum Studiorum Slavicorum, Academia Scientiarum Russica, 2016. – Vol. 11. – P. 425-440.
3. Galtsova D.N. Correspondentiae synonymae in grege thematico "Nomina ciborum" (exempli gratia dialectorum Voronezhensium)* // Slavica Iuvenum. XXII.06. – P. 47-52. doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXII.06. – URL: https://dokumenty.osu.cz/ff/epublikace/slavica-iuvenum-22/06_Galcova.pdf (data accessus: 10.05.2026)
4. Davydova E.V. Vocabularium linguarum Slavicarum "Panis" // Materia de linguistica Russo-Slavica: interuniversitatum. collectio commentariorum scientificorum. – Voronezh: Domus Editoria Universitatis Civitatis Voronezhensis, 1996. – Fasciculus 21. –P. 19–23.
5. Zaitseva I.K. Observationes de vocabulario ciborum in dialectis Voronezhensis // Materia de linguistica Russo-Slavica: (Lingua litteraria, dialecti, lingua folkloris): collectio commentariorum scientificorum. – Voronezh: Domus Editoria Universitatis Civitatis Voronezhensis, Universitas, 1988. –P. 62–72.
6. Zotina E.V. Bibliotheca electronica dialectorum popularium Russorum et studiorum dialectologicorum modernorum // Acta duodecimi conventus scientifici totius Russici "Bibliothecae electronicae: methodi et technologiae promittentes, collectiones electronicae" – RCDL/2010. Casana: Universitas Publica Casanae (regio Volgae), 2010. – P. 92–96.
7. Ilyina E.N., Saburova L.V., Ganicheva S.A. Imago linguistica mundi rustici Vologdae. – Vologda: VoSU, 2019. – Pars I. – 178 p.
8. Karaseva T.V. Nomina ciborum in dialectis Voronezhensibus: Aspectus ethnolinguisticus: summarium dissertationis... candidatus scientiarum philologicarum: 10.02.01 / Universitas Publica Voronezhensis. – Voronezhensis, 2004. – 22 p.
9. Karaseva T.V. Nomina Voronezhensia pulsulorum memorialium: (Aspectus Ethnographicus) // Philologia in millennium ineunte: Acta Conventus Scientifici Internationalis (Rostov-na-Donae – Novorossiysk, 11–14 Septembris, 2000). – Rostov-na-Donae: Domus Editoria Donskoy, 2000. Fasciculus 1. Pp. 175–177.
10. Karaseva T.V. Nomina panis crudi in dialectis Voronezhensibus // Atlas lexicalis dialectorum popularium Russicarum (materia et investigatio). – Petropolis: Nestor-Istoriya, 2017. – Pp. 293–302.
11. Nedostupova L.V. De cibo, potionibus et eorum apparatu saeculo XX in meridie regionis Voronezhensis // Acta culturarum Slavicarum. – 2024. – Vol. 73. – Pp. 165-181. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-165-181>
12. Nedostupova L.V. Lingua mensae: cibus et potus in speculo dialecti regionis Voronezhensis // Quaestiones hodiernae philologiae et diurnarii moderni. Voronezh. 2026. – No. 2 (61). – Pp. 140-148. DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.016
13. Stroh F. Lingua et populus // Disputationes Hessenicae pro populo. – Bd. XXX XXXI. 1931–1932. – P. 247.

References

1. Bellon M.A. Food culture: features of value meanings // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. - 2018. - No. 2 (35) June. - P. 59-64. (In Russian).
2. Vendina T.I. Russian dialects in modern ethnolinguistic and ethnocultural communication // The Slavic world in the third millennium. - Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2016. - Vol. 11. - P. 425-440. (In Russian).

3. Galtsova D.N. Synonymous correspondences in the thematic group "Names of food" (on the example of Voronezh dialects) // SlavicaIuvenum.XXII.06. - 47-52 P. doi.org/10.15452/SlavicaIuvenum.XXII.06. - URL: https://dokumenty.osu.cz/ff/epublikace/slavica-iuvenum-22/06_Galcova.pdf (date accessed: 10.05.2026). (In Russian).
4. Davydova E.V. "Bread" vocabulary of Slavic languages // Materials on Russian-Slavic linguistics: interuniversity. collection of scientific papers. – Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 1996. – Issue 21. –P. 19–23. (In Russian).
5. Zaitseva I.K. Observations on the vocabulary of food in Voronezh dialects // Materials on Russian-Slavic linguistics: (Literary language, dialects, language of folklore): collection of scientific papers. – Voronezh: Voronezh State University Publishing House, University, 1988. – P. 62–72. (In Russian).
6. Zotina E.V. Electronic library of Russian folk dialects and modern dialectological studies // Proceedings of the 12th All-Russian scientific conference "Electronic libraries: promising methods and technologies, electronic collections" – RCDL'2010. Kazan: Kazan (Volga region) State University, 2010. – P. 92–96. (In Russian).
7. Ilyina E.N., Saburova L.V., Ganicheva S.A. Linguistic picture of the world of the Vologda peasant. – Vologda: VoSU, 2019. – Part I. – 178 p. (In Russian).
8. Karaseva T.V. Food names in Voronezh dialects: Ethnolinguistic aspect: abstract of the dissertation... candidate of philological sciences: 10.02.01 / Voronezh. state. University. – Voronezh, 2004. – 22 p. (In Russian).
9. Karaseva T.V. Voronezh names of memorial porridges: (Ethnographic aspect) // Philology at the turn of the millennium: Proceedings of the int. scientific conf. (Rostov-on-Don – Novorossiysk, September 11–14, 2000). – Rostov-on-Don: Donskoy Publishing House, 2000. Issue 1. pp. 175–177. (In Russian).
10. Karaseva T.V. Names of unbaked bread in Voronezh dialects // Lexical atlas of Russian folk dialects (material and research). – St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. – pp. 293–302. (In Russian).
11. Nedostupova L.V. On food, drinks and their preparation in the 20th century in the south of the Voronezh region // Bulletin of Slavic cultures. - 2024. - Vol. 73. - pp. 165-181. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-165-181>. (In Russian).
12. Nedostupova L.V. The language of the table: food and drinks in the mirror of the dialect of the Voronezh region // Current issues of modern philology and journalism. Voronezh. 2026. - No. 2 (61). - pp. 140-148. DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.016. (In Russian).
13. Stroh F. Sprache und Volk // Hessische Blätter für Volkskunde. - Bd. XXX XXXI. 1931–1932. – P. 247. (In German).

УДК 811.161.1

Воркачев Сергей Григорьевич
доктор филологических наук, профессор
Кубанский государственный
технологический университет
Россия, г. Краснодар
e-mail: svork@mail.ru

Vorkachev Sergey Grigorievich
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Kuban State Technological University
Russia, Krasnodar
e-mail: svork@mail.ru

Воркачева Елена Александровна
кандидат филологических наук, доцент
Кубанский государственный
технологический университет
Россия, г. Краснодар
e-mail: velen_1957@mail.ru

Vorkacheva Elena Aleksandrovna
Ass. Professor, Ph. D. (Philology)
Kuban State Technological University
Russia, Krasnodar
e-mail: velen_1957@mail.ru

С.Г. Воркачев, Е.А. Воркачева
ASSIMILIA: «УНЫНИЕ» И «ПЕЧАЛЬ» КАК СИНОНИМЫ

Аннотация. На материале контекстов речевого употребления имен «печаль» и «уныние» в «Национальном корпусе русского языка» исследуются их семантические и синтаксические свойства. Устанавливается, что «печаль» и «уныние» представляют собой слаборазнозначные синонимы, различия которых раскрываются в их речевом употреблении с предлогами, в их видовой оценочной атрибутике, в длительности-краткости передаваемого ими эмоционального состояния, в способности к формированию двандв, в несовпадении внешнего проявления соответствующих эмоциональных состояний и в аксиологии их метафоризации в области фото-хромо, пиро-термо метафоры и вкусовой метафоры.

Ключевые слова: парные слова, эмоциональное состояние, синонимия, уныние, печаль, речевое употребление, метафоризация

Для цитирования: Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Assimilia: «уныние» и «печаль» как синонимы. *Русистика без границы. Международно научно списание*. – София, 2026, Том X, кн. 3, С. 65–76.

S.G. Vorkachev, E.A. Vorkacheva
ASSIMILIA: «DESPONDENCY» AND «SORROW» AS SYNONYMS

Abstract. Using contexts of speech use of the names «despondency» and «sorrow» in the «National Corpus of the Russian Language», this article examines their semantic and syntactic properties. It is established that «despondency» and «sorrow» are weakly distinguishable synonyms the differences of which are revealed in their speech use with prepositions, their aspectual evaluative attributes, the duration and brevity of the emotional state they convey, their ability to form dwandvas, the discrepancy in the external manifestation of the corresponding emotional states, and the axiology of their metaphorization in the realm of photo-chromo, pyro-thermos, and gustatory metaphors.

Keywords: paired words, emotional state, synonymy, despondency, sorrow, speech use, metaphorization

For citation: Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. Assimilia: *despondency* and *sorrow* as synonyms. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*. – Sofia, 2026, Vol. X, Iss. 3, pp. 65–76.

Введение

Уныние и *печаль* в русском языке образуют своего рода лексическую пару в узком понимании, объединенную отношениями близкой синонимии подобно *безразличию* и *равнодушию*, *желанию* и *хотению*, *горю* и *беде* [6, с. 89].

Печаль, как и *уныние*, принадлежат к числу базовых отрицательных астенических эмоциональных состояний, имена которых (*тоска*, *уныние*, *печаль*, *грусть*), помимо отличий во «внешней форме» – плане выражения, вполне четко различаются своей «внутренней формой» и этимологией [23; 7, с. 63]. Если *печаль* исторически восходит к корню *пек/ч-*, отправлявшему к нагреванию и горению [25, т. 3, с. 227, 254; 26, с. 298; 15, с. 286–287], то *уныние* – к корню *ны-*, отправлявшему к страданию и жалобам [15, с. 396; 25, т. 3, с. 92; 27, с. 205, 335], что, как можно ожидать, отразилось на речевом употреблении имен этих эмоциональных состояний, тем более, что их словарные толкования носят практически круговой характер, когда они объясняются друг через друга [7, с. 63].

Восьмеричный список «смертных грехов» Восточного христианства, включающий и *уныние* (ἀκηδία), и *печаль* (λύπη), был составлен Евагрием Понтийским в конце IV века на древнегреческом языке и воспроизведен на латинском Иоанном Кассианом (Римлянином), который транслитерировал *уныние* (acedia), а *печаль* перевел как *tristitia* [8]. Через пару веков для Западного христианства этот список был «оптимизирован» папой Григорием Великим и стал семеричным, где *печаль* слилась с *унынием* [14]. В списке «греховных страстей» Православия сохранена изначальная восьмеричность – в нем присутствуют на равных правах и *уныние*, и *печаль*, которые также присутствуют в тексте канонического (синодального) перевода Священного писания, где слово *печаль* появляется в 67 контекстах, а слово *уныние* – всего лишь в 8. Лексемы *печаль* и *уныние* стоят с одним синонимическим рядом показателей отрицательных астенических эмоциональных состояний, их смысловая близость отмечается чуть ли не всеми православными авторами [3, с. 70; 16, с. 181] и продолжаются попытки разведения соответствующих понятий для оправдания их включения в список «греховных страстей», когда *печаль* соотносится с конкретной причиной, её вызывающей, а *унынию* приписывается беспричинность [9, с. 101; 19]. Тем не менее, отнюдь не все православные богословы разделяют мнение о необходимости присутствия в списке «греховных страстей» двух столь близких по смыслу понятий: в Библейской энциклопедии Брокгауза присутствует статья *печаль*, но нет статьи *уныние* [20], а в названии хрестоматии текстов о *печали* и *унынии* присутствует только *печаль* [17].

Латинское *tristitia* передает как *грусть*, так и *печаль* [11, с. 689; 10, с. 62, 213], однако в число имен-показателей «греховных страстей» русского языка попала как раз лексема *печаль*, можно полагать, в силу малой интенсивности передаваемого ею эмоционального состояния [23, с. 1165; 2, с. 59], а также её некоторой аксиологической амбивалентности – достаточно часто *грусть* ассоциируется с положительной оценкой, несовместимой с понятием греха. В то же самое время имя *тоска* не попадает в этот список, как представляется, по причине своей лингвоспецифичности – отсутствия аналогов в других языках [4, с. 282; 13, с. 10].

Материалом для сопоставительного исследования *уныния* и *печали* послужили контексты речевого употребления их имен в «Национальном корпусе русского языка»: 1000 контекстов из основного корпуса и 250 – из поэтического для *уныния* и столько же – для *печали*, всего 2500 речевых контекстов.

Теоретический обзор

Печаль и *уныние* представляют собой слаборазнозначные синонимы, отличающиеся друг от друга минимальным числом признаков [5, с. 336]: они взаимозаменяемы во многих, если не в большинстве, контекстов. Часть отличительных признаков *печали* и *уныния* лежит, что называется, на поверхности и зафиксирована лексикографически: у них различная этимология, они входят в различные словообразовательные гнезда, у них различная степень полисемии: при одном лексико-семантическом варианте *уныния* у *печали* их три – помимо ЛСВ отрицательного астенического эмоционального состояния, здесь присутствуют значения причины такого состояния и заботы [24, т. 3, с. 248; 12, т. 2, с. 96; 21, т. 3, с. 117; 22, т. 9, с. 1128]. И, конечно же, здесь дискурсная вариативность *уныния* – способность менять свое имя на *депрессию* при попадании в научный дискурс, в котором *печаль* вовсе отсутствует.

В то же самое время достаточно многочисленные различия *печали* и *уныния*, определяющие затруднительность или даже невозможность их контекстной взаимозамены, раскрываются в речевом употреблении их имен, на семантику и синтаксис которых накладывается структура фазовой модели развития эмоций [1, с. 367–369]: причина эмоции → оценка этой причины → собственно эмоция (переживание) → внешнее проявление эмоции. Как представляется, отличия в семантике имен *печали* и *уныния* целесообразно исследовать на материале конкорданса, составленного из контекстов их речевого употребления в основном и поэтическом национальных корпусах русского языка (НКРЯ), где ближайшее право- и левостороннее окружение этих имен отражает их атрибутивную и предикативную сочетаемость, объектное управление, синтаксические функции и метафорику.

Печаль vs уныние

В формальном плане *уныние* и *печаль* совершенно свободно употребляются в наречных оборотах с предлогами *с* (*с унынием/печалью*) и *в* (*в унынии/печали*), где они практически полностью взаимозаменяемы: *К старшим курсам Симочка и её подруги с унынием поняли, что специальности своей они не полюбили и даже тяготились ею, но было поздно* (А. Солженицын); *Опять всё постановочно, – Аскар с унынием разглядывал дешёвые репродукции на стене за спиной Руслана, – клоуны мы все* (Г. Ариткулова); *Анечка слушает, бледнеет и смотрит на Николая Юрьевича с печалью: адвокат Саенко заболел и когда встанет на ноги, одному Богу известно* (Криминальная хроника, 2003.07.08); *Накануне первого слушания в областном суде Колюню пригласил к себе постаревший дядя Глеб, с печалью рассуждал о совершенно немыслимом еще несколько лет назад* (А. Варламов); *Она весь день прозанималась в Ленинской библиотеке, потом несытно и невкусно пообедала в столовой и возвращалась домой в унынии перед незаполнимым воскресным вечером, не обещавшим ей ничего* (А. Солженицын); *Люди в империи рождались в унынии, умирали в бедности* (Б. Евсеев); *Ребенок не должен видеть свою мать в слезах, в печали* (С. Ткачева-Т. Гвердцители); *Кто он, спросил в печали* (Е. Водолазкин); *Везде пусто – усладительная тишина! возжеленное уединение! у вас я некогда искал убежища; в печали и унынии вы были спутники, когда разум преследовать тисился истине; вы мне теперь несносны!* (А. Радищев). В то же самое время если имя *печаль* в составе вводного оборота с предлогом *к* (*к печали*) вполне употребительно (*К великой печали, с образом воронежского папуаса приходится распрощаться* – С. Дробышевский; *Елоховского храма позолота, к печали Нила Сорского, – пышина* – Б. Ахмадулина), то вводный оборот *к унынию* в тексте составленного корпуса встречается лишь единожды и представляется, скорее, исключением из языковой нормы: *К унынию, к великой досаде, комбат себе представил, что его людям, которые уже зачехлили орудия, свели станины и взяли их на передки,*

долго и нудно перетягивали стволы в заднее, походное положение, все это укрыли маскировочными сетями, плащ-палатками, еловым лапником, теперь предстоит эта работа в обратном порядке, а потом, по выполнении огневой задачи, все опять начинать сначала (Г. Владимов).

Также совершенно свободно уныние и печаль употребляются в объектных сочетаниях с предлогами *от* (*от уныния/печали*) и *из-за* (*из-за уныния/печали*): *Род Плывающих ещё длился, но из года в год выцветали краски, истончалась раса, усиливалось уныние от обрушившей их жизнь беды* (О. Рэйн); *Уже в юности одной из главных черт его характера было несгибаемое упорство, он не любил отказываться от задуманного и не приходил в уныние от неудач* (А. Крон); *Когда я прикасаюсь к наследию Галины Иванченко, то невольно вспоминаю эти слова: настолько в восприятии ее летящих текстов печаль от утраты сливается с радостью познания* (И. Ярославцева); *Каждый Божий день печаль от вороватых лакеев, слезы от грубостей камердинера Попова* (Б. Евсеев); *Но теперь Бим почувствовал рывок ремня раньше, чем тогда, а по приказу лег и дрожал от волнения, страсти и в то же время от уныния и печали: все это было в его облике от носа до хвоста* (Г. Троепольский); *Я ведь догадывался, что уныние из-за неподобающих условий жизни – ерунда, в сущности* (И. Кио); *Так что наблюдающееся в последнее время уныние из-за того, что научная картина мира словно застыла, пока, видимо, преждевременно* (Б. Савин); *Думаю, у них была некая печаль из-за их публичной на сей раз не востребованности на этом юбилее* (С. Есин); *Во всяком случае, печаль он знал – и чисто христианскую, о мире, и обычную, из-за потерь и болезней* (Н. Трауберг).

Между тем если для имени *печаль* вполне естественно дополнение, вводимое предлогами *о* (*печаль о*), *по* (*печаль по*) и *за* (*печаль за*), то после уныния эти предлоги не появляются: *Возникло пронзительно ясное ощущение свершения судьбы, и с ним смешалась печаль о потере чего-то странно милого, трогательного, хорошего* (В. Гроссман); *И печаль не о том, что ничтожен человек, а то, что он зол в своем ничтожестве* (З. Прилепин); *Один Перри не сдавался, и сердечная печаль по Мери находила себе исход в его лютой энергии* (А. Платонов); *Его удел – бескрайняя печаль по себе, по вечно несостоявшемуся себе, ускользнувшему непонятно куда* (В. Володин); *Всю свою откровенность Сергей вывалил в роман, поэтому в дневнике не было ничего, кроме манерной печали за свою бездарность и описаний умственной борьбы с сюжетом и словесными оборотами* (А. Сальников); *И снова преодолевал подтачивающую сердце тревогу, печаль за них, Зыряновых, за свое ли будущее (угораздило вот начинать самостоятельную жизнь военной порой)* (В. Астафьев).

Первый же взгляд на атрибутивное расширение имен *уныние* и *печаль* указывает на большую «эпитетность» последней – словосочетания *печали* с прилагательным превосходят подобные словосочетания *уныния* где-то в полтора раза: прилагательное + уныние: прилагательное + печаль = 90 : 150.

И *уныние*, и *печаль* сочетаются с именами прилагательными относительно свободно, в то же самое время оценочная атрибутика, как у *уныния*, так и у *печали*, занимает приблизительно половину общего речевого употребления этих имен: соотношение общая атрибутика: оценочная для *уныния* выглядит как 48 : 90, а для *печали* – как 82 : 150. Однако распределение видовой оценочной атрибутики внутри общего оценочного блока для *уныния* и *печали* различно. Так, если для *уныния* количественная оценка (сила–слабость) представлена 10 прилагательными-интенсификаторами (*полное, совершенное, умопомрачительное, лютое, беспредельное и пр. уныние*) и 2 прилагательными-минимизаторами (*тихое, вялое уныние*), то количественный расклад для *печали* выглядит несколько иначе: *печаль* усиливается в 15 контекстах речевого употребления (*острая, глубокая, страшная, неистовая, невероятная, убойная и пр.*

печаль), а минимизируется в 11 контекстах (*тихая, легкая, смутная, глухая, туманная и пр. печаль*). Что касается оценки аксиологической (хорошо–плохо, добро–зло), то здесь отличие *уныния* от *печали* более существенно: если *уныние* атрибутивно оценивается отрицательно в 31 контексте (*тошнотное, летальное, постыдное, окаянное, горькое, гнетущее, мертвящее и пр. уныние*) и оценивается положительно только в 4 контекстах (*жизнеутверждающее, сладостное, томное, почтительное уныние*), то *печаль* оценивается отрицательно лишь в 17 контекстах (*горькая, сосущая, щемящая, тлетворная, мертвящая, смертельная и пр. печаль*) и положительно уже в 39 контекстах (*светлая, сладкая, сладостная, мудрая, возвышенная, горделивая, чистая, ясноокая, благая, нежная и пр. печаль*). Лидером по частоте появления здесь, конечно, выступает пушкинская *светлая печаль* (*Мне грустно и легко; печаль моя светла; / Печаль моя полна тобою*) – 16 появлений. Преобладание атрибутивных контекстов с положительной оценкой *печали* на фоне минимального числа подобных контекстов у *уныния*, как представляется, свидетельствует о явно большей «вредоносности» последнего.

Отличаются *уныние* и *печаль* также по признаку длительности-краткости, в той или иной мере свойственному всем отрицательным астеническим эмоциональным состояниям (см.: Урысон 2004: 1165): если *уныние* встречается лишь с прилагательными длительности (*стойкое, хроническое, непреходящее уныние*), то *печаль* с подобными прилагательными (*вековая, постоянная, неизбывная печаль*) встречается трижды, зато в числе определений *печали* шесть раз появляется прилагательное мимолетная (*Поэтому и случаются иногда отдельные грусти и недоразумения мимолетных печалей* – В. Володин; *Потом в момент какой-то мимолетной печали предала его огню* – А. Беляков), в числе же атрибутивных расширений *уныния* никаких указаний на краткость нет. Вопреки утверждениям о беспричинности *уныния* и наличии конкретной причины у *печали* в православном дискурсе [9, с. 101; 19] *уныние* с расширением беспричинное появляется всего лишь один раз (*Во мне оставалось лишь одно чувство, окончательно созревшее тогда и впоследствии меня уже не оставлявшее, чувство прозрачной и далекой печали, вполне беспричинной и чистой* – Г. Газданов), в то время как *печаль* с атрибутивными указаниями на отсутствие причины (*необъяснимая, непонятная, бессознательная, загадочная печаль*) встречается 6 раз. И, наконец, с определениями *мирская* и *христианская* встречается только *печаль*: *А еще я прошу – сохрани эту даль, / Сохрани эту даль навсегда, / Где за мною бродила мирская печаль, / Где меня настигала беда* (В. Блаженный); *Во всяком случае, печаль он знал – и чисто христианскую, о мире, и обычную, из-за потерь и болезней* (Н. Трауберг).

Соположенность имен *уныние* и *печаль* в смысловом ряду количественно предстает как парность и как многочленность. Парность в свою очередь может выглядеть как двандва – сложное слово, разноосновные части которого соединены дефисом, и лексическая пара, преимущественно связанная сочинительными или иными отношениями. В первом же приближении видно, что двандвы, где семантические различия входящих в них лексических единиц нейтрализуются, а значения сливаются воедино, в данном объеме выборки образует только *печаль*: *печаль-тоска, тоска-печаль, горе-печаль, печаль-разлука* и пр., в то время как для *уныния* подобное явление нехарактерно – **уныние-тоска, *уныние-печаль*.

В лексических парах, образуемых *унынием* и *печалью*, прослеживается явная асимметрия оценки: *Уныние* «спаривается» в подавляющем большинстве случаев (в 154 контекстах из 158) с именами, отмеченными отрицательными коннотациями, и лишь в 4 контекстах с аксиологически нейтральными именами (*удивление и уныние, уныние и смирение, уныние и нетерпение, уныние и горячка*), в то время как *печаль* в 41 контексте из 137 идет в паре с именами положительной оценки (*печаль и радость, печаль и*

счастье, печаль и нежность, печаль и надежда, печаль и любовь и пр.), в 6 контекстах – с аксиологически нейтральными именами (*печаль и задумчивость, печаль и молчаливость*) и только в 90 контекстах – с именами отрицательной оценки. Тем самым, соотношение плюса и минуса в лексических парах, образованных именем *печаль* практически выглядит как 1: 2, что косвенно свидетельствует о значительно меньшей «вредоносности» *печали* на фоне *уныния*. Из однопорядковых и семантически смежных отрицательно-оценочных имен эмоций *уныние* и *печаль* регулярно появляются в паре с *тоской*, однако *уныние* в отличие от *печали* редко сочетается с *грустью* (лишь в двух контекстах) и достаточно часто (в 13 контекстах) – с *отчаянием*, с которым *печаль* сочетается относительно редко (лишь в трех контекстах). В то же самое время, *уныние* достаточно часто – в 7 контекстах идет в паре с *ленью*, в сочетании с которой *печаль* не появляется никогда, и в 11 контекстах – со *скукой*, в паре с которой *печаль* появляется всего лишь дважды.

Присутствие *уныния* и *печали* в одном многочленном смысловом ряду отмечено практически той же асимметрией оценки, что и в лексических парах: если *уныние* появляется в лучшем случае в смысловом ряду, включающем аксиологически нейтральные имена – только 2 контекста из 85 (*безделье, сон и уныние; дождь, серость, уныние*) при 83 контекстах с именами исключительно отрицательной оценки, то *печаль* при 2 контекстах с именами нейтральной оценки (*беда, печаль, недоумение; ад, зима, зло и печаль*) появляется уже в 19 контекстах с именами положительной оценки и только в 38 – с именами только отрицательной оценки.

Если контексты многочленного смыслового ряда *уныния* отмечены преимущественно прецедентностью христианского списка смертных грехов (*зависть, скупость, блуд, чревоугодие, гордость, уныние и гнев*) и его многочисленными вариациями (*жадность, лень, самодовольство, страх, лицемерие, гордость, гнев, зависть, уныние, похоть и пр.*), то у *печали* здесь доминирует (6 контекстов) прецедентность заупокойной молитвы (*Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная*): *болезнь, печаль и воздыхание*.

Причиной, каузатором и *уныния*, и *печали* выступают неблагоприятные для субъекта события и ситуации, которые могут вводиться предложениями (*уныние от, из-за; печаль о, по*), союзами (*уныние/печаль оттого/потому, что*), быть представленным генетивным определением (*уныние долгого супружества, протяжных песен; печаль расставания, разлуки*), каузатор *уныния* и *печали*, может вербализоваться лексически (*причина, повод, мотив уныния/печали*), передаваться отдельным смысловым блоком.

Как уже отмечалось, считается, что в религиозном дискурсе *уныние* отличается от *печали* отсутствием конкретной причины своего возникновения [9, с. 101], однако наблюдения над контекстами речевого употребления *уныния* и *печали* в «светском» дискурсе это отличие не подтверждают: оба этих эмоциональных состояния объясняются как конкретными (*Но появившаяся из кабинки щупленькая фигурка привела его в уныние – С. Данилюк; Теперь она читала про молодую совсем девушку, лет тридцати, лежит с четвертой стадией, и одна у нее печаль – волос после химиотерапии совсем не осталось – А. Снегирев*), так в меньшей мере абстрактными причинами (*Впору обозлиться на природу-мать и впасть в уныние от неравномерного распределения красоты – В. Синицына; Да, – с примирительной печалью вздохнул Николай, – не наделена крыса свободой воли – А. Уткин*). В то же самое время, как и *уныние*, *печаль* вполне может быть беспричинной никак не мотивированной: *Не мог я разобраться, хоть убей, что за печаль свалилась мне на плечи, поскольку в ней отсутствовал мотив (Б. Рыжий); Предгрозовая духота / Пчела повисшая над чашкой / Печаль без повода, (ее*

портвейн “Лучистый” / Успешно лечит, и она светла) (В. Кривулин). И, наконец, указание на отсутствие цели и смысла жизни и веры в торжество добра присутствует только в числе причин уныния: *Жизнь без оправдывающей цели грозила превратиться в чавкающую тряси́ну уныния* (А. Архангельский); *Смутится ли моя в добро и в правду вера, – Кто от уныния тогда спасет меня?* (А. Жемчужников).

В ряде контекстов речевого употребления имен уныния и печали фиксируется внешнее проявление этих эмоциональных состояний: их соматика и их ближайшие либо отдаленные последствия. Нужно сразу заметить, что *печаль* в своих внешних проявлениях более «раскрепощена», чем *уныние*: на четыре десятка контекстов проявления уныния приходится почти сотня контекстов проявления печали.

Прежде всего, уныние и печаль «читаются» на лице в целом, во взгляде, в голосе, в жестах, в мимике, в походке: *И он спросил их: отчего такое / Уныние на ваших бледных лицах?* (В. Жуковский); *И в очередь свою, с унынием очей, / Подруга каждая приблизилась к ней* (П. Плетнев); *Так я имел в виду, что ты поедешь с нами, – мое уныние наверняка слышится в голосе* (В. Спектр); *Он глядел себе под ноги и вообще всячески показывал свое уныние* (Е. Хаецкая); *И, лишены и зренья и слуха, / И дочь и мать домой идут, / Иль лучше так сказать – в унынии ползут, / Повеся головы, не говоря ни слова* (Я. Княжнин); *У тебя на лицо набежала этакая легкая печаль* (А. Бушков); *Отец одиноко сидел на крыльце. Ружье на коленях, печаль на лице* (Ю. Кузнецов); *Старик долго молчал, а когда заговорил, в голосе его звучала печаль* (Н. Дежнев); *Петров-младший вздохом печали проводил отца, когда тот оделся и вместо того, чтобы начать завтракать по-быстрому и срываться на елку, пошел курить на балкон* (А. Сальников); *Сыщик опускает голову в бесконечной печали* (А. Беляков). Однако некоторые отличия в речевом проявлении уныния и печали все-таки наблюдаются: от печали нередко вздыхают, в то время как уныние вздохами не сопровождается, в большинстве случаев печаль проявляется во взгляде (38 контекстов), в то время как уныние появляется в глазах всего два раза.

Что касается более или менее отдаленных последствий уныния и печали, то от них начинают пить и курить (*С горя и печалей я никогда не искал утешений в вине – В. Астафьев; Прошлый раз, в марте, начал курить от уныния – вот ужасный грех! – А. Монастырский*), клонит в сон (*Она ищет Саню повсюду, но только видит студёный ветер, метущий позёмку с пылью, волну за волной, видит души спящих от печали – В. Галактионова*), однако утрата интереса к жизни и веры в свои силы чаще всего – результат уныния (*Младших дочерей надо еще поднимать, а я в унынии, все время жить не хочу – Н. Горланова; Никогда не поддавайся унынию, оно подрывает веру в твои силы – Ф. Чуев*).

Инструментально – по способу образного представления семантических признаков печаль мало чем отличается от уныния: здесь также присутствует персонификация (*Все хорошее обычно не столько начинается, сколько кончается, – печаль, изнутри подкраவிшись, мне легонько шепнула, душу погладив, как высоко осуществившегося на свет младенца – В. Володин; Печаль девчачья пионеркою / раз в раздевалке подошла – Д. Новиков*), биометафора (*Вот печаль извивается гибкой змеею, / Исполняя какой-то мучительный танец – В. Блаженный; В душе Мокея поселилась печаль и, похоже, надолго свила там гнездо – Н. Дежнев; Красная роза печали разворачивается в конце пути, потому что путь имеет конец – Е. Сабуров*), реиметафора (*Теперь прошу от Музы Не этого венца, / А чтоб остались узы / Печали до конца – Д. Самойлов; Но, как вино, печаль минувших дней / В моей душе, чем старе, тем сильнее – А. Пушкин*), гидрометафора (*Утешения и надежда пропитаны в письме незаметной, наверное, для автора печалью – Д. Гранин; Он наливается невиданной печалью, / Он проливается*

неслыханной тоской – К. Арутюнова), пневмометафора (*Время это всегда дышит печалью* – Н. Дежнев), морбометафора (*Зря лечили от печали / Нас на скучном карнавале* – И. Чиннов), онерометафора (*Тяжела моя печаль, ты ж прелестна и желанна* – Б. Рыжий), спациометафора (*Стал разговаривать со взводным замполит, а поговоривши, и сам впал в печаль* – В. Астафьев), ольфатометафора (*Воздух был влажен, в нем витал аромат незнакомых цветов, аромат печали и запустения* – Н. Александрова) и пр.

Отличия же уныния от печали причем, главным образом, количественного плана лежат уже внутри способов метафоризации и носят аксиологически маркированный характер, а, точнее, в области фото-хромо метафоры, пиро-термометафоры и вкусовой метафоры.

Так, если в метафорике уныния, связанной с интенсивностью света, явно господствует «темная сторона», то печаль наряду с темной и мрачной, совсем нередко бывает светлой: *Схоронили, испытывая светлую печаль, но и облегчение, которого почти не скрывали, настолько оно казалось естественным* (А. Слаповский); *Помним; уже не скорбим – отошло и отболело, заполнилось легким светом печали* (А. Колобродов); *Он покачивает о ней головой, когда замечает на женском лице загадочную печаль, высвечивающую недоговоренное* (А. Цветкова); *И, наоборот, в глазах голой прокурорши, которая даже не пыталась прикрыть ладонью свои набухшие желанием ало-влажные лепестки, тихо светила печаль безысходного целомудрия* (Ю. Поляков). Если уныние покрывает почти исключительно холодную область хроматического спектра, то чуть ли не в половине «хроматических» контекстов печали присутствуют скорее тёплые цветовые оттенки: *Вспоминая случайно о церковных свечах, золотое венчанье – золотая печаль!* (Л. Губанов); *Одно и то же небо может хмуриться кобальтом и метать стронциановые молнии, но посредством десятка-другого оттенков в другом углу холста оно предстанет самой персиковой безмятежностью или нежно-зелёной печалью* (Э. Каримова). Если уныние уподобляется холоду (*Увы, напрасно я стремлюсь к Тебе душою, / Уныние и страх мне душу леденит* – Л. Кобылинский), то в метафорике печали не так уж редко присутствует и тепло: *Ах, найти бы их, порасспросить... – кто, кто же он и куда ушел, не отпросясь ни у единой моей печалинки, ни у одного моего желания, не взяв на дальнюю дорожку ни единственного занюханного, латанного-перелатанного прощания, которое бы на ночевке среди голого мира печалью бывалой согрело, глядишь, порадовало бы* (В. Володин); *Езанга замолчал, судорога, изломавшая лицо, ослабла, он весь обмяк, впал в задумчивость – только часто моргал, будто глаза его жгли воды печали* (А. Григоренко); *Громадная Павлова печаль, догорая темноватым пламенем, потрескивая искорками и чуть дымясь, ушла за портьеры* (Б. Евсеев). И, наконец, печаль, в отличие от уныния, может быть не только горькой (*И снова горькая печаль, что будила его в позднем младенчестве, касалась Колюниной души, и он не спал до самого утра* – А. Варламов; *Печаль не светла, а с горьким привкусом «Думы» того же Лермонтова* – А. Колобродов; *Мне, едва ли от нее не умиравшей, все приметы 1920-х, 1930-х и т. д., например – кримплен, внушают горькую печаль* – Н. Трауберг), но сладкой и сладостной (*Ей было очень грустно с самого момента пробуждения, и грусть эта была не сладкой печалью умиления, не грустью от переполненности жизни, которая так свойственна молодости* – К. Фролов; *Мучительно захотелось поверить им на слово и принять всей душой эту сладостную печаль бытия* – Д. Филиппов).

Заключение

Таким образом, исследование отличий *уныния* и *печали*, проведенное на материале контекстов речевого употребления их имен, позволяют прийти к следующим выводам.

Печаль и *уныние* представляют собой слаборазнозначные синонимы, отличающиеся друг от друга минимальным числом признаков: они взаимозаменяемы во многих, если не в большинстве, контекстов. В то же самое время различия *печали* и *уныния*, определяющие затруднительность или даже невозможность их контекстной взаимозамены, раскрываются в речевом употреблении их имен.

Так, в отличие от *уныния* имя *печаль* вполне употребительно в составе вводного оборота с предлогом *к* (*к печали*), в то же время имя *уныние* не управляет объектным дополнением с помощью предлогов *о*, *по* и *за* в отличие от *печали* (*печаль о*, *по*, *за*).

Распределение видовой оценочной атрибутики внутри оценочного блока для *уныния* и *печали* различно, когда первое в большинстве случаев оценивается сугубо отрицательно, а вторая получает положительную оценку почти в трети контекстов речевого употребления, что явно свидетельствует о её меньшей «вредоносности». Отличаются *уныние* и *печаль* также по признаку длительности-краткости, когда *уныние* оказывается длительнее *печали*.

Способность к формированию двандв (*печаль-тоска*, *тоска-печаль*, *горе-печаль*) присуща только *печали*, в лексических парах, образуемых *унынием* и *печалью*, прослеживается явная асимметрия оценки в пользу плюса для *печали* и минуса для *уныния*, свойственная в той же мере присутствию *уныния* и *печали* в одном многочисленном смысловом ряду.

Наблюдения над контекстами речевого употребления *уныния* и *печали* в «светском» дискурсе не подтверждают беспричинность *уныния*, отмеченную для религиозного дискурса: оба этих эмоциональных состояний вызываются как конкретными, так в меньшей мере абстрактными причинами.

При всем совпадении внешнего проявления эмоциональных состояний *уныния* и *печали* наблюдаются и определенные отличия: от *печали* нередко вздыхают, в то время как *уныние* вздохами не сопровождается, в большинстве случаев *печаль* проявляется во взгляде, что совсем не свойственно *унынию*, а что касается последствий воздействия *уныния* и *печали*, утрата интереса к жизни и веры в свои силы чаще всего – результат *уныния*.

По способу образного представления семантических признаков *печаль* мало чем отличается от *уныния* – отличия здесь лежат внутри способов метафоризации и носят аксиологически маркированный характер, а, точнее, в области фото-хромо метафоры, пиро-термометафоры и вкусовой метафоры.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Бабенко Л.Г. Словарь синонимов русского языка. – М.: АСТ, Lingua, Астрель, 2011. – 688 с.
3. Бунге (схиархим Гавриил). Тоска, печаль, депрессия: духовное учение Евагрия Понтийского об акедии. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. – 192 с.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
5. Воркачев С.Г. Базовая семантика и лингвоконцептология: на стыке парадигм гуманитарного знания. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 540 с.
6. Воркачев С.Г. Парные имена в лексической системе языка: *вожделение* и *похоть* // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 89–93. – https://doi.org/10.53531/25420747_2025_3_89
7. Воркачев С.Г. Лингвокультурный смысл *уныние* в лексикографическом дискурсе //

- Русистика без границы. Международно научно списание. – София, 2025. – Т. 9(4). – С. 60–71.
8. Главные грехи – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Главные_грехи
 9. Горячев Д. Разграничение понятий печали и уныния в аскетическом богословии // Диакриси́с. – 2022. – № 4 (16). – С. 101–114. – <https://doi.org/10.54700/diakrisis.2022.4.16.004>
 10. Громыко Н.Н. Русско-латинский словарь. – Мн.: Новое знание, 2000. – 464 с.
 11. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1949. – 950 с.
 12. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. – М.: Русский язык, 2001.
 13. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
 14. Кротов Я. История классификации греха. – Режим доступа: http://krotov.info/1/old/1_history/00_moi/greh_klass_1237.htm
 15. Крылов А.Г. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.
 16. Ларше Ж.-К. Исцеление духовных болезней. Введение в аскетическую традицию Православной Церкви. – Сергиев Посад: Московская духовная академия, 2018. – 763 с.
 17. Масленников С.М. Страсти – болезни души. Печаль. Избранные места из творений святых отцов. Как определить Божью волю и иметь упование на Бога. – М.: Сибирская Благовонница, 2011. – 599 с.
 18. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru
 19. Печаль – Режим доступа: Азбука веры <https://azbyka.ru/pechal>
 20. Ринкер Ф., Майер Г. Библейская энциклопедия Брокгауза – Режим доступа: <https://rus-bibl-brokgauz.slovaronline.com/>
 21. Словарь русского языка: в 4-х т. – М.: Русский язык, 1981–1984.
 22. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.-Л.: АН СССР, 1951–1965.
 23. Урысон Е.В. Тоска, уныние, печаль, грусть // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. – М.-Вена: Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2004. – С. 1165–1170.
 24. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: Астрель-АСТ, 2000.
 25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Астрель-АСТ, 2003.
 26. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов. – Киев: Радянська школа, 1989. – 511 с.
 27. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов. – М.: Дрофа, 2000. – 400 с.

References in Roman script

1. Апресян YU.D. Izbrannyye trudy, tom 2. Integral'noye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. – М.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1995. – 767 s.
2. Babenko L.G. Slovar' sinonimov russkogo yazyka. – М.: AST, Lingua, Astrel', 2011. – 688 s.
3. Bunge (skhiarkhim Gavriil). Toska, pechal', depressiya: dukhovnoye ucheniye Yevagriya Pontiyского ob akedii. – М.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2014. – 192 s.
4. Vezhbitskaya A. Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov. – М.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. – 288 s.
5. Vorkachev S.G. Bazovaya semantika i lingvokontseptologiya: na styke paradigm gumanitarnogo znaniya. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 540 s.
6. Vorkachev S.G. Parnyye imena v leksicheskoy sisteme yazyka: vozhdeleniye i pokhot' // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2025. – № 3. – С. 89–93. – https://doi.org/10.53531/25420747_2025_3_89
7. Vorkachev S.G. Lingvokul'turnyy smysl unyniye v leksikograficheskom diskurse // Rusistika bez granitsi. Mezhdunarodno nauchno spisaniye. – Sofiya, 2025. – Т. 9(4). – С. 60–71.
8. Glavnyye grekhi – Rezhim dostupa: https://ru.wikipedia.org/wiki/Glavnyye_grekhi
9. Goryachev D. Razgranicheniye ponyatiy pechali i unyniya v asketicheskom bogoslovii // Diakrisis. – 2022. – № 4 (16). – С. 101–114. – <https://doi.org/10.54700/diakrisis.2022.4.16.004>

10. Gromyko N.N. Russko-latinskiy slovar'. – Mn.: Novoye znaniye, 2000. – 464 s.
11. Dvoretzkiy I.KH. Latinsko-russkiy slovar'. – M.: Gosizdat ino-strannykh i natsional'nykh slovarey, 1949. – 950 s.
12. Yefremova T.F. Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy: v 2 t. – M.: Russkiy yazyk, 2001.
13. Zaliznyak Anna A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira. – M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005. – 544 s.
14. Krotov YA. Istoriya klassifikatsii grekha. – Rezhim dostupa: http://krotov.info/1/old/1_history/00_moi/greh_klass_1237.htm
15. Krylov A.G. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. – SPb.: Poligrafuslugi, 2005. – 432 s.
16. Larshe ZH.-K. Istseleniye dukhovnykh bolezney. Vvedeniye v asketicheskuyu traditsiyu Pravoslavnoy Tserkvi. – Sergiyev Posad: Moskovskaya dukhovnaya akademiya, 2018. – 763 s.
17. Maslennikov S.M. Strasti – bolezni dushi. Pechal'. Izbrannyye mesta iz tvoreniy svyatykh ottsov. Kak opredelit' Bozh'yu volyu i imet' upovaniye na Boga. – M.: Sibirskaya Blagozvonitsa, 2011. – 599 s.
18. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. – Rezhim dostupa: www.ruscorpora.ru
19. Pechal' – Rezhim dostupa: Azbuka very <https://azbyka.ru/pechal>
20. Rineker F., Mayyer G. Bibleyskaya entsiklopediya Brokgauza – Rezhim dostupa: <https://rus-bibl-brokgauz.slovaronline.com/>
21. Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t. – M.: Russkiy yazyk, 1981–1984.
22. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. – M.-L.: AN SSSR, 1951–1965.
23. Uryson Ye.V. Toska, unyniye, pechal', grust' // Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka. Pod obshchim ruko-vodstvom YU.D. Apresyana. – M.-Vena: Yazyki slavyanskoy kul'tury : Venskiy slavisticheskii al'manakh, 2004. – S. 1165–1170.
24. Ushakov D.N. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. – M.: Astrel'-AST, 2000.
25. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t. – M.: Astrel'-AST, 2003.
26. Tsyganenko G.P. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: boleye 5000 slov. – Kiyev: Radyan'ska shkola, 1989. – 511 s.
27. Shanskiy N.M., Bobrova T.A. Shkol'nyy etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: proiskhozhdeniye slov. – M.: Drofa, 2000. – 400 s.

References

1. Apresyan Yu.D. Selected Works, Volume 2. Integral Description of Language and Systematic Lexicography. – Moscow: School “Languages of Russian Culture”, 1995. – 767 p. (In Russian).
2. Babenko L.G. Dictionary of Synonyms of the Russian Language. – Moscow: AST, Lingua, Astrel, 2011. – 688 p. (In Russian).
3. Bunge, (Archimandrite Gabriel). Longing, Sadness, Depression: The Spiritual Teaching of Evagrius Ponticus on Acedia. – Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2014. – 192 p. (In Russian).
4. Vezhbitskaya A. Understanding Cultures through Keywords. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2001. – 288 p. (In Russian).
5. Vorkachev S.G. Basic Semantics and Linguistic Conceptology: at the Crossroads of Humanitarian Knowledge Paradigms. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 540 p. (In Russian).
6. Vorkachev S.G. Paired names in the lexical system of language: *vozhdeleniye* and *pokhot'* // Bulletin of Pyatigorsk State University. – 2025. – No. 3. – Pp. 89–93. – https://doi.org/10.53531/25420747_2025_3_89 (In Russian).
7. Vorkachev S.G. The lingvocultural meaning of despondency in lexicographic discourse // Russian Studies without Borders. International Scientific Copying. – Sofia, 2025a. – Vol. 9(4). – Pp. 60–71. (In Russian).
8. The Cardinal Sins. – Access mode: https://ru.wikipedia.org/wiki/Главные_грехи (In Russian).
9. Goryachev D. Distinction between the concepts of sadness and despondency in ascetic theology // Diacrisis. – 2022. – No. 4(16). – Pp. 101–114. – <https://doi.org/10.54700/diakrisis.2022.4.16.004> (In Russian).
10. Gromyko N.N. Russian-Latin Dictionary. – Minsk: Novoye Znanie, 2000. – 464 p. (In Russian).
11. Dvoretzkiy I.Kh. Latin-Russian Dictionary. – Moscow: State Publishing House of Foreign and

- National Dictionaries, 1949. – 950 p. (In Russian).
12. Efremova T.F. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and word-formation: in 2 volumes. – Moscow: Russian Language, 2001. (In Russian).
 13. Zaliznyak Anna A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Key Ideas of the Russian Linguistic Picture of the World. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2005. – 544 p. (In Russian).
 14. Krotov Ya. History of the Classification of Sin. – Access Mode: http://krotov.info/1/old/1_history/00_moi/greh_klass_1237.htm (In Russian).
 15. Krylov A.G. Etymological Dictionary of the Russian Language. – St. Petersburg: Polygraphuslugi, 2005. – 432 p. (In Russian).
 16. Larcher J.-C. Healing of Spiritual Illnesses. Introduction to the Ascetic Tradition of the Orthodox Church. – Sergiev Posad: Moscow Theological Academy, 2018. – 763 p. (In Russian). (In Russian).
 17. Maslennikov, S.M. Passions – Diseases of the Soul. Sorrow. Selected Passages from the Works of the Holy Fathers. How to Determine God's Will and Have Trust in Him. – Moscow: Siberian Blagozvonitsa, 2011. – 599 p. (In Russian).
 18. National Corpus of the Russian Language. – Access mode: www.ruscorpora.ru (In Russian).
 19. Sorrow – Access mode: ABC of Faith <https://azbyka.ru/pechal> (In Russian).
 20. Rinecker F., Mayer G. Brockhaus Biblical Encyclopedia – Available at: <https://rus-bibl-brokgauz.slovaronline.com/> (In Russian).
 21. Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. – Moscow: Russian language, 1981–1984. (In Russian).
 22. Dictionary of the Modern Russian Literary Language: in 17 volumes. – Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1951–1965. (In Russian).
 23. Uryson E.V. Melancholy, despondency, sorrow, sadness // New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Under the general guidance of Yu.D. Apresyan. – M.-Vienna: Languages of Slavic Culture : Vienna Slavic Almanac, 2004. – Pp. 1165–1170. (In Russian).
 24. Ushakov D.N. Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. – M.: Astrel-AST, 2000. (In Russian).
 25. Vasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. – M.: Astrel-AST, 2003. (In Russian).
 26. Tsyganenko G.P. Etymological Dictionary of the Russian Language: more than 5,000 words. – Kyiv: Radyanska shkola, 1989. – 511 p. (In Russian).
 27. Shansky N. M., Bobrova T.A. School Etymological Dictionary of the Russian Language: Word Origin. – M.: Drofa, 2000. – 400 p. (In Russian).

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

УДК 372.881.161.1

Баско Нина Васильевна
кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: ninabasko@mail.ru

Basko Nina Vasilyevna
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: ninabasko@mail.ru

Н.В. Баско

ТЕРМИНОЛОГИЯ ЭКОНОМИКИ И БИЗНЕСА В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ

Аннотация. В статье рассматриваются принципы организации работы по обучению иностранных студентов терминологии экономики и бизнеса. Обучение терминологии специальности на русском языке проводится на занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи», которая является обязательной в российских вузах на факультетах нефилологического профиля. В статье даётся общая характеристика терминологии экономики и бизнеса в аспекте преподавания русского языка как иностранного. Отмечаются такие особенности терминологической лексики, как заимствованное происхождение многих терминов, их интернациональный характер, отнесение терминов к научному и официально-деловому стилям речи. Описываются типы заданий по обучению иностранных студентов терминологии специальности, основанные на семантических и грамматических свойствах терминов.

Ключевые слова: терминология, сфера экономики и бизнеса, русский язык как иностранный, культура речи, профессиональное общение

Для цитирования: Баско Н.В. Терминология экономики и бизнеса в преподавании русского языка иностранным студентам. *Русистика без границы. Международно научное списание*. – София, 2026, Том X, кн. 3, С. 77–84.

N.V.Basko

TERMINOLOGY OF ECONOMICS AND BUSINESS IN TEACHING RUSSIAN TO FOREIGN STUDENTS

Abstract. The article examines the principles of organizing work on teaching foreign students the terminology of economics and business. Teaching of specialized terminology in Russian is conducted in classes on the subject «Russian Language and Culture of Speech», which is mandatory in Russian universities in non-philological faculties. The article provides a general description of the terminology of economics and business in the context of teaching Russian as a foreign language. The following features of the terminological vocabulary are noted: the borrowed origin of many terms, their international character, and the attribution of terms to scientific and official business styles of speech. The article describes the types of tasks for teaching foreign students the terminology of the specialty, based on the semantic and grammatical properties of the terms.

Key words: terminology, economics and business, Russian as a foreign language, speech culture, professional communication

For citation: Basko N.V. Terminology of economics and business in teaching Russian to foreign students. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*. – Sofia, 2026, Vol. X, Iss. 3, pp. 77–84.

Введение

Начало XXI-ого века ознаменовано стремительным развитием научно-технического прогресса, появлением новых компьютерных технологий, созданием искусственного интеллекта, цифровизацией в сфере экономики, финансов, государственного администрирования. В этих условиях экономическая сфера деятельности, определяющая место страны на мировом рынке, занимает всё более заметное место в жизни общества. Стремительное развитие экономики и бизнеса, отражающее эволюционные изменения в социально-экономической сфере, оказывает влияние на развитие национальных языков и на методику их преподавания, включая преподавание языка иностранным студентам-экономистам.

Данная статья посвящена анализу терминологии экономики и бизнеса в аспекте лингводидактики: рассматриваются принципы организации работы по обучению иностранных студентов экономического профиля терминологии экономики и бизнеса на русском языке. Преподавание терминологии специальности в российских вузах проводится как на занятиях по изучаемой специальности, так и на занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи», которая является обязательной в российских вузах на факультетах филологического профиля.

В отличие от иностранных студентов-филологов, для которых русский язык является целью обучения, для студентов неязыковых вузов и факультетов русский язык выступает средством овладения будущей специальностью. Это предусматривает усвоение терминологии будущей специальности и умение её использовать в профессиональной речи, знание грамматических конструкций и словообразовательных средств, специфичных для научного стиля речи, овладение навыками профессионального общения на русском языке.

Содержание учебного курса по русскому языку и культуре речи для иностранных студентов-экономистов ориентировано на учебную программу «Русский язык и культура речи» для студентов филологических специальностей [4].

Культура речи как предмет обучения в вузе связана с подготовкой студентов по основным учебным дисциплинам: «Мировая экономика», «Финансы, денежное обращение и кредит», «Бухгалтерский учет, статистика, аудит», «Маркетинг» и др. В процессе обучения иностранные учащиеся вместе с русскоязычными студентами должны прослушать учебные курсы на русском языке по экономике фирмы, банковскому делу, бухгалтерскому учету и аудиту, основам предпринимательства. Культура речи будущего специалиста – одна из составляющих профессиональной компетенции, которая обеспечивает свободное владение терминологией специальности, общение с коллегами и деловыми партнёрами на актуальные темы, связанные с экономикой и предпринимательской деятельностью.

Теоретический обзор

В современном русском языке значительную часть экономической терминологии составляют иноязычные заимствования, обозначающие научные понятия экономики и бизнеса, или называющие события и процессы экономической деятельности. В русский язык термины экономической науки пришли в основном из английского языка (его американского варианта) путём калькирования (перевода). Они связаны с макроэкономикой – разделом экономической теории, изучающей общие экономические процессы и явления, такие как инфляция, безработица, финансовая деятельность, экономический рост и государственное регулирование; и микроэкономикой, изучающей состояние рынков отдельных отраслей, спрос и предложение, вопросы распределения и потребления товаров и услуг, проблемы ценообразования.

Примеры заимствованных терминов из сферы макроэкономики: *инфляция* (англ. *inflation*), *зелёная экономика* (англ. *green economy*), *цифровая валюта* (англ. *digital currency*), *криптовалюта* (англ. *cryptocurrency*), *утечка мозгов* (англ. *brain drain*), *санкции* (англ. *sanctions*), *инвестиции* (англ. *investments*).

Примеры терминов из сферы микроэкономики: *менеджмент* (англ. *management*), *маркетинг* (англ. *marketing*), *маркетплейс* (англ. *online marketplace*), *девелопмент* (англ. *development*), *стартап* (англ. *start-up*), *ритейл* (англ. *retail*), *электронный кошелёк* (англ. *e-Wallet*), *краудфандинг* (англ. *crowdfunding*), *кешбэк* (англ. *cash back*).

Главная особенность терминов экономики и бизнеса состоит в том, что они являются интернациональными: имея один язык-источник – английский язык (его американский вариант), они широко распространены во многих национальных языках. Термины интернационального характера во всех языках имеют одно и то же значение, они функционируют в экономической сфере в речи народов разных стран, выражая понятия экономической науки и бизнеса. Например, *деловое сообщество* (англ. *business community*), *логистика* (англ. *logistics*), *кешбэк* (англ. *cash back*), *маркетплейс* (англ. *online marketplace*), *дистрибьютор* (англ. *distributor*), *дискаунтер* (англ. *discounter*), *мёртвый капитал* (англ. *dead capital*) и др.

В разные исторические периоды отдельные национальные языки становились главными источниками интернациональной лексики, связанной с той или иной областью общественной жизни. Следует признать, что английский язык, терминология самой экономически развитой страны мира – США послужила источником и базой для развития терминологических систем в сфере экономики и бизнеса в других национальных языках.

В аспекте преподавания русского языка иностранцам этот факт означает, что студенты, свободно владеющие английским языком, или приехавшие в Россию из стран, язык которых «принял», заимствовал интернациональную терминологию, намного быстрее и легче обучаются терминологии специальности на русском языке.

Профессиональная коммуникация в сфере экономики, финансовой деятельности и бизнеса предполагает как общение в официальной ситуации (в письменной или в устной форме), так и общение в неофициальной ситуации в устной форме. Терминологическая лексика ограничена исключительно официальной ситуацией профессионального общения. Официальное общение в письменной форме включает деловую переписку, ведение служебной документации, тексты договоров о сотрудничестве и партнёрстве, презентацию фирм и новых проектов, аналитические обзоры в прессе. Официальное общение в устной форме охватывает деловые переговоры, профессиональные консультации, участие в публичных дискуссиях по экономическим проблемам, обсуждение важных государственных и научных проблем, обмен мнениями в официальной обстановке. Терминологическая лексика относится к научному стилю речи, поэтому использование терминологии в неформальных обсуждениях представляется некорректным, стилистически неправильным.

Экономические термины часто встречаются в российских СМИ в аналитических обзорах деятельности фирм и компаний, в информационных сообщениях, касающихся работы банковско-финансовой системы страны, в дискуссионных материалах по вопросу эффективности деятельности в различных сферах бизнеса. Широкое распространение терминов в материалах СМИ способствует расширению сферы их использования, постепенному переходу терминов в разряд общеупотребительной лексики.

Типология учебных заданий

Обратимся к вопросам преподавания терминологии экономики и бизнеса иностранным студентам. Тематика занятий по обучению терминологии специальности на экономическом факультете соотносится с важнейшими дисциплинами экономической науки: макроэкономикой, банковско-финансовой деятельностью и аудитом; менеджментом в сфере управления бизнесом и маркетингом, основанном на изучении потребности рынка в товарах и услугах.

Обучая иностранных студентов терминологии специальности на русском языке, преподавателю РКИ «необходимо установить межпредметные связи с преподавателями, которые ведут в группах инофонов занятия по специальности. С учётом рекомендаций преподавателей-предметников определяются ключевые для учащихся дисциплины, актуальные темы, оптимальное время для их изучения и др. В этом случае отобранные тексты отражают проблемы, стилистические особенности и функциональные задачи конкретной области знаний, а также содержат необходимую терминологию для профессионально ориентированного общения на русском языке» [2, с. 137]. Преподаватель-предметник помогает выявить трудности и типичные ошибки в речи иностранных студентов, связанные с употреблением терминологии в профессиональной речи на русском языке.

Терминологическая лексика является языковой основой определённой терминологической системы, её смысловым ядром. В этой связи целесообразно обратиться к методическим рекомендациям по обучению лексике, разработанным классиками отечественной методики РКИ, выдающимися учёными В.Г. Костомаровым и О.Д. Митрофановой. «Изучение лексики – это не просто заучивание новых слов, а осознание и усвоение имеющихся между ними в языке связей – грамматических, семантических, словообразовательных и др.» [3, с. 81]

Отдельные аспекты языка – фонетика, лексика, словообразование и грамматика в свободном общении неразрывно связаны. Задача преподавателя РКИ – учитывая ресурсы каждого из аспектов, использовать их для обучения студентов терминологии будущей специальности с целью формирования коммуникативных навыков в профессиональной сфере. Такие свойства русского слова, как родовая принадлежность, изменение термина-существительного в зависимости от падежа, вхождение слова в словообразовательное гнездо, участие в парадигматических отношениях (синонимических, антонимических, паронимических), семантическая и грамматическая сочетаемость слова-термина, принадлежность термина к определённому семантическому полю необходимо учитывать при разработке учебных заданий.

Типология учебных заданий, позволяющая группировать термины по общим признакам, качественным характеристикам и типам, упорядочивает термины для изучения их семантики, структуры, грамматических свойств и взаимосвязей с другими лексическими единицами в профессиональной речи.

Рассмотрим типы заданий, основанных на ключевых семантических и грамматических свойствах терминологической лексики, используемых при обучении иностранных студентов на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Многие из учебных заданий, выполняемых на занятиях по русскому языку и культуре речи, представлены в новом учебном пособии «Обсуждаем актуальные проблемы экономики и бизнеса», адресованном иностранным студентам-экономистам [1].

Одним из распространённых в наше время типов заданий является объяснение значения терминов с помощью перевода на родной язык. Хотя, по мнению методистов-классиков РКИ, перевод как метод в обучении малоэффективен, так как не способствует запоминанию нового, неизвестного слова, но в современных условиях при наличии у каждого студента мобильного телефона (смартфона) перевод на родной язык помогает

очень быстро понять значение нового слова и сократить процесс поиска значения неизвестного термина. Обычно на занятии перед чтением учебного текста студенты записывают в списке активной лексики урока перевод термина на родной язык и отрабатывают его произношение.

Другой тип заданий на усвоение терминологической лексики связан со словообразованием, с умением понимать словообразовательную структуру русского слова и родственные связи между однокоренными словами в словообразовательном гнезде. Словообразовательный аспект в обучении русской терминологии стал особенно актуальным в современных условиях, когда изменился контингент иностранных учащихся российских вузов. Сейчас в российских вузах обучаются в основном студенты из стран Азии, прежде всего, из Китая. Многие китайские выпускники экономических факультетов остаются работать в России: получают должности в китайских или в совместных российско-китайских компаниях, выстраивают деловые отношения с российскими партнёрами в сфере бизнеса.

При обучении русскому языку студентов из стран Азии необходимо учитывать, что языковая система этих народов – иная, по сравнению с русским языком. Словообразовательная структура русского языка, в основе которой лежит деление лексических единиц на отдельные значимые составные элементы (морфемы) в этих языках отсутствует. Поэтому преподаватель РКИ должен объяснять иностранным учащимся специфику строения русского слова и значение его составных элементов (морфем). Например, нужно объяснить иностранным студентам, что суффикс *-ор/-ер* привносит в слово значение «деятеля»: *акционер, комиссионер, девелопер, дистрибьютор, копирайтер, промоутер, рекрутер, фрилансер*.

Часто преподавателю РКИ бывает достаточно раскрыть словообразовательную структуру термина, чтобы иностранные студенты поняли его значение, как обычно происходит с носителями русского языка. Например, в столбик записываются однокоренные термины, и студентам предлагается найти общую часть слов, содержащую ключ к семантике однокоренных терминов: *акция, акционер, акционерный* (капитал), *акционировать* (предприятие); *экспорт, экспортёр, экспортный* (налог), *экспортировать* (продукцию). В качестве варианта этого задания используется и задание по выявлению корней слов в сложных словах-терминах: *рекламодатель, ценообразование, налогообложение, макроэкономика*.

Анализ морфемного состава слов-терминов способствует осознанному усвоению их значения, формированию навыков определения значения нового, неизвестного слова через соотнесенность с его формально-грамматическими элементами.

Эффективен в обучении терминологии специальности и такой тип заданий, как подбор к терминам синонимов и антонимов. Антонимия в экономической сфере достаточно развита. Антонимические отношения проявляются как в узкоспециальной терминологии (*инфляция – дефляция, движимое имущество – недвижимое имущество, кредитор – заёмщик, оптовая цена – розничная цена, санкции – антисанкции*), так и в терминологии экономики, которая расширила своё употребление, стала общеупотребительной: *доход – расход, импорт – экспорт, прибыль – убыток*.

В качестве примера синонимических отношений в сфере терминологии экономики приведём следующие лексические единицы: *аудит – независимая проверка, аудитор – бухгалтер-ревизор, брокер – маклер, дебитор – должник, дотация – субсидия, криптовалюта – цифровая валюта, бизнес – предпринимательство, сервис – обслуживание, контракт – договор, ретейл – розничная торговля, маркетплейс – онлайн-магазин*. Как можно заметить, в качестве синонима к экономическому термину, как правило, выступает общеупотребительное слово.

Полезно в методическом плане также задание на сравнение семантики терминов-паронимов. Напомним, что паронимы – это однокоренные слова, близкие по звучанию, но различающиеся по написанию и лексическому значению. Паронимы относятся к одной части речи, имеют общий корень, но разные приставки или суффиксы, что вызывает большие трудности у иностранных студентов. Использование одного паронима вместо другого считается речевой ошибкой. Как правило, тонкие различия в семантике паронимов с трудом осознаются иностранными студентами, поэтому необходима работа преподавателя РКИ по объяснению нюансов значения терминов-паронимов. В качестве примера приведём паронимы-прилагательные *экономический*, *экономичный*, *экономный*. Семантические различия этих слов объясняются тем, что прилагательное *экономический* означает «относящийся к экономике», *экономичный* означает «выгодный, экономящий ресурсы», а прилагательное *экономный* характеризует человека или стиль его жизни «бережливый, расчётливый человек». Для наглядности преподавателю РКИ нужно привести типичные словосочетания, указывающие на смысловое различие слов-паронимов: *экономический кризис*, *экономичный двигатель автомобиля*, *экономный хозяин*.

В сознании иностранного студента должны отразиться не только термины, их семантика, но и типичные связи между словами. Часто неверное словоупотребление проистекает от незнания законов сочетаемости слов. Чтобы иностранный студент правильно использовал термины в речи, надо объяснить их значение и законы их употребления. Знание этих связей облегчает построение развёрнутого предложения в устной и письменной профессиональной речи. Усвоению синтаксических связей терминов в предложении способствует тип учебного задания на употребление термина в нужном (правильном) падеже. Ср.:

Производить что? (*продукция, мебель, одежда, обувь, сельскохозяйственная техника*);

Стоимость чего? (*газ, нефть, сырьё, продукция, товар, строительные материалы*);

Управлять чем? (*компания, фирма, завод, фабрика, предприятие, регион*).

Важно учитывать общую и ограниченную сочетаемость терминов, образующих словосочетания, что поможет студентам точнее понимать фразы русского языка и усваивать правильное их употребление в речи. Например, правильно сказать: *Он работает инженером*, но неправильно сказать: *Он работает бизнесменом*. (*Он занимается бизнесом*).

Носителю русского языка правила сочетаемости слов известны интуитивно, а для иностранца они должны быть сформулированы в явном виде. Нужно привести достаточное количество конкретных сочетаний данного слова с другими словами, или сформулировать общее правило, например, объяснить, что глагол *оказывать* сочетается с существительными, обозначающими положительное воздействие на какое-либо лицо: *оказывать влияние, уважение, внимание, услуги, поддержку, помощь*.

Работа по усвоению значения и правил употребления терминов в профессиональной речи должна сопровождаться наблюдением за их употреблением в контексте. При этом используются учебные задания, формирующие у студентов ассоциации, психологически помогающие запоминанию, упорядочению лексики, объединяющей разные части речи. Например, студентам предлагается лексико-семантическое поле – совокупность слов и выражений, объединённых общим смысловым признаком (общей семой) и покрывающих определённую область деятельности. В качестве задания студентам, изучающим маркетинг, предлагается составить и записать предложения или короткие диалоги со следующими терминами:

торговля, реклама, закупка, продажа, маркетинг, поставщик, логистика, кешбэк, рекламодатель и др.

Стимулом для повторения и закрепления терминологической лексики служат различные ситуативные задания: деловые игры, обсуждение профессиональных выставок, дискуссии на актуальные темы экономики и бизнеса. В процессе выполнения ситуативных заданий проверяется правильность грамматического оформления речи и уровень владения студентами русским языком: умение поддерживать общение в конкретной профессиональной ситуации; аргументировать свою точку зрения в дискуссии; умение выразить свою мысль различными способами и правильно воспринимать речь собеседника. Например, в деловой игре студенты копируют реальный процесс профессиональной деятельности: участники игры принимают решения и выполняют их в различных профессиональных ситуациях.

Основой подготовки к овладению профессиональной речью является научный стиль речи. Теоретический материал и задания, предлагаемые иностранным студентам на занятиях по научному стилю речи, нацелены на формирование у них навыков и умений, которые обеспечивают учебное, научное и профессиональное общение при овладении специальностью. Основным видом работы при овладении научным стилем речи является работа с научным текстом. Студентам предлагаются задания, направленные на анализ терминологии научного текста, на формирование навыков и умений трансформации текстовой информации, её представления в виде реферата, тезисов, конспекта, развёрнутого плана. В процессе выполнения таких заданий студенты усваивают различия в составлении и оформлении письменных научных текстов в разных жанрах.

Выводы

Рассмотренные задания по обучению иностранных студентов терминологии экономики и бизнеса показали свою результативность при использовании на занятиях по русскому языку и культуре речи на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Подводя итоги наблюдениям над преподаванием терминологии экономики и бизнеса иностранным студентам, можно сделать определённые выводы. Знание иностранными студентами специфики терминологии как особой лексической группы русского языка, выполнение учебных заданий, направленных на усвоение терминологии специальности, способствуют формированию коммуникативной компетенции студентов в профессиональной сфере и развитию речи на русском языке.

Библиографический список

1. Баско Н.В. Обсуждаем актуальные проблемы экономики и бизнеса. Учебное пособие по русскому языку для иностранных студентов. М.: Прометей, 2026, 234 с.
2. Клобукова Л.П., Майоров Н.Д. Проблемы отбора учебной текстотеки и цифрового формата её презентации в современной практике профессионально ориентированного преподавания русского языка как иностранного // Слово. Грамматика. Речь: Материалы VIII Междунар. науч. конф. «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного», посвященной памяти проф. А.В. Величко (Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28–29 ноября 2025 г.) / Отв. ред.: Е.А. Илюшин, Е.В. Потёмкина. М.: МАКС Пресс, 2025. (Выпуск XXV). С. 136-139.
3. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. М.: Русский язык, 1984, 136 с.
4. Сидорова М.Ю., Николенкова Н.В. Русский язык и культура речи. Программы дисциплины. Учебно-методический комплекс. М.: Доброе слово, 2014, 128 с.

References in Roman script

1. Basko N.V. Obsuzhdayem aktual'nyye problemy ekonomiki i biznesa. Uchebnoye posobiye po russkomu yazyku dlya inostrannykh studentov. M.: Prometey, 2026, 234 s.
2. Klobukova L.P., Mayorov N.D. Problemy otbora uchebnoy tekstoteki i tsifrovogo formata yeyo prezentatsii v sovremennoy praktike professional'no oriyentirovannogo prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo // Slovo. Grammatika. Rech': Materialy VIII Mezhdunar. nauch. konf. «Tekst: problemy i perspektivy. Aspekty izucheniya v tselyakh prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo», posvyashchennoy pamyati prof. A.V. Velichko (Moskva, filologicheskiy fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 28–29 noyabrya 2025 g.) / Otv. red.: Ye.A. Ilyushin, Ye.V. Potomkina. M: MAKS Press, 2025. (Vypusk XXV). S. 136-139.
3. Kostomarov V.G., Mitrofanova O.D. Metodicheskoe rukovodstvo dlâ prepodavatelej russkogo âzyka inostrancam. M.: Russkij âzyk, 1984, 136 s.
4. Sidorova M.YU., Nikolenkova N.V. Russkiy yazyk i kul'tura rechi. Programmy distsipliny. Uchebno-metodicheskiy kompleks. M.: Dobroye slovo, 2014, 128 s.

References

1. Basko N.V. Discussing Current Issues in Economics and Business. A Russian Language Textbook for Foreign Students. Moscow: Prometey, 2026, 234 p. (In Russian).
2. Klobukova L.P., Mayorov N.D. Problems of selecting an educational text library and the digital format of its presentation in the modern practice of professionally oriented teaching of Russian as a foreign language // Word. Grammar. Speech: Proceedings of the VIII Int. scientific conf. "Text: Problems and Prospects. Aspects of Study for the Purposes of Teaching Russian as a Foreign Language", dedicated to the memory of prof. A.V. Velichko (Moscow, Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University, November 28-29, 2025) / Ed.: E.A. Ilyushin, E.V. Potemkina. M: MAKS Press, 2025. (Issue XXV). P. 136-139. (In Russian).
3. Kostomarov V.G., Mitrofanova O.D. Methodological guide for teachers of the Russian language to foreigners. M.: Russian language, 1984, 136 p. (In Russian).
4. Sidorova M.Yu., Nikolenkova N.V. Russian language and culture of speech. Discipline programs. Educational and methodological complex. Moscow: Dobroe slovo, 2014, 128 p. (In Russian).

УДК 811.111

Чихорич Сандра
преподаватель
Баня-Лукский университет
Босния и Герцеговина, г. Баня-Лука
e-mail: sandra.cihoric@fbn.unibl.org

Cihoric Sandra
Teacher
University of Banja Luka
Bosnia and Herzegovina, Banja Luka
e-mail: sandra.cihoric@fbn.unibl.org

С. Чихорич

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ВРЕМЕН В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена межъязыковой интерференции в употреблении глагольных времён в русской речи сербских студентов, изучающих русский язык. Типологическая близость русского и сербского языков, с одной стороны, облегчает усвоение языка, с другой — провоцирует ошибки, связанные с переносом грамматических моделей. Анализируются различия в функционировании настоящего, прошедшего и будущего времени в обоих языках. Объектом исследования является русская речь носителей сербского языка, изучающих русский язык как иностранный. Предмет исследования — проявления межъязыковой интерференции при употреблении глагольных времён русского языка. Цель работы — выявить и систематизировать типичные случаи интерференции. На основе сопоставительного анализа определяются зоны риска и предлагаются методические рекомендации для преподавания русского языка сербоязычным учащимся.

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, русский язык как иностранный, сербский язык, глагольные времена, грамматическая интерференция, сопоставительная лингвистика, методика преподавания

Для цитирования: Чихорич С. Межъязыковая интерференция при употреблении глагольных времён в русской речи носителей сербского языка. *Русистика без границы. Международно научно списание*, 2026, Том X, кн. 3, С. 85–93.

S. Cihoric

INTERLINGUAL INTERFERENCE IN THE USE OF VERB TENSES IN THE RUSSIAN SPEECH OF SERBIAN SPEAKERS

Abstract. The article is devoted to cross-linguistic interference in the use of verb tenses in the Russian speech of Serbian students learning Russian. The typological closeness of Russian and Serbian, on the one hand, facilitates language acquisition, while on the other, it provokes errors related to the transfer of grammatical patterns. The study analyzes differences in the functioning of the present, past, and future tenses in the two languages. The object of the study is the Russian speech of native Serbian speakers learning Russian as a foreign language. The subject of the study is the manifestations of cross-linguistic interference in the use of Russian verb tenses. The aim of the work is to identify and systematize typical cases of interference. Based on a comparative analysis, risk zones are identified and methodological recommendations are proposed for teaching Russian to Serbian-speaking learners.

Keywords: cross-linguistic interference, Russian as a foreign language, Serbian language, verb tenses, grammatical interference, contrastive linguistics, language teaching methodology

For citation: Cihoric S. Interlingual interference in the use of verb tenses in the Russian speech of Serbian speakers. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2026, Vol. X, Iss. 3, pp. 85–93.

Изучение русского языка носителями сербского языка представляет значительный интерес для современной лингвистики и методики преподавания русского языка как иностранного, поскольку близкородственность русского и сербского языков создаёт как благоприятные условия для их освоения, так и предпосылки для возникновения межъязыковой интерференции. Однако, с другой стороны, изучение иностранных языков, в том числе родственных, во многом определяется социальными, образовательными и культурными условиями конкретного исторического периода. Изменения, происходящие в обществе и системе образования, непосредственно отражаются и на положении отдельных языков в образовательном процессе. В последние годы после определённого периода снижения интереса к изучению русского языка вновь наблюдается повышение внимания к его освоению. Рассматривая особенности положения русского языка на Балканах, Биляна Марич отмечает: «В наши дни русский язык в сербских начальных (восемилетних) и средних (четырёхлетних) школах изучается как второй иностранный язык. Очень редки школы, в которых русский язык изучают как первый иностранный – с первого класса; практически у всех сербских школьников первый язык – английский. В некоторых школах русский язык – единственный второй иностранный язык (то есть у учеников нет выбора) ... До сих пор сохраняется ситуация, когда директора школ отказываются от изучения русского языка. Пользуясь чаще всего уходом на пенсию учителя-русиста, директора принимают на работу преподавателя французского или немецкого языка, и таким образом в школе переходят на другой язык» [3, с. 28].

Несмотря на сложную ситуацию с изучением русского языка в сербской образовательной среде, его близость к сербскому языку создаёт особые условия для его освоения. Русский и сербский языки относятся к славянской языковой группе и характеризуются значительным количеством общих или сходных явлений на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Именно языковая близость часто создаёт у учащихся ощущение относительной лёгкости изучения русского языка. Вместе с тем сходство двух языковых систем не всегда способствует правильному формированию иноязычной речи. В определённых случаях оно становится источником ошибочного переноса элементов родного языка в изучаемый язык.

Сопоставительное изучение языковых явлений, принадлежащих к разным системам, позволяет глубже проникнуть в их грамматическое устройство и выявить особенности внутренней организации каждого языка. Подобные исследования одновременно обогащают лингвистику новыми данными о языковых универсалиях и способствуют решению более широких гносеологических вопросов. Сравнительно-типологические исследования прежде всего предполагают анализ морфологических структур сопоставляемых языков. Одна из наиболее известных лингвистических классификаций — морфологическая — связана с именами Ф. Шлегеля и В. Гумбольдта. Вместе с тем следует учитывать, что различия в морфологии разных языков многочисленны, разнообразны и постоянно меняются, вследствие чего и критерии, и сама природа морфологической классификации оказываются весьма сложными [3, с. 51].

Термин интерференция лингвисты заимствовали из физики; впервые его начали использовать представители Пражского лингвистического кружка, действовавшего в период 1926–1953 гг. Более широкое распространение в языкознании этот термин получил позже, после того как в 1953 году вышла в свет известная работа американского лингвиста У. Вайнрайха «Языковые контакты». По мнению ученого, явление интерференции возникает вследствие языкового контакта и представляет собой «случай

отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают языков больше, чем один» [2, с. 22].

Для носителей сербского языка проблема интерференции приобретает особую специфику. Близость русского и сербского языков позволяет учащимся относительно быстро распознавать большое количество русских слов и грамматических конструкций. Однако формальное сходство не означает полного совпадения значения и функционирования соответствующих языковых единиц. В результате учащийся может использовать русскую форму в соответствии с нормой сербского языка, но не в соответствии с нормой русского.

Особенно интересным в этом отношении является употребление глагольных времён. В обоих языках существует грамматическая категория времени, однако системы временных форм русского и сербского языков не совпадают полностью. В современном русском языке выделяются настоящее, прошедшее и будущее время, причём формы времени тесно взаимодействуют с категорией вида. В сербском языке система временных форм значительно более разветвлённая: выделяются *презент, аорист, имперфект, перфект, плусquamперфект, футур I и футур II*.

Таким образом, различия между двумя языковыми системами могут создавать предпосылки для возникновения интерференционных ошибок даже в тех случаях, когда соответствующие грамматические категории внешне кажутся учащемуся полностью аналогичными.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и систематизации потенциальных проявлений сербско-русской межъязыковой интерференции при употреблении глагольных времён в русской речи носителей сербского языка.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. определить основные теоретические подходы к понятию межъязыковой интерференции;
2. сопоставить системы глагольных времён русского и сербского языков;
3. выявить основные различия, способные становиться источником интерференции;
4. определить наиболее проблемные зоны при употреблении русских временных форм сербскими студентами;
5. сформулировать методические рекомендации по предупреждению интерференционных ошибок.

Термин «интерференция» получил широкое распространение в лингвистике в связи с изучением языковых контактов. Одним из наиболее известных исследователей данного явления является У. Вайнрайх, рассматривавший интерференцию как результат взаимодействия языковых систем в речи билингва. В современной методике преподавания иностранных языков интерференция обычно связывается с отклонением от норм изучаемого языка под влиянием уже сформированной языковой системы.

При изучении иностранного языка интерференция может проявляться на разных уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом и семантическом. Грамматическая интерференция представляет собой перенос грамматических моделей, правил или способов выражения грамматических значений родного языка на изучаемый язык. В научной литературе подчёркивается, что подобный перенос может быть особенно заметным в тех случаях, когда контактирующие языки обладают как сходными, так и различающимися грамматическими категориями [1, с. 84].

Для обучения русскому языку сербских студентов проблема интерференции имеет особое значение. С одной стороны, русский и сербский языки являются родственными и обладают большим количеством структурных соответствий. С другой стороны, именно это сходство может создавать условия для отрицательного переноса. Н. А. Красовская

отмечает, что представление о лёгкости изучения русского языка на основании знания сербского может быть обманчивым: несмотря на значительное сходство двух языков, между ними существуют различия на всех уровнях языковой системы [4, с. 143].

В данном случае можно говорить о своеобразном парадоксе языковой близости: чем больше учащийся обнаруживает знакомых элементов в иностранном языке, тем чаще он может опираться на существующую систему родного языка вместо того, чтобы усваивать новую систему самостоятельно.

Именно поэтому при обучении русскому языку носителей сербского языка недостаточно только указывать на сходства между двумя языками. Необходимо также систематически обращать внимание студентов на расхождения и на те случаи, в которых внешне сходные формы имеют различное значение или функционируют в разных контекстах.

В русском языке категория времени представлена тремя основными временными значениями: настоящим, прошедшим и будущим. Однако количество форм времени оказывается больше, поскольку категория времени тесно связана с категорией вида.

У глаголов несовершенного вида существуют формы настоящего, прошедшего и сложного будущего времени:

- *читаю;*
- *читал;*
- *буду читать.*

У глаголов совершенного вида имеются формы прошедшего и простого будущего времени: *прочитал; прочитаю.*

В русском языке настоящее время указывает на действие, соотнесённое с моментом речи, и образуется от глаголов несовершенного вида: *читаю, работаю, говорю, изучаю.* При этом формы настоящего времени способны выражать не только действие, происходящее непосредственно в момент разговора, но и постоянные, регулярно повторяющиеся действия либо состояния, актуальные для определённого временного отрезка.

В сербском языке также существуют формы настоящего времени, которые по структуре и основным значениям в значительной степени совпадают с русскими: *читам, радим, говорим, учим.* Именно в этой области отмечается сравнительно высокий уровень положительного переноса: сходство форм и функций облегчает учащимся усвоение соответствующих русских конструкций.

Тем не менее полного соответствия между двумя системами нет. И в русском, и в сербском языке значение временной формы зависит не только от морфологических показателей, но и от контекста, вида глагола, его лексического значения и особенностей описываемой ситуации. Потенциальные интерференционные ошибки чаще всего возникают тогда, когда учащийся автоматически переносит сербскую модель употребления настоящего времени на русский язык, не принимая во внимание ограничения, свойственные русской видовременной системе.

Таким образом, сложность в сфере настоящего времени связана не столько с прямыми расхождениями грамматических форм, сколько с необходимостью правильно выбирать между настоящим, прошедшим и будущим временем в зависимости от временной перспективы, заложенной в высказывании.

Наиболее значимая зона потенциальной интерференции связана с выражением прошедшего времени. В современном русском литературном языке отсутствует самостоятельная морфологическая категория *аориста* и *имперфекта*, характерная для сербской глагольной системы. Русский язык располагает формами прошедшего времени, которые употребляются с глаголами совершенного и несовершенного вида:

читал — прочитал
делал — сделал
писал — написал
смотрел — посмотрел.

В сербском языке, напротив, функционирует более разветвлённая система форм прошедшего времени. В современном употреблении особенно значим *перфект*, однако наряду с ним в грамматической системе представлены *аорист* и *имперфект*, а также *плюсквамперфект*.

Это различие имеет принципиальное значение для сопоставительного анализа:

Русский язык	Сербский язык	Интерференционный потенциал
прошедшее время + несовершенный вид	перфект / аорист / имперфект в зависимости от контекста	необходимость выбора формы и значения
прошедшее время + совершенный вид	перфект / аорист	отсутствие прямого формального соответствия
<i>читал</i>	<i>читао сам</i>	относительно близкое соответствие
<i>прочитал</i>	<i>прочитао сам</i>	относительно близкое соответствие
<i>он читал, когда я пришёл</i>	<i>читао је кад сам дошао</i>	близкое функциональное соответствие
<i>он прочитал книгу</i>	<i>прочитао је књигу</i>	близкое соответствие, но возможны различия в контекстуальном употреблении

Особенно важным является то обстоятельство, что сербский перфект способен соответствовать русским формам прошедшего времени как несовершенного, так и совершенного вида:

Он читал книгу. — Он је читао књигу.
Он прочитал книгу. — Он је прочитао књигу.

В первом случае различие выражается посредством вида: *читал — прочитал*. В сербском языке обе формы также различаются прежде всего аспектуально: *читао — прочитао*, тогда как показатель прошедшего времени в обоих случаях представлен перфектной конструкцией.

Следовательно, сербоязычный учащийся должен не просто усвоить русскую форму прошедшего времени, а научиться связывать её выбор с категорией вида и характером ситуации.

Особое место занимает проблема сербских аориста и имперфекта. Русский язык способен передавать значения, которые в сербском языке могут выражаться аористом

или имперфектом, однако делает это без использования отдельных морфологических временных форм.

Например, сербский аорист: *Он дође јуче* может передаваться по-русски формой прошедшего времени: *Он пришёл вчера.*

Сербский имперфект: *Он читаше књигу* в современном русском языке не имеет прямого морфологического эквивалента и может передаваться формой прошедшего времени несовершенного вида: *Он читал книгу.*

При этом нельзя говорить о полном семантическом тождестве этих форм. Русская форма *читал* не является «русским имперфектом», а сербский аорист не следует автоматически отождествлять с русским прошедшим временем совершенного вида. Именно подобные случаи являются примером *функционально неполного соответствия*.

Для сербоязычного учащегося потенциальная проблема заключается в стремлении искать в русском языке формальный эквивалент каждой знакомой сербской временной формы. В действительности русская система организует выражение временных и аспектуальных значений иным способом. Поэтому при обучении необходимо формировать у учащихся представление не о механической замене одной формы другой, а о соотношении их функций.

Будущее время представляет собой ещё одну важную область сопоставления. В русском языке различаются простое и составное будущее:

прочитаю, сделаю, напишу — будущее совершенного вида;

буду читать, буду делать, буду писать — будущее несовершенного вида.

В сербском языке будущее время I образуется при помощи форм вспомогательного глагола *хтети* и инфинитива:

читаћу, радићу, написаћу, а также в аналитической конструкции:

ја ћу читати, ја ћу написати.

Формальное сходство особенно заметно в конструкциях:

буду читать — ћу читати

буду писать — ћу писати.

Однако это сходство не должно приводить к выводу о полном совпадении систем. Сопоставление можно представить следующим образом:

Русский	Сербский	Комментарий
<i>Я буду читать.</i>	<i>Ја ћу читати.</i>	высокая степень соответствия
<i>Я прочитаю.</i>	<i>Ја ћу прочитати.</i>	высокая степень соответствия
<i>Я буду работать.</i>	<i>Ја ћу радити.</i>	высокая степень соответствия
<i>Я сделаю.</i>	<i>Ја ћу урадити.</i>	совпадение при наличии видовой пары

В данном случае близость языков действительно способствует положительному переносу. Однако именно из-за высокой степени формального сходства учащийся может не осознавать тех случаев, где различия проявляются на уровне употребления, порядка слов, позиции клитик или контекстуальной организации высказывания. Таким образом, будущее время представляет собой пример зоны, в которой положительный и отрицательный перенос тесно взаимодействуют.

Формальное сходство двух конструкций может облегчать их усвоение. Однако различия между русским и сербским языками проявляются в конкретных условиях употребления, а также в системе взаимодействия времени и вида.

Очень важно обратить внимание на основные типы возможных интерференционных ошибок. На основании сопоставления двух языковых систем можно выделить несколько потенциальных типов ошибок в русской речи носителей сербского языка.

Первый тип — неправильный выбор временной формы. Например, студент может выбирать русскую временную форму, ориентируясь прежде всего на аналогичную форму сербского языка, не учитывая контекст.

Второй тип — неправильный выбор вида при выражении прошедшего и будущего времени. Особенно это касается пар:

читать — *прочитать*;

писать — *написать*;

делать — *сделать*;

решать — *решить*.

Третий тип — расширение сферы употребления определённой формы по аналогии с сербским языком. Студент может воспринимать русскую форму как полную функциональную замену сербской формы, хотя её употребление ограничено другими условиями.

Четвёртый тип — интерференция на уровне временной последовательности действий. При построении сложных предложений студент может ориентироваться на способы временной организации высказывания, характерные для сербского языка, и переносить их в русскую речь.

Пятый тип — лексико-грамматическая интерференция. Выбор времени в русском языке может зависеть не только от грамматической формы, но и от лексического значения глагола, временных обстоятельств и контекста. Поэтому ошибки могут возникать на пересечении лексической и грамматической интерференции.

Следует подчеркнуть, что наличие ошибки ещё не всегда свидетельствует непосредственно о влиянии родного языка. Ошибки могут возникать также вследствие неполного усвоения русского правила, чрезмерного обобщения правила или недостаточной автоматизации навыка. Поэтому при эмпирическом исследовании необходимо различать интерференционные ошибки и ошибки общего характера.

Результаты сопоставительного анализа русского и сербского языков позволяют сформулировать несколько методических рекомендаций. Прежде всего, при обучении русским временным формам необходимо использовать сопоставительный подход. Студентам следует не только объяснять русское правило, но и показывать его отличие от соответствующего сербского правила. Такой подход особенно эффективен в условиях обучения близкородственному языку, поскольку учащиеся уже обладают развитой системой родного языка. Вторым важным принципом является необходимость раннего введения противопоставления: время + вид. Недостаточно объяснить студенту, что *читал* — прошедшее время, а *прочитаю* — будущее. Необходимо показать системные связи:

читать → *читал* → *читаю* → *буду читать*

прочитать → *прочитал* → *прочитаю*

Подобное представление позволяет студентам воспринимать временную систему не как набор отдельных правил, а как единую парадигму.

Третьим принципом является использование контрастивных упражнений. Например:

Вчера я ___ книгу два часа.

Вчера я ___ эту книгу до конца.

Студент должен выбрать и объяснить причину своего выбора: *читал / прочитал*

Эффективными могут быть также задания на перевод с сербского на русский, однако перевод не должен быть единственным видом упражнения. Необходимо включать задания на свободное высказывание, описание событий, пересказ и моделирование ситуаций. Например, студенту можно предложить ситуацию:

Вчера вы пришли домой. Расскажите, что вы делали вечером и что успели сделать. Такое задание позволяет естественным образом использовать противопоставление:

смотрел — посмотрел;

читал — прочитал;

готовил — приготовил.

Особое внимание следует уделять контексту. Студент должен понимать, что выбор временной формы определяется не одним временным обстоятельством (*вчера, сегодня, завтра*), а совокупностью факторов, включая вид глагола, значение действия, его завершённость и коммуникативную задачу. Таким образом, задача преподавателя состоит не только в исправлении конкретной ошибки, но и в формировании у студента способности самостоятельно определять, какая грамматическая система лежит в основе русского высказывания.

Сопоставительный анализ русского и сербского языков показывает, что их генетическая и структурная близость имеет двойственный характер. С одной стороны, сходство языковых систем облегчает восприятие русского языка носителями сербского языка и способствует более быстрому формированию первоначальных языковых навыков. С другой стороны, именно сходство может становиться источником межъязыковой интерференции.

Особенно значимой зоной интерференции является употребление глагольных времён. Русский и сербский языки обладают сходными категориями времени, однако способы их выражения и функционирования не совпадают полностью. В русском языке система временных форм тесно связана с категорией вида, что оказывает непосредственное влияние на образование и употребление настоящего, прошедшего и будущего времени. В сербском языке система временных форм более разветвлённая и включает, помимо презента, перфекта и футура, аорист, имперфект, плюсквамперфект и футур II.

Наиболее значимыми потенциальными источниками интерференции являются различия в употреблении прошедшего времени, функционировании аориста, взаимодействии времени и вида, а также в образовании и употреблении будущих форм.

Следовательно, при обучении русскому языку носителей сербского языка необходимо учитывать не только сходства, но и системные расхождения между двумя языками. Сопоставительный подход позволяет прогнозировать потенциальные трудности и целенаправленно формировать у студентов навыки правильного выбора временных форм.

Перспективным направлением дальнейшего исследования является проведение эмпирического анализа русской речи сербских студентов разных уровней владения языком. Такой анализ позволил бы определить частотность отдельных типов интерференционных ошибок, установить зависимость между уровнем владения русским языком и степенью интерференции, а также разработать систему национально ориентированных упражнений для сербоязычной аудитории.

Библиографический список

1. Барахта А. В. Явление интерференции в условиях изучения второго иностранного языка, включая русский как иностранный // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. С. 83-87
2. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Жлутенко. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
3. Гасанова Г. Основные критерии сравнительно-типологического исследования категории времен глагола // Учёные записки Таврического национального университета. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2009. Т. 22 (61). № 3. С. 51–56.
4. Красовская Н. А. Лингвистическая база модели подготовки преподавателя русского как иностранного в инославянском окружении // Русистика. 2023. С. 141-150
5. Марич Б. Состояние и перспективы изучения русского языка в инославянской среде // ЭТНОДИАЛОГИ. 2015. № 1 (48). С. 26-34

References in Roman script

1. Barakhta A. V. Yavlenie interferentsii v usloviyakh izucheniya vtorogo inostrannogo yazyka, vklyuchaya russkiy kak inostranny // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. S. 83–87.
2. Vaynraykh U. Yazykovye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya / per. s angl. i komment. Yu. A. Zhlutenko. Kiev: Vishcha shkola, 1979. 263 s.
3. Gasanova G. Osnovnye kriterii sravnitel'no-tipologicheskogo issledovaniya kategorii vremen glagola // Uchyonye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta. Seriya «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii». 2009. T. 22 (61). № 3. S. 51–56.
4. Krasovskaya N. A. Lingvisticheskaya baza modeli podgotovki prepodavatela russkogo kak inostrannogo v inoslav yanskom okruzenii // Rusistika. 2023. S. 141–150.
5. Marich B. Sostoyanie i perspektivy izucheniya russkogo yazyka v inoslav yanskoy srede // ETNODIALOGI. 2015. № 1 (48). S. 26–34.

References

1. Barakhta, A. V. (2015). The phenomenon of interference in the context of learning a second foreign language, including Russian as a foreign language. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, pp. 83–87. (In Russian).
2. Weinreich, U. (1979). Languages in Contact: State of the Art and Problems of Research / Translated from English and commented by Yu. A. Zhlutenko. Kyiv: Vyshcha Shkola. 263 p. (In Russian).
3. Gasanova, G. (2009). Basic criteria for a comparative-typological study of the category of verb tenses. Scientific Notes of Taurida National University. Series: Philology. Social Communications, Vol. 22 (61), No. 3, pp. 51–56. (In Russian).
4. Krasovskaya, N. A. (2023). The linguistic basis of a model for training teachers of Russian as a foreign language in a Slavic-language environment. Russian Studies, pp. 141–150. (In Russian).
5. Marich, B. (2015). The state and prospects of studying the Russian language in a Slavic-language environment. ETHNODIALOGUES, No. 1 (48), pp. 26–34. (In Russian).

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

УДК 81.255 347.78.034

Выростэк Олеся
магистр филологии
Гданьский Университет
Польша, г. Гданьск
e-mail : owyrostek@gmail.com

Wyrostek Olesia
Master of Philology
University of Gdansk
Poland, Gdansk
e-mail : owyrostek@gmail.com

О. Выростэк

ПРОБЛЕМАТИКА ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ЦИТАТ В ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б. АКУНИНА НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ «КОРОНАЦИЯ, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОМАНОВ» И «ВЕСЬ МИР ТЕАТР»)

Аннотация. Одной из наиболее сложных задач, с которыми сталкивается переводчик художественной литературы, является работа с произведением, насыщенным интертекстуальными элементами. Перевод текста, содержащего большое количество интертекстуальных отсылок, представляет собой крайне трудную задачу, требующую от переводчика обладания исключительным опытом и владения навыками, опирающимися на глубокой эрудиции и высокой восприимчивости, позволяющими на понимание в совершенстве обоих культурных кодов. Статья сосредотачивается на сопоставительном анализе исходного текста и его перевода на польский язык. В ней сравниваются исходные значения и функции интертекста в контексте произведения и его воспроизведение на уровне семантики и функциональности в тексте на языке принимающей культуры. Кроме того, выявляются переводческие стратегии и представляются критические замечания касательно переводческих решений относительно выбора польских эквивалентов избранных переводческих единиц.

Ключевые слова: перевод, интертекстуальность, Борис Акунин, цитата, интертекст, литературный перевод

Для цитирования: Выростэк О. Проблематика воспроизведения цитат в переводах произведений Б. Акунина на польский язык (на примере романов «Коронация, или Последний из романов» и «Весь мир театр»). *Русистика без границы. Международно научно списание*. – София, 2026, Том X, кн. 3, С. 94–105.

O. Wyrostek

CHALLENGES IN RENDERING CITATION IN THE POLISH TRANSLATIONS OF AKUNIN'S WORKS (A CASE STUDY OF «CORONATION, OR THE LAST OF THE ROMANOV» AND «ALL THE WORLD'S A STAGE»)

Abstract. One of the most challenging tasks faced by literary translators is the translation of works rich in intertextual elements. Rendering an intertextually dense text into another language requires exceptional expertise, extensive cultural and literary knowledge, and a high degree of interpretive sensitivity, enabling the translator to achieve a profound understanding of both the source and the target cultural codes. This article focuses on a comparative analysis of the source text and its Polish translation. It examines the original meanings and functions of intertextual references within the literary work and analyses how they are reproduced at the semantic and functional levels in the target text. Furthermore, the study identifies the translation strategies employed and offers a critical evaluation of the translator's decisions regarding the selection of Polish equivalents for the analysed translation units

Keywords: translation, intertextuality, Boris Akunin, citation, intertext, literary translation

For citation: Wyrostek O. Challenges in rendering citation in the Polish translations of Akunin's works (a case study of «Coronation, or the Last of the Romanovs» and «All the world's a stage»). *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*. – Sofia, 2026, Vol. X, Iss. 3, pp. C. 94–105.

Введение

Перевод литературного произведения всегда представляет собой серьёзное испытание для переводчика. Одной из наиболее сложных задач, представляющих целый ряд проблем и вопросов на пути к полноценному и качественному переводу, является работа с произведением, насыщенным интертекстуальными элементами (интертекстами). Под интертекстуальностью мы понимаем такой вид межтекстовых отношений, которые подразумевают «все что связывает его (текст) в явный или скрытый способ с другими текстами [...] реальное нахождение одного текста в другом» (перевод с польского автора статьи) [22, с. 7–8], именно «текст в тексте» является тем интертекстуальным элементом, который позволяет читателю выстроить ассоциативную связь с претекстом и интерпретировать художественный текст на более глубинном уровне. Интертекстуальные связи реализуются за счет интертекстов, к которым относятся например: цитаты, аллюзии, пересказ, пародирование [11, с.122-149].

Одним из современных писателей, активно использующих интертекстуальные отсылки, является русский писатель, переводчик и литературовед грузинского происхождения Григорий Чхартишвили, выступающий под псевдонимом Борис Акунин (год рождения 20 мая 1956, Зестапони, Грузия).

Произведения данного автора представляют своего образа коллекцию текстов и приёмов мастеров не только детективного, но и классического романа (также с элементами постмодернистской эстетики). Одним из видов интертекста, часто используемым Акуниным, является цитата, к которой автор обращается не только для стилизации произведений, но и для создания большей образности, глубины и репрезентации национального дискурса.

Однако, можем ли мы говорить о проблеме, обнаруживая в тексте традиционную заковыченную цитату с указанием ее автора, независимо от того, принадлежит ли данный элемент к культурному пространству оригинала, перевода или вовсе ни к одному из вышеперечисленных? С одной стороны, задача представляется достаточно простой и предполагает всего лишь поиск перевода источника, но ситуация затрудняется в случае наличия множества переводных вариантов либо их отсутствия в целом, а также низким уровнем прецедентности. Стоит принять во внимание также людическую (из лат. ludus – игра) природу художественных текстов, особенно постмодернистских, в которых преобладают элементы языковой игры, тонкой иронии и пародии, представляющие собой большое испытанием для переводчика, даже при высокой степени точности, явности и узнаваемости этих элементов.

Прежде всего, следует определить, что такое цитата. Наиболее целесообразным представляется обратиться, во-первых, к дефиниции Натальи Фатеевой, согласно которой цитата является «воспроизведением двух и более компонентов текста донора с собственной предикацией» [11, с. 120], во-вторых, – к наблюдению Василия Москвина о том, что цитирование, в его узком смысле, включает три компонента: фрагмент какого-либо текста, дословность и ссылку на источник [8, с. 78]. При этом стоит отметить, что в художественной литературе цитатность используется для выразительности речи и не всегда включает в себя все три компонента. В связи с вышесказанным в качестве цитаты будет рассматриваться воспроизведение в тексте разного объема фрагментов других

произведений – от двух слов до ряда предложений, – которые условно можно разделить на несколько видов, руководствуясь двумя основными критериями: точностью и явностью (эксплицитностью). Критерий точности определяется степенью тождественности заимствованного фрагмента претекста, и позволяет разграничить цитаты на: прямые цитаты, которые характеризуются полной тождественностью (формальной и семантической), и квазичитаты, включающие в себя трансформации на уровне лексики (от замены отдельных лексем до полного парафразирования), грамматики и семантики [12]. Эксплицитность цитаты реализуется посредством атрибутивного компонента (лексических средств, синтаксических конструкций прямой или косвенной речи указывающих на источник интертекста – автора и/либо заглавие произведения) и маркеров (параграфемика¹ в виде изменения гарнитуры, стиля, размера шрифта и регистра букв, направления текста, использования знаков препинания экспонирующих гетерогенность текста) [7, 10], а также очень высокой прецедентностью цитируемого текста, тем самым обеспечивающей большую вероятность распознавания интертекстуального элемента без вспомогательных характеристик. В данном случае прецедентность² рассматривается как свойство интертекста апеллировать к «совокупности знаний и представлений, которыми владеют все представители определенного лингвокультурного сообщества» [5, с. 44] и способного актуализировать ассоциации в сознании реципиента независимо от степени маркированности или атрибутированности самого интертекста.

Изложение

В контексте данной работы было решено произвести категоризацию видов цитат, приняв за основу систематизации типологию Фатеевой, главным определяющим признаком в которой является «степень атрибутированности к исходному тексту» [11, с. 120–128]:

1. Атрибутированные цитаты, т. е. цитаты с указанием на источник цитирования, которые в свою очередь подразделяются на: точные, трансформированные (включая переводные), маркированные, немаркированные;

2. Неатрибутированные цитаты, т. е. цитаты не включающие в себя источника цитирования, и подразделяющиеся на: точные, трансформированные, маркированные, немаркированные.

Исследование интертекстуальных элементов и их переводов на польский язык был осуществлен на материале двух романов Бориса Акунина – «Коронация, или последний из романов» и «Весь мир театр» из серии об Эрасте Фандорине в переводах, соответственно, Збигнева Ландовского и Юлии Мораньской. Нельзя не заметить, что сами названия произведений представляют собой цитаты, выполняющие прогностическую функцию, являясь своеобразным ключом к интерпретации, указывая вектор прочтения произведения в контексте литературных заимствований. Фрагмент заглавия *последний из романов* обращается к одному из текстов классической детективной литературы – повести Артура Конан Дойла «Последнее дело Холмса» (англ. *The Adventure of the Final Problem*). «Коронация» является «великосветским детективом» предлагающий читателю погрузиться в мир российской императорской семьи. В свою

¹ Губина Е. А. Состав и границы параграфемии // Преподаватель XXI века. – 2025. №1. Часть 2. С. 373 – 385.

² Кудрина Н.А. Интертекстуальность и прецедентность к вопросу о разграничении понятий // Вестник ТГУ, 2005, № 4; Ахмедова С.Н.к. Прецедентность художественного текста // Филология и литературоведение. – 2014. № 9.

очередь «Весь мир театр» является театральным детективом, о чем, впрочем, свидетельствует и название романа, являющееся общеизвестной цитатой из произведения великого драматурга Уильяма Шекспира – «Как вам это понравится» (англ. *As You Like It*). В данном примере название сразу настраивает читателя на восприятие текста в театральном ключе.

Анализ проводился в порядке убывания уровня эксплицитности, начиная с наиболее явной и «чистой формы» – цитаты в виде тождественного воспроизведения «чужого» текста, заключенного в кавычки с указанием автора, т. е. точной маркированной цитации с атрибуцией. К данному виду можно отнести следующий интертекст:

Две тапетки завели дуэтом модный романс господина Пойгина «Не уходи, побудь со мною». ...но на словах «Тебя я лаской огневою и обожгу, и утомлю» ... [3, с. 236].

Dwie cioty zaśpiewały w duecie modny romans pana Pojgina Nie odchodź, zostań ze mną. ... ale przy słowach: „Ciebie ja pieszczotą ognistą i spalę, i ucieszę” ... [18, с. 199].

Строка из романса, встроенная в текст детективного романа, тождественна оригиналу: *Тебя я лаской огневою и обожгу, и утомлю*, выделена графически при помощи кавычек с указанием названия произведения и его автора. В контексте сцены, разворачивающейся в закрытом клубе для мужчин, практикующих однополюе отношения, данная цитата является средством создания эмоционального напряжения с эротическим подтекстом, а также для воспроизведения атмосферы эпохи. Кроме того, она придает ситуации комизм и некоторую гротескность за счёт контраста между героем консервативных взглядов (дворецкий императорского семейства) – с одной стороны, и сценой, происходящей в антураже клуба под аккомпанемент страстного цыганского романса – с другой стороны. Кроме комедийности романс привносит в текст более глубокие смыслы, косвенно отсылая читателя к произведению Александра Блока «Балаганчик» (поэт использовал первые строки композиции как эпиграф к стихотворению «Дым от костра струёю сизой» [4]). Наряду с этим Акунин представляет одного из персонажей романа, который также является участником событий, происходящих в клубе, под маской Коломбины, подчеркивая тем самым отсылку к поэту. Параллели с «Балаганчиком» обнажают фарс и «картонность» фасада, под которым скрыта как реальная сила власти, так и отношения между членами императорского семейства. Романс хорошо известен реципиентом исходного текста, особенно любителям акунинского цикла о приключениях Фандорина, так как данное произведение было использовано в качестве музыкальной темы в экранизации романа «Азазель». Кроме того, романс нередко используется кинематографистами в качестве музыкального сопровождения романтических или душевных сцен.

В польской культуре романс может быть знаком любителям цыганской песни под названием «Nie odchodź już» или «Nie odchodź» из репертуара известной в начале 20 века оперной певицы Виктории Кавецкой (Wiktoria Kaweska), автором которого значится Зофья Байковска (Zofia Bajkowska) [20], [24]. Текст упомянутой песни является вольным переводом цитируемого русского музыкального произведения. Для подтверждения данной версии для сравнения ниже приводится выдержка из польскоязычного текста:

*Не уходи, побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.
Тебя я лаской огневою
И обожгу, и утомлю. [5].*

*Nie odchodź nie! pozostań jeszcze,
Tyle miłości w sercu wre,
Ja cię utulę i upieszczę
I ucałuje, kochaj mnie! [19].*

В связи с вышесказанным переводчик мог воспользоваться текстом, имеющим некую значимость и узнаваемость в польской культуре, тем не менее он принял решение использовать собственную версию, применяя дословный перевод: *Ciebie ja pieuszczotą ognistą i spałę, i ucieszę*. Анализируя данный перевод, хотелось бы обратить внимание на выбор слова *ucieszę* как эквивалентного лексеме *утомлю*, которое в русском языке используется в значении 'замучить ласками, заласкать', привести в состояние изнеможения, указывая на интенсивность и многократность действия, что соответствует эмоциональной эскалации сцены. В польскоязычном варианте лексема *ucieszę* имеет значение 'обрадовать, принести радость или удовольствие, угодить', предполагает лишь направление действия, без указания на его динамику и маниакальную природу, в частности страсть, тем самым частично нивелируя высокую степень комичности происходящего. Для сравнения стоит привести примеры переводов строк романа, которые появляются также в позднейшем романе писателя «Алмазная колесница»: *Выневая страстные обещания „утолить и утомить лаской огневою”* [1, с. 34]. В переводе Яна Гондовича мы читаем: *Wyśpiewując namiętą obietnicę: „Ciebie ognistą ja pieuszczotą nasycić chcę i znużyć dziś”* [17, с. 89]. В данном случае перевод цитаты является более точным – он отражает накал страстей, ритм, так как данные строки достаточно хорошо легли бы на мелодию.

Кроме маркированной цитации с точной атрибуцией и дословного воспроизведения, в анализируемых текстах встречаются варианты с модификацией цитируемого фрагмента на структурном, лексическом и фонетическом уровне. Например:

«Эка важность! Быдло потоптало друг друга в давке за дармовищиной. Полно ребячиться, Ники, ступай царствовать» ... Как это похоже на Симеона Александровича – повторить слово в слово фразу, некогда сказанную Александру Благословенному убийцей его венценосного отца! [2, с. 360–361].

«Bydło zdeptało się w ogonku po darmoche. Dosyć wygłupów, Niki, bierz się do panowania» ... Jakie to podobne do Symeona Aleksandrowicza: powtórzyć słowo w słowo zdanie, które Aleksander Błogosławiony usłyszał niegdyś z ust zabójcy swego koronowanego ojca!» [18, с.303–304].

Вышеупомянутый диалог происходит после трагедии на Ходынском поле, в нем обсуждается ситуация, касающаяся вынужденного посещения царской семьёй званного ужина в то время, когда вся страна оплакивала погибших. Данный интертекст является фрагментом речи генерала Петра Палена, адресованной будущему императору Александру I: *Полно ребячиться. Ступайте царствовать, покажитесь гвардии!* [10, с. 19]. Цитата является атрибутированной, так как далее идет указание как на автора, так и

на адресата высказывания, причем не прямо, а в виде стилистической фигуры: *убийца его венценосного отца* (генерал Пален), *Александр Благословенный* (в дореволюционной историографии имя Александра I). В польских изданиях можно найти следующие варианты цитации слов генерала: *Dość tej dziecinady* [...] *Proszę rozpocząć panowanie i pokazać się gwardii* [25], или *przestań jak dziecko płakać, a idź spełnić to, co powinienesz spełnić* [27]. Если сравнивать их с дословным переводом Ландовского, сомнения в отношении адекватности выбора эквивалента вызывает словосочетание *dosyć wygłupów*. Сдается, что, например, вариант *dość tej dziecinady* больше подходит к ситуации, так как испытывать горе по причине смерти отца, не может быть «глупостью», а вот слезы, присущие поведению ребенка, а не мужчины, вполне допустимы. Возможно, переводчик хотел подчеркнуть безжалостность автора реплики. Данный интертекст не обладает высокой прецедентностью, однако связанная с ним историческая ситуация может вызывать ассоциации и позволяет читателю полнее раскрыть характеры героев. Для представителя польской лингвокультуры ссылка на историческую ситуацию с большой вероятностью не будет раскрыта, и приемлемо было бы со стороны переводчика ввести переводческий комментарий, для полноты восприятия интертекстуального элемента.

Последним видом атрибутированных цитат является немаркированная цитата (графически невыделенная). Для анализа и визуализации данной подкатегории был выбран следующий отрывок из романа «Весь мир театр»:

Если еще и вы покинете меня, я этого не переживу! — сказала вдова великого литератора с интонацией Аркадиной, взывающей к Тригोरину. [2, с. 20].

Jeżeli i Pan mnie porzuci, nie przeżyję tego! - powiedziała wdowa po wielkim pisarzu z intonacją, której Arkadina używała, zwracając się do Trigorina [19, с. 21-22].

Цитата из «Чайки» Чехова, представленная в данном фрагменте, является частью реплики Аркадиной в диалоге с Тригориным: (*Обнимает его колени.*) *Если ты покинешь меня, хотя на один час, то я не переживу, сойду с ума, мой изумительный, великолепно, мой повелитель...* [13]. С помощью указанного интертекста Акунин вводит читателя в театральную среду, показывая, как актеры переносят эмоции со сцены в жизнь, не переставая играть, особенно когда это требуется для достижения цели. В данном случае мы имеем дело с трансформированной цитатой без кавычек, но с атрибуцией, в виде перифразы *вдова великого литератора*. Благодаря цитированию автор показывает экспрессивность говорящего, театрализованность как особый вид манипуляции, эмоционального шантажа. Обращаясь к польскому переводу пьесы Чехова мы находим следующее: (*obejmuje go za kolana*) *Jeżeli porzucisz mnie choć na godzinę, ja tego nie przeżyję, zwariuję... o mój wspaniały, niezwykły, mój władco* [21, с. 313]. В романе Акунина на польском языке слегка изменен порядок слов, но это не оказывает значительного влияния на эстетическую функцию, поскольку эмоциональность придается участниками диалога из претекста, которые должны быть узнаваемы, как и ситуация, в которой он функционирует. Акунин не случайно использовал глагол *взывающей*, так как он отражает интонацию, с которой Аркадина это произносила. В переводе не самой цитаты, а её атрибуции, используется прием замены эмоционально окрашенной лексемы, *взывающей* на нейтральную лексику *zwracając się*, – возможно, стоило бы использовать более близкие по эмотивности слова: *blagając, apelując*. Как вариант возможно расширение, за счёт включения описания сцены, в которой Ирина Николаевна стояла на коленях – *z intonacją, której Arkadina, stojąc na kolanach, używała, zwracając się do Trigorina*. Стоит также отметить, что в данном примере частичная цитация переплетается

с аллюзией, и если для читателя исходного текста, аллюзия является достаточно понятной (в зависимости от культурной компетенции), то для адресата переводного текста может оказаться неясной ввиду отсутствия фоновых знаний. Представляется целесообразным воспользоваться приемом трансформации с расширением текста, указывая произведение, из которого заимствованы упомянутые автором персонажи.

Следующим видом цитат, согласно Фатеевой, являются – неатрибутированные цитаты. В этой категории активизируется уровень эксплицитности, так как цитата может быть выделена графически (явная) либо нет (скрытая). Итак, заковыченная цитата без атрибуции, все еще оказывается опознаваемой благодаря выделению ее специальными знаками, то есть кавычками, примером данного вида цитирования может служить, следующий фрагмент, отсылающий в оригинале к трагедии Шекспира «Гамлет»:

С криком: «Держу дукат, мертва!» он ткнул рапирой мирно сидевшую на полке крысу [2, с. 184].

Krzycząc: „Stawiam dukata, jest martwy!”, dźgnął rapierem szczura, który spokojnie siedział na półce. [19, с. 166].

В данном отрывке цитата является трансформированной, так как она нетождественна ни одному из известных переводов:

- *Гамлет (обнажая шпагу) Что? Крыса? (Пронзает ковер.) Ставлю золотой, – мертва! [14];*
- *Гамлет (вынимая шпагу) Кто там? Крыса? (Ударяет) Мертва она, мертва, дукат поставлю [15];*
- *Гамлет. Как? Мышь? (Обнажает шпагу.) Мертва, мертва, держу червонец! (Ударяет шпагой в ковер.) [16].*

Единственный перевод, где упоминается *дукат* это перевод 1937 года Анны Радвильевой. Возможно, Акунин сам перевёл данный фрагмент, так как у него есть опыт в переводе английской литературы. Возможно также, что он соединил несколько вариантов в один, что не выглядит плохим решением. Использованный в тексте оригинала порядок слов основан на переводе Лозинского, *золотой* как элемент, чуждый английской культуре заменен на более подходящий – *дукат*, который мы видим у Радвильевой. Происходит также замена лексемы *ставить*, которая звучит более современно, на более архаичный вариант из версии Кронеберга, для сохранения стиля эпохи, – *держу*. Известный польскому читателю перевод «Гамлета» Станислава Бараньчака (Stanisław Barańczak): *Hamlet (wyciąga szpagę) A cóż to? szczur? Na, zakład o dukata, że go zabiję [26]*, можно считать идеально подходящим для анализируемого фрагмента в неизменном виде, либо с изменением *go zabiję* на *jest martwy* для создания большей уверенности в том, что атакующий на сто процентов уверен, что рапира отравлена. Кроме того, использование данной сцены из «Гамлета» информирует читателя о безумии автора реплики, бредящего Роком, верящего в роль случая (Полоний был убит случайно). И именно поэтому Акунин даёт ему возможность сделать удар, убивающий крысу. При переводе на польский язык Мораньска прибегла к дословному переводу, а возможно, стоило бы воспользоваться версией Бараньчака как более прецедентной. В любом случае, как кажется, отсылка вполне распознаваема, так как «Гамлет» является популярным классическим произведением.

Далее будет рассмотрен пример из разряда имплицитных цитат, которые теряют свой индикатор в виде упоминания автора либо графического выделения. Такое цитирование является неявным и требует более широких знаний от реципиента для их

расшифровки, так как обычно именно этот вид вводится с целью игры с читателем, раскрывая многослойность текста. В качестве примера рассмотрим следующий фрагмент:

Шелкова бородушка, маслена головушка, – проворковала нимфа. – Ты всегда такой бука? [2, с. 235].

Jedwabna broda, maślana głowa – wymruczała nimfa. – Z ciebie zawsze taki mruc? [18, с. 198].

Шёлкова бородушка, масляна головушка является цитатой из адаптации народной сказки авторства Алексея Николаевича Толстого «Петушок золотой гребешок» [9] обладающей очень высокой степенью прецедентности, поскольку отсылает к произведению знакомому нескольким поколениям русскоязычных читателей и закреплённому в коллективной памяти. Перевод данного интертекста в польской версии романа Бориса Акунина является авторским вариантом переводчика Збигнева Ландовского несмотря на то, что сказка была переведена на польский язык. Стоит сразу же отметить, еще без обращения к переводу претекста, наблюдаемый диссонанс в стилистической окраске оригинала и перевода. В оригинале используются уменьшительно-ласкательные формы, что связано со спецификой детской литературы, к которой Акунин обращается неслучайно. Во-первых, особенности жанра позволяют автору передать интонацию говорящего, который произносит реплику с лаской, подчеркивая тем самым комичность происходящего. Применение таких форм в отношении «статного старичка» приобретает сатирический эффект. Во-вторых, лексема «петушок», хотя и отсутствует в цитате, имплицитно указывает на обозначение мужчины нетрадиционной ориентации (действие происходит в клубе для таких мужчин), восходящее к тюремному жаргону. Таким образом автор активизирует людическую функцию³, играя на двусмысленности лексем, за счет использования персонификации животных в жанре сказки и в жаргоне.

В переводе данного фрагмента переводчик использовал дословный перевод с трансформацией, однако стоит обратить внимание на следующее: использование стилистически нейтральных форм лексем *головушка* и *бородушка*, а также на эквивалент слова *маслена*. Нейтральные формы лексем *broda* и *głowa* в сочетании со словом *wymruczała* нарушают стилистическую гармонию предложения. В русском языке значение лексемы *маслена* – ‘что-то блестящее и лоснящееся’ – строится на полисемии лексемы *масло*. *Маслена головушка* в контексте сказки связана с традицией смазывания оперения домашних птиц растительным маслом для санитарных целей, а также для придания птицам здорового внешнего вида. В контексте романа Акунин акцентирует внимание на внешнем виде персонажа и традиции XIX века использовать для укладки волос растительные масла. В польском языке *masło* используется только в отношении продукта, производимого из коровьих сливок, в связи с чем не имеет в языковой базе устойчивых выражений с лексемой *maślany* в значении ‘лоснящийся’ и в сочетании со словом *głowa*. В связи с вышесказанным *maślana głowa* не может являться адекватным эквивалентом словосочетания *маслена головушка*. Переводчик мог воспользоваться польским переводом «Петушка золотого гребешка» с полностью тождественным воспроизведением: *Jaką bródkę masz jedwabną / śliczną główkę, postać zgrabną!* [23],

³ См. Назарова Р.З. К вопросу о людической функции прецедентных феноменов в художественном дискурсе // Изв. Саратов. Ун-та. Нов. Сер. Филология. Журналистика. – 2017. Т. 17, вып. 1., С. 29 – 32.

расширяя оригинальную цитату из «Коронации» дополнительной характеристикой (*postać zgrabną*): *Jaką bródkę masz jedwabną, śliczną główkę, postać zgrabną* – wymruczała nimfa. Представляется, что именно в такой версии цитата может быть распознана частью читателей определенного возраста.

Выводы

Подводя итоги, можно утверждать, что важным элементом, играющим принципиальную роль в успешности перевода цитат, является прецедентность, которая может быть переводческой проблемой в случае ее локальной известности (для читателя оригинала), даже если источником цитаты является «третья культура». Это наглядно отражено в рассмотренных в данной статье примерах перевода на польский язык. Практически во всех проанализированных примерах переводчики прибегают к дословному переводу с включением трансформации в виде замены лексем. Однако стоит заметить, что подобные замены приводят к искажению эстетической, экспрессивной, смыслообразующей и игровой функций интертекста. Кроме того, действуя таким образом, переводчик лишает более эрудированного читателя возможности актуализировать ассоциации и достроить семантическую конструкцию текста. Это позволяет предположить, что переводчик нацелен на аудиторию с недостаточной культурной компетенцией, в отношении исходного текста. В связи с вышесказанным кажется более целесообразным будет использование таких переводческих приемов как добавление, трансформация за счет расширения текста или переводческого комментария, активируя познавательную функцию интертекста. Таким образом трудность проявляется на уровне выбора как стратегии, так и приемов. В условиях жанрово-стилистической специфики произведений Бориса Акунина, которая представлена в культурной маркированности текста, не всегда возможно использование доместикации, что склоняет переводчика к применению приема калькирования для поддержания чуждости интертекстуального элемента, даже в случае существования устоявшегося перевода, что ведет к обеднению семантической и культурной насыщенности текста, приводящей к искажению не только интенции автора, но и утрате интерпретационной глубины.

Библиографический список

1. Акунин Б. Алмазная колесница. – М., 2003. – 704 с.
2. Акунин Б. Весь мир театр. – М., 2012. – 480 с.
3. Акунин Б. Коронация или последний из романов. – М., 2009. – 340 с.
4. Блок А. Дым от костра струёю сизой.... URL: <https://aleksandr-blok.su/dym-ot-kotra-strueyu-sizoy>.
5. Гавра Е.П. Интертекстуальность и прецедентные тексты в русской и греческой версиях сериала «The Nanny». // Ученые записки Петрозаводского Государственного Университета. – 2024. – Т. 46, №6. – С. 43–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1074.
6. Зубов Н., Не уходи, побудь со мною. URL: <http://a-pesni.org/romans/zubov/neuhodi.htm>.
7. Иванова И.П. Об эксплицитном и имплицитном способах представления цитат в немецком публицистическом дискурсе. // Вестник ТГУ. – 2009. – №9 (22). – С. 196–201. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-eksplitsitnom-i-implitsitnom-sposobah-predstavleniya-tsitat-v-nemetskom-publitsisticheskom-diskurse/viewer>.
8. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. – М., 2013. – 168 с.
9. Петушок-золотой гребешок русская народная сказка / в обработке А.Н. Толстого. – М., 1963. URL: <https://polny-shkaf.livejournal.com/216294.html>.
10. Рей М. Александр I / перевод А. Ю. Петров, А. Ю. Терещенко. – М., 2013 – 495 с.

11. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. – М., 2000. – 280 с.
12. Хегай В. Квазицитация как один из видов интертекстуальности в газетных заголовках. // Иностранные языки в Узбекистане. – 2014. – №14. – С. 45–50. URL: <https://journal.fledu.uz/ru/kvazitsitatsiya-kak-odin-iz-vidov-intertekstualnosti-v-gazetnyh-zagolovkah/>.
13. Чехов А. Чайка. URL: <https://ilibrary.ru/text/971/p.3/index.html>.
14. Шекспир У. Гамлет / пер. с англ. А. Кронеберг. URL: https://povto.ru/shakespeare/hamlet/shakespeare-hamlet_3-4.htm.
15. Шекспир У. Трагедия о Гамлете Принце Датском / пер. с англ. М. Лозинский. URL: https://povto.ru/shakespeare/hamlet/shakespeare-hamlet_3-4.htm.
16. Шекспир У. Гамлет. Принц Датский // пер.с англ. А. Радлова. URL: https://povto.ru/shakespeare/hamlet/shakespeare-hamlet_3-4.htm.
17. Akunin B. Brylantowa karoca. Łowca ważek, T I. / przeł. z ros. J. Gondowicz. – Warszawa, 2000. – 175 s.
18. Akunin B. Koronacja, czyli ostatni z Romanowów / przeł. z ros Z. Landowski. – Warszawa, 2012. – 334 s.
19. Akunin B. Świat jest teatrem / przeł. z ros. O. Morańska. – Warszawa, 2012. – 432 s.
20. Bajkowska Z. Nie odchódź już! // Cygańskie Pieśni: wybór ulubionych pieśni cygańskich do śpiewu na jeden głos z towarzyszeniem fortepianu. – Kraków, 1918. URL: https://bibliotekapiosenki.pl/utwory/Nie_odchodz_juz/tekst.
21. Czechow A. Mewa. / Antologia dramatu rosyjskiego. Tom II. – Warszawa, 1954. – 575 s.
22. Genette G. Palimpsesty, literatura drugiego stopnia / przeł. z fr. T. Stróżyński, A. Milecki. – Gdańsk, 2014. – 484 s.
23. Kogucik-Złoty Grzebyczek: rosyjska bajka ludowa / w adaptacji A. Tołstoja, przeł. I. Tuwim. – Warszawa, Moskwa, 1985. URL: <https://jarmila09.wordpress.com/category/ilustratorzy/raczew-eugeniusz/>
24. Nie odchódź!: romans cygański. URL: https://bibliotekapiosenki.pl/publikacje/Nie_odchodz_romans_cyganski/czytelnia?key=9818fcea-8006-4d4d-838e-7b167cff0aab#&gid=1&pid=1.
25. Nowakowski E. Udušenje cara Pawła I // Nowa Reforma 1986, XV, nr 74, 76, 79, 80, 82, 83. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/70/PL_Edward_Nowakowski-Udušenje_cara_Paw%C5%82a_I.pdf.
26. Shakespeare W. Hamlet. Książę Danii. / przeł. z ang. S. Barańczak. – Poznań, 1990. – 205 s.
27. Zamach na cara Pawła I Romanowa. Tak zginął syn Katarzyny II Wielkiej. URL: <https://wielkiahistoria.pl/zamach-na-cara-pawla-i-romanowa-tak-zginal-syn-katarzyny-ii-wielkiej>.

References in Roman script

1. Akunin B. Almaznaya kolesnitsa. – M., 2003. – 704 s.
2. Akunin B. Ves' mir teatr. – M., 2012. – 480 s.
3. Akunin B. Koronatsiya ili posledniy iz romanov. – M., 2009. – 340 s.
4. Blok A. Dym ot kostra struyoyu sizoy.... URL: <https://aleksandr-blok.su/dym-ot-kostra-strueyu-sizoy>.
5. Gavra E.P. Intertekstual'nost' i precedentny'e teksty` v russkoj i grecheskoj versiyax seriala «The Nanny». // Ucheny'e zapiski Petrozavodskogo Gosudarstvennogo Universiteta.. – 2024. – T. 46, №6. – S. 43–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1074
6. Zubov H., Ne ukhodi, pobud' so mnoyu. URL: <http://a-pesni.org/romans/zubov/neuhodi.htm>.
7. Ivanova I.P. Ob eksplitsitnom i implitsitnom sposobakh predstavleniya tsitat v nemetskom publitsisticheskom disкурse. // Vestnik TGU. – 2009. – №9 (22). – S. 196–201. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-eksplitsitnom-i-implitsitnom-sposobah-predstavleniya-tsitat-v-nemetskom-publitsisticheskom-diskurse/viewer>.
8. Moskvин V.P. Intertekstual'nost': Ponyatiynyy apparat. Figury, zhanry, stili. – M., 2013. – 168 s.

9. Petushok-zolotoy grebeshok russkaya narodnaya skazka / v obrabotke A.N. Tolstogo. – M., 1963. URL: <https://polny-shkaf.livejournal.com/216294.html>.
10. Rey M. Aleksandr I // perevod A. Yu. Petrov, A. Yu. Tereshchenko. – M., 2013 – 495 s.
11. Fateyeva N.A. Intertekst v mire tekstov. Kontrapunkt intertekstual'nosti. – M., 2000. – 280 s.
12. Khegay V. Kvazitsitatsiya kak odin iz vidov intertekstual'nosti v gazetnykh zagolovkakh. // Inostrannyye yazyki v Uzbekistane. – 2014. – №14. – S. 45–50. URL: <https://journal.fledu.uz/ru/kvazitsitatsiya-kak-odin-iz-vidov-intertekstualnosti-v-gazetnyh-zagolovkakh/>.
13. Chekhov A. Chayka. URL: <https://ilibrary.ru/text/971/p.3/index.html>.
14. Shekspir U. Gamlet / per. s angl. A. Kroneberg. URL: 13. https://povto.ru/shakespeare/hamlet/shakespeare-hamlet_3-4.htm.
15. Shekspir U. Tragediya o Gamlete Printse Datskom / per. s angl. M. Lozinskiy. URL: https://povto.ru/shakespeare/hamlet/shakespeare-hamlet_3-4.htm.
16. Shekspir U. Gamlet. Prints Datskiy / per. s angl. A. Radlova. URL: https://povto.ru/shakespeare/hamlet/shakespeare-hamlet_3-4.htm.
17. Akunin B. Brylantowa karoca. Łowca ważek, T I. / przeł. z ros. J. Gondowicz. – Warszawa, 2000. – 175 s.
18. Akunin B. Koronacja, czyli ostatni z Romanowów, przeł. z ros Z. Landowski. – Warszawa, 2012. – 334 s.
19. Akunin B. Świat jest teatrem, przeł. z ros. O. Morańska. – Warszawa, 2012. – 432 s.
20. Bajkowska Z. Nie odchodź już! // Cygańskie Pieśni: wybór ulubionych pieśni cygańskich do śpiewu na jeden głos z towarzyszeniem fortepianu. – Kraków, 1918. URL: https://bibliotekapiosenki.pl/utwory/Nie_odchodz_juz/tekst.
21. Czechow A. *Mewa*. / Antologia dramatu rosyjskiego. Tom II. – Warszawa, 1954. – 575 s.
22. Genette G. Palimpsesty, literatura drugiego stopnia / przeł. z fr. T. Stróżyński, A. Milecki. – Gdańsk, 2014. – 484 s.
23. Kogucik-Złoty Grzebyczek: rosyjska bajka ludowa / w adaptacji A. Tołstoja, przeł. I. Tuwim. – Warszawa, Moskwa, 1985. URL: <https://jarmila09.wordpress.com/category/ilustratorzy/raczew-eugeniusz/>
24. Nie odchodź!: romans cygański. URL: https://bibliotekapiosenki.pl/publikacje/Nie_odchodz_romans_cyganski/czytelnia?key=9818fcea-8006-4d4d-838e-7b167cff0aab#&gid=1&pid=1.
25. Nowakowski E. Uduszenie cara Pawła I // Nowa Reforma 1986, XV, nr 74, 76, 79, 80, 82, 83. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/70/PL_Edward_Nowakowski-Uduszenie_cara_Paw%C5%82a_I.pdf.
26. Shakespeare W. Hamlet. Książę Danii, przeł. z ang. S. Barańczak. – Poznań, 1990. – 205 s.
27. Zamach na cara Pawła I Romanowa. Tak zginął syn Katarzyny II Wielkiej. URL: <https://wielkahistoria.pl/zamach-na-cara-pawla-i-romanowa-tak-zginal-syn-katarzyny-ii-wielkiej>.

References

1. Akunin B. The Diamond Chariot. Moscow, 2003. 704 p. (In Russian).
2. Akunin B. All the world's a stage. Moscow, 2012. 480 p. (In Russian).
3. Akunin B. Coronation or the last of the Romanovs. Moscow, 2009. – 340 p. (In Russian).
4. Block A. The smoke from the campfire is streaming blue.... URL: <https://aleksandr-blok.su/dymot-kostra-strueyu-sizoy> (In Russian).
5. Gavra, E. P. Intertextuality and precedent texts in the Russian and Greek versions of the TV series «The Nanny». // Proceedings of Petrozavodsk State University. – 2024. – Vol. 46, №6. – P. 43–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1074. (In Russian)
6. Zubov H., Don't leave, stay with me. URL: <http://a-pesni.org/romans/zubov/neuhodi.htm> (In Russian).
7. Ivanova I.P. On explicit and implicit ways of presenting quotations in German journalistic discourse. // Bulletin of TSU. – 2009. – №9 (22). – P. 196 –201. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-eksplitsitnom-i-implitsitnom-sposobah-predstavleniya-tsitat-v-nemetskom-publitsisticheskom-diskurse/viewer> (In Russian).
8. Moskvina V.P. Intertextuality: A conceptual framework. Shapes, genres, styles. Moscow, 2013. 168 p. (In Russian).
 9. The Cockerel-the golden comb is a Russian folk tale / edited by A.N. Tolstoy. Moscow, 1963. URL: <https://polny-shkaf.livejournal.com/216294.html> (In Russian).
 10. Ray M. Alexander I / translated by A. Yu. Petrov, A. Yu. Tereshchenko. Moscow, 2013 – 495 p. (In Russian).
 11. Fateeva N.A. Intertext in the world of texts. Counterpoint of intertextuality. Moscow, 2000. 280 p. (In Russian).
 12. Hegai V. Quasi-citation as one of the types of intertextualities in newspaper headlines. // Foreign languages in Uzbekistan. – 2014. – №14. – P. 45-50. URL: <https://journal.fledu.uz/ru/kvazitsitatsiya-kak-odin-iz-vidov-intertekstualnosti-v-gazetnyh-zagolovkah/> (In Russian).
 13. Chekhov A. Chaika. URL: <https://ilibrary.ru/text/971/p.3/index.html> (In Russian).
 14. Shakespeare W. Hamlet / translated from English by A. Kroneberg. URL: https://povto.ru/shakespeare/hamlet/shakespeare-hamlet_3-4.htm (In Russian).
 15. Shakespeare W. The Tragedy of Hamlet the Prince of Denmark / translated from English by M. Lozinsky. URL: https://povto.ru/shakespeare/hamlet/shakespeare-hamlet_3-4.htm (In Russian).
 16. Shakespeare W. Hamlet. Prince of Denmark / translated from English by A. Radlov. URL: https://povto.ru/shakespeare/hamlet/shakespeare-hamlet_3-4.htm (In Russian).
 17. Akunin B. The Diamond Chariot / translated from Russian by. J. Gondowicz. Warsaw, 2000. 175 p. (In Polish).
 18. Akunin, B. The Coronation, or the last of the Romanovs / translated from Russian by Z. Landowski. Warsaw, 2012. 334 p. (In Polish).
 19. Akunin B. All the world's a stage / translated from Russian by O. Moranska. Warsaw, 2012. 432 p. (In Polish).
 20. Bajkowska Z. Don't go away yet! // Gypsy songs: a selection of your favorite Gypsy songs to sing in one voice with piano accompaniment. Cracow, 1918. URL: https://bibliotekapiosenki.pl/utwory/Nie_odchodz_juz/tekst (In Polish).
 21. Chekhov A. Seagull. Anthology of Russian drama. Volume II. Warsaw, 1954. 575 p. (In Polish).
 22. Genette G. Palimpsest: literature in the second degree / translated from French by. T. Stróżyński, A. Milecki. Gdańsk, 2014. 484 p. (In Polish)
 23. Rooster-Golden comb: Russian folk tale / in the adaptation of A. Tolstoy, transl. I. Tuwim. Warsaw, Moscow, 1985. URL: <https://jarmila09.wordpress.com/category/ilustratorzy/raczew-eugeniusz/> (In Polish).
 24. Don't leave!: a Gypsy romance. URL: https://bibliotekapiosenki.pl/publikacje/Nie_odchodz_romans_cyganski/czytelnia?key=9818fcea-8006-4d4d-838e-7b167cff0aab#&gid=1&pid=1 (In Polish).
 25. Nowakowski E. Strangling of Tsar Paul I // New reform 1986, XV, no. 74, 76, 79, 80, 82, 83. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/70/PL_Edward_Nowakowski-Uduszenie_cara_Paw%C5%82a_I.pdf (In Polish).
 26. Shakespeare W. Hamlet. The Prince of Denmark /translated from English by S. Baranczak. Poznań, 1990. 205 p. (In Polish).
 27. The assassination of Tsar Paul and Romanov. Thus died the son of Catherine II The Great. URL: <https://wielkahistoria.pl/zamach-na-cara-pawla-i-romanowa-tak-zginal-syn-katarzyny-ii-wielkiej>. (In Polish).

УДК 81'25:778.5

Бисевска Юлия
магистр филологии
Гданьский Университет
Польша, г. Гданьск
e-mail: julkabisewska@gmail.com

Bisewska Julia
Master of Philology
University of Gdansk
Poland, Gdansk
e-mail: julkabisewska@gmail.com

Ю. Бисевска

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ: АНАЛИЗ ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ ВЕРСИЙ ДУБЛЯЖА МУЛЬТФИЛЬМА «ШРЕК»

Аннотация. Статья посвящена исследованию интертекстуальности в аудиовизуальном переводе на материале анимационного фильма «Шрек» и его дублированных версий на польском и русском языках. На теоретическом уровне рассматриваются источники и развитие понятия интертекстуальности (Ю. Кристева, М. Бахтин), выделяются её основные формы – цитирование, аллюзия, пародия и метатекст, а также приводится классификация переводческих стратегий, применяемых к интертекстуальным элементам. В практической части сцены из англоязычной оригинальной версии, содержащие интертекстуальные высказывания, сопоставляются с польскими и русскими соответствиями. Показано, как переводчики используют локализацию, прямое цитирование или творческую адаптацию для сохранения комического, критического и идентификационного эффектов интертекстуальности. Выводы подчёркивают многоплановый характер интертекстуальности в фильме, её культурную обусловленность и необходимость баланса между верностью оригиналу и созданием эквивалентного культурного резонанса в целевой аудитории.

Ключевые слова: интертекстуальность, аудиовизуальный перевод, дубляж, цитирование, пародия, аллюзия, метатекст, Шрек

Для цитирования: Бисевска Ю. Интертекстуальность в аудиовизуальном переводе: анализ польской и русской версий дубляжа мультфильма «Шрек». Русистика без границы. Международно научно списание. – София, 2026, Том X, кн. 3, С. 106–114.

J. Bisewska

INTERTEXTUALITY IN AUDIOVISUAL TRANSLATION: AN ANALYSIS OF THE POLISH AND RUSSIAN DUBBED VERSIONS OF «SHREK»

Abstract. This article examines intertextuality in audiovisual translation using the animated film «Shrek» and its dubbed Polish and Russian versions as a case study. The theoretical section discusses the origins and development of the concept of intertextuality, drawing on the works of Julia Kristeva and Mikhail Bakhtin. It identifies the principal forms of intertextuality – quotation, allusion, parody, and metatext – and presents a classification of translation strategies applied to intertextual elements. The empirical analysis compares scenes from the English-language original containing intertextual references with their Polish and Russian dubbed counterparts. The study demonstrates how translators employ localization, direct quotation, and creative adaptation to preserve the comic, critical, and identificatory functions of intertextuality. The findings highlight the multidimensional nature of intertextuality in the film, its strong cultural embeddedness, and the need to strike a balance between fidelity to the source text and the creation of an equivalent cultural resonance for the target audience.

Keywords: intertextuality, audiovisual translation, dubbing, quotation, parody, allusion, metatext, Shrek

For citation: Bisewska J. Intertextuality in audiovisual translation: an analysis of the Polish and Russian dubbed versions of «Shrek». *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*. – Sofia, 2026, Vol. X, Iss. 3, pp. 106–114.

Введение

Анимационный фильм «Шрек» (2001) [11], созданный студией DreamWorks Animation, представляет собой одно из самых значительных произведений в истории мировой анимации. Фильм, режиссером которого является Эндрю Адамсон, стал не только коммерческим успехом, но и культурным феноменом, оказавшим влияние на развитие жанра. Его успех во многом определялся тем, что произведение одновременно функционировало как развлекательный продукт для детей и как сложный метатекст культуры для взрослой аудитории.

Особое значение для распространения фильма имели его переводные версии. Среди них особенно выделяется польский дубляж, автором диалогов которого является известный переводчик и сценарист Бартош Вежбента (Bartosz Wierzbęta). Его перевод часто рассматривается исследователями и зрителями как один из самых удачных и творческих в истории польского аудиовизуального перевода [14, 15]. В русскоязычном пространстве значительный вклад в популярность фильма внес переводчик и адаптатор Дмитрий Усачёв. Оба переводчика продемонстрировали высокий уровень профессионализма в обращении с интертекстуальными элементами фильма, создав версии, которые передавали содержание оригинала, а также адаптировали его культурные коды для целевых аудиторий.

В современных гуманитарных науках понятие интертекстуальности стало одним из основных инструментов при анализе текстов. Возникнув в рамках постструктуралистской мысли, интертекстуальность изначально обозначала совокупность связей текста с другими текстами – как прямых (цитатных), так и скрытых (аллюзивных, стилистических, жанровых). Сам термин был введен Юлией Кристевой в 1967 году под влиянием идей Михаила Бахтина, а затем получил широкое распространение в работах Ролана Барта и Жерарда Женетта. Как подчеркивает Мацей Михальский, интертекстуальность размывает границы текста и ставит под сомнение его автономию: «Каждый текст «соткан» из бесчисленного множества элементов, заимствованных – причём не только намеренно – из других текстов, а также из иных дискурсов» [17, с. 34].

Таким образом, современное понимание текста – это динамичное поле пересечений, аллюзий, диалогов и переосмыслений. Особенно ярко интертекстуальные механизмы проявляются в визуальных образах – в частности, в анимационных фильмах, в которых они зачастую принимают форму узнаваемых аллюзий, отсылок и иронических игр с культурной памятью реципиента.

Интертекстуальность является фундаментальным механизмом формирования смыслов в современной культуре, связывая литературу, кино, перевод и другие формы искусства в единую систему взаимосвязанных текстов. Это взаимодействие не является случайным – каждый текст включается в сложный диалог с предшествующими произведениями, сознательно или неосознанно отсылая к ним через цитаты, аллюзии, жанровые трансформации и пародийные элементы.

Интертекстуальность – согласно Кристевой – всегда «текстовый диалог», но не речевых субъектов, а самих текстов; точнее, их взаимодействие и взаимопроникновение, благодаря присущему им свойству воспроизводить себя и свои признаки в других

текстах любой текст строится как мозаика цитат, любой текст есть продукт впитывания и трансформации другого текста [8].

Авторские концепции интертекстуальности, первоначально носившие новаторский и дискуссионный характер, постепенно концептуализируются и закрепляются в справочных изданиях. Именно словарные дефиниции отражают современное состояние научного знания и позволяют представить наиболее обобщённое понимание данного термина. Поэтому для уточнения объёма и содержания понятия интертекстуальности представляется оправданным обратиться к его словарным определениям. *Słownik języka polskiego PWN* определяет интертекстуальность как «касающуюся связей литературного произведения с другими литературными произведениями» [13]. В свою очередь *Encyklopedia PWN* трактует ее как ключевую концептуальную категорию в теоретических исследованиях литературы второй половины XX века, обозначающую размытие структуралистских тенденций и формирование постструктуралистских направлений [12].

В русскоязычных словарях встречаются аналогичные определения. В *Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка* интертекстуальность определяется как «текстовая категория, отражающая соотнесенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов» [7]. *Словарь литературоведческих терминов* подчёркивает культурологический аспект, трактуя данное явление как свойство текстов, которые «постоянно ‘вступают в диалог’, ‘ссылаются’ друг на друга и все вместе являются частью некоего общего текста, который в свою очередь включается в отношения с культурой, историей, действительностью, тоже оценивающейся как текст» [6].

В нашем исследовании мы предлагаем выделять четыре основные категории интертекстуальности, проявляющиеся в *Шреке*: цитирование, аллюзии, пародию и метатекст. Цитирование представляет собой прямое включение фрагментов чужого текста в новое произведение. Аллюзия формирует ассоциативные связи без точного воспроизведения. Пародия представляет собой сознательное переосмысление традиционного сюжета или жанра, часто с юмористическим подтекстом. Метатекст выполняет интерпретативную функцию, сопровождая основной текст комментариями и объяснениями.

Особенности аудиовизуального перевода

Аудиовизуальный перевод представляет собой одну из наиболее востребованных сфер переводческой деятельности. Глобализация и развитие мультимедийного пространства привели к стремительному росту фильмов, сериалов и видеоигр, что требует качественной адаптации для разных культур.

Особенностью аудиовизуального текста является его креолизованный характер. Люссилин Чу Табада и Наталья Александровна Лашкевич констатируют: «Аудиовизуальный перевод – это особый вид перевода, объектом которого являются креолизованный текст, включающий аудиальный и визуальный компоненты» [9, с. 273]. Креолизованный текст – это особый лингвизуальный феномен, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно структурное и функциональное целое [2, с. 73].

Существуют разнообразные форматы аудиовизуальных переводов. Дублирование, согласно Вере Евгеньевне Горшковой, «представляет собой особую технику записи, позволяющую заменять звуковую дорожку фильма с записью оригинального диалога дорожкой на языке перевода» [5, с. 196]. Главная особенность

полного дубляжа состоит в том, что необходимо подготовить адаптированный перевод текста так, чтобы достичь синхронности видеоряда и слоговой артикуляции актёров.

Выбор стратегии перевода зависит от культурного контекста. Лоуренс Венути различает две глобальные стратегии: «одомашнивание» – перевод на понятный современный стиль, минимизирующий чуждость текста [18, с. 20], и «остранение» – сохранение элементов чужой культуры и подчеркивание её инаковости.

Перевод интертекстуальных элементов представляет одну из самых сложных задач для переводчиков. Анна Майкевич подчеркивает: «Интертекстуальность рассматривается как один из критериев текстуальности, связанный с теми факторами, которые делают понимание высказывания зависимым от знания другого или других текстов» [16, с. 122]. К основным стратегиям перевода интертекстуальности автор относит культурную замену¹, нейтрализацию² и компенсацию³.

Анализ интертекстуальных элементов в фильме Шрек

Первые кадры анимации (00:01:04) выполняют прогностическую функцию, настраивая зрителя на определенное развитие сюжета и указывая на общий принцип построения произведения как пародии. Первые строки являются явной отсылкой к типичным сказкам братьев Гримм и представляют собой архетипическую сказочную цитату, узнаваемую в западной культуре.

Английская версия воспроизводит классическое начало англоязычных сказок *Once upon a time there was a lovely princess*. Польская версия дубляжа – *Dawno dawno temu, żyła śliczna królewna Śnieżka* – опирается на наиболее каноническую формулу, знакомую польским детям. В русском переводе используется вариант *Жила-была прекрасная юная принцесса по имени Белоснежка*. Каждая языковая версия сознательно обращается к собственной повествовательной традиции, создавая локальный вариант одного и того же архетипа, и в каждой из них мы имеем дело с культурной заменой.

Эпизод выплаты вознаграждения хозяину за ведьму (00:05:10) содержит реплику *20 pieces of silver for the witch*. В английской версии формулировка *20 pieces of silver* вызывает ассоциацию с тридцатью сребрениками, за которые Иуда предал Христа. Это аллюзия, основанная на культурной памяти, связанной с предательством и моральной деградацией. Польскоязычная версия – *20 sztuk srebra* – усиливает библейский оттенок, поскольку в польской культуре слово ‘srebrniki’ является прямым обозначением предательских денег Иуды. Русскоязычная версия озвучки использует *20 шиллингов за ведьму* – библейская аллюзия исчезает полностью. Таким образом, в польской версии мы имеем дело с культурной заменой, а в русской – с нейтрализацией интертекста.

Реплика Пиноккио *I'm not a puppet! I'm a real boy!* (00:06:19) напрямую отсылает к классическому мультфильму Диснея *Пиноккио* (1940). В оригинале эта фраза произносится в кульминационный момент превращения. В Шреке же она используется в противоположном контексте: Пиноккио лжет, и его нос растёт. Это классический пример инверсии в постмодернистской пародии. Польскоязычная версия *Nie jestem*

¹ Культурная замена — прием адаптации, при котором безэквивалентная реалья, идиома или отсылка исходной культуры заменяется на аналогичный по смыслу и функции элемент целевой культуры [10].

² Нейтрализация — это стратегия прагматической адаптации, при которой специфические культурные, бытовые или языковые реалии заменяются на более понятные, универсальные или нейтральные аналоги для зрителей другой культуры [3].

³ Компенсация — это способ перевода, при котором непередаваемая игра слов, шутка, диалект или культурная аллюзия в одном месте заменяются аналогичным выражением в другом фрагменте текста или передаются через визуальный/звуковой ряд [1].

kukielką, jestem zwykłym chłopcem! передает общий смысл, но утрачивает статус цитаты, поскольку в польской культуре нет устойчивой, дословно узнаваемой формулы (нейтрализация). Русскоязычная версия *Нет, я не кукла. Я ребенок!* также не воспроизводит точную цитату, поэтому этот перевод также можно рассматривать как нейтрализацию интертекста.

Реплика Осла: *You might have seen a house fly, maybe even a superfly, but I bet you ain't never seen a donkey fly* (00:06:55) построена на игре слов с общей основой – ‘fly’. Оригинальная реплика сочетает буквальный смысл с культурной аллюзией на американский фильм *Superfly* 1972 года, создавая комический эффект, сопоставляя фильм *Superfly* с *donkey fly*. В польскоязычной версии переводчик использует стратегию культурной замены: *Latać każdy może, trochę lepiej, czasem trochę gorzej..., ale niestety ja tam talent!* – это цитата-песенка Ежи Штура, который пел эту песню на фестивале в 1977 году. Этот актер также озвучивает Осла, что создает дополнительный юмористический эффект. Русский переводчик принял вариант *Ты может видел Карлсона или Питера Пэна*. Здесь стратегия иная: переводчик выбирает персонажей, которые действительно летают и чрезвычайно популярны в России. Карлсон – один из самых узнаваемых героев советской анимации, а Питер Пэн – всемирно известный сказочный персонаж. Это превращает реплику в аллюзию на детскую литературу и анимацию, но уже не на одну конкретную, а на две сразу. Таким образом, одна и та же реплика порождает три совершенно различные культурные ассоциации и генерирует три интертекстуальных смысла.

Реплика Пряничного Человечка *Run, run, run, as fast as you can. You can't catch me, I'm the gingerbread man* (00:17:05) является прямой цитатой из классической английской сказки. Цитата воспроизводится дословно, что делает ее мгновенно узнаваемой для англоязычного зрителя. Польскоязычная версия полностью отказывается от цитаты и заменяет ее рифмованной угрозой: *Ciach, ciach, ciach! Biegnij, ile masz sił – i tak nie uciekniesz. W męczarniach będziesz się wili!*. Выбранная стратегия – нейтрализация, в результате которой происходит потеря интертекстуальной связи. Русскоязычная версия использует стратегию культурной замены: *Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел... а от меня не уйдешь!* Это прямая аллюзия на русскую народную сказку о Колобке, которая по структуре и содержанию идентична истории *Gingerbread Man*. Данный перевод является одним из самых удачных примеров одомашнивания, благодаря которому русскоязычный зритель мгновенно узнает отсылку, а сцена сохраняет тот же комический эффект.

Появление Волшебного Зеркала (00:17:47–00:18:00) является прямой визуальной аллюзией на мультфильм Диснея *Белоснежка и семь гномов* (1937). Реплика Фаркуада *Mirror, mirror, in the wall, is this not the most perfect kingdom of them all?* (00:18:00) является трансформированной цитатой: *Magic mirror on the wall, who is the fairest one of all*. Сохранены синтаксис и рифма, но изменено содержание – вместо вопроса о красоте появляется вопрос о совершенстве королевства. В польскоязычной версии выбран вариант *Lustereczko, powiedz przecie, czyż to nie jest najzacsniejsze królestwo na świecie?* который также стал парафразой и пародией, но претекстом послужила сказка братьев Гримм в ее польском переводе. Дмитрий Усачев, переводчик русского дубляжа, принял решение использовать трансформированную цитату из пушкинской *Сказки о мертвой царевне* – *Свет мой зеркальце скажи, я ль на свете всех милей из великих королей?* Фрагмент *Свет мой зеркальце скажи...* является одной из самых узнаваемых строк русской литературы. Это делает сцену глубоко интертекстуальной для русскоязычного зрителя: Фаркуад превращается в пародийный аналог злой царицы из пушкинской сказки. Пушкинская формула в русском сознании гораздо сильнее связана с образом злой

королевы, чем переводные версии братьев Гримм, поэтому выбор усиливает комический эффект. Таким образом, здесь в обоих случаях мы имеем дело с культурными заменами.

Диалог о *Muffin Man* (00:17:37) построен на старинной английской детской песенке. Структура диалога полностью воспроизводит ритм и повторяемость песни: *Do you know the muffin man? — The muffin man? — The muffin man!* Польскоязычная версия заменяет *Muffin Man* на *Muchomorek* из популярного чехословацкого мультфильма *Žwirek i Muchomorek*. Это полная культурная замена, где английская песня уступает место польско-чехословацкой детской культуре. Интертекстуальность сохраняется, но ее источник полностью меняется. Русский дубляж заменяет героя на Шляпника из *Алисы в Стране чудес* Льюиса Кэрролла. Это также культурная замена, но основанная на мировой литературе. Структура повторов сохраняется, что делает сцену узнаваемой по ритму.

Реплика Осла: *Keep your legs elevated. Turn your head and cough. Does anyone know the Heimlich?* (00:54:20) – представляет собой пародию на американский медицинский дискурс. Упоминание ‘Heimlich’ – это отсылка к приему Хаймлиха, широко известному в США способу спасения при удушье. Польскоязычная версия заменяет американские медицинские клише на нейтральные инструкции: *Czy jest na sali lekarz?*. Это не передает американской специфики, но сохраняет комический эффект паники (компенсация). В русском дубляже полностью меняется культурный код. Вместо американских медицинских терминов появляются типичные русские домашние методы лечения: *Попарь ноги, выпей чаю с малиной, поставь горчичник*. Это также классический пример компенсации, где переводчик заменяет непонятные русскому зрителю термины на знакомые бытовые практики.

Заключение и выводы

Проведенный анализ демонстрирует, что интертекстуальность в фильме *Шрек* выполняет несколько функций: развлекательную (создание комических эффектов), критическую (деконструкция культурных стереотипов), идентификационную (создание связи с целевой аудиторией) и образовательную (расширение культурного кругозора зрителей). Успешность перевода зависит от способности сохранить эти функции при адаптации к новому культурному контексту.

Анализ англо-, польско- и русскоязычной версий фильма выявляет различные подходы к передаче интертекстуальных элементов. Исходная английская версия содержит оригинальные культурные отсылки (библейские аллюзии, поп-культурные цитаты, литературные реминисценции), что делает интертекстуальность максимально прозрачной для носителей английского языка. При создании польского дубляжа переводчик Бартош Вежбента использовал преимущественно стратегию культурной замены, заменяя американские культурные коды польскими эквивалентами. Дмитрий Усачёв в русской версии показывает различные стратегии: от сохранения структуры оригинальных отсылок с заменой культурного кода (*Колобок* вместо *Gingerbread Man*, Карлсон вместо Питера Пэна), через компенсацию до полной нейтрализации интертекстуальности.

Таким образом, переводчики используют различные переводческие стратегии. Наиболее эффективными оказываются решения, которые не просто передают содержание, а создают эквивалентный культурный резонанс в принимающей культуре. Интертекстуальность в фильме функционирует одновременно на визуальном, вербальном и музыкальном уровнях, создавая сложную систему культурных отсылок, которую переводчик должен учитывать комплексно. Восприятие интертекстуальных элементов зависит от культурной памяти и ожиданий зрителя. То, что узнаваемо для

англоязычной аудитории, может быть совершенно неясно для русской или польской публики. Наиболее успешные переводческие решения – это не механическое воспроизведение отсылок, а творческая адаптация, которая создает новые культурные связи, релевантные для принимающей культуры. Примером служит замена английской игры слов на локальную музыкальную цитату в польском дубляже или замена Пряничного человечка на Колобка в русском. Успешный перевод интертекстуальности требует балансирования между сохранением авторского замысла и обеспечением понимания целевой аудиторией. Стратегия должна выбираться в зависимости от конкретного интертекстуального элемента, его функции в произведении и уровня культурной компетенции целевой аудитории.

Шрек демонстрирует, как постмодернистское произведение может успешно функционировать в различных культурных контекстах, при условии что переводчики понимают не только язык, но и культурный код целевой аудитории. Фильм остается актуальным примером того, как интертекстуальность может быть использована не только как художественный прием, но и как инструмент межкультурного диалога, позволяющий зрителям разных культур находить общие точки соприкосновения через узнавание и переосмысление известных им культурных образов и символов.

Библиографический список

1. Альварес Солер А. А. Роль аудиовизуального перевода в обеспечении межкультурного и межкузыкового взаимодействия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. №5 (795). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-audiovizualnogo-perevoda-v-obespechenii-mezhkulturnogo-i-mezhyazykovogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 12.08.2026).
2. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. – 1992 – №1. – С. 71-79.
3. Бондарева Е. В., Пожилова Д. Д. Прагматическая адаптация аудиовизуального текста как результат межкультурного взаимодействия (на примере американского ситкома "Young Sheldon" и его перевода на русский язык) // Известия Восточного института. 2023. №2 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskaya-adaptatsiya-audiovizualnogo-teksta-kak-rezultat-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-na-primere-amerikanskogo-sitkoma> (дата обращения: 12.08.2026).
4. Большакова А. Бахтин и Кристева: к проблеме памяти литературного творчества // Przegląd Rusycystyczny nr 3 (123). 2008. Москва.
5. Горшкова В. Е. Теоретические основы процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога: на материале современного французского кино – Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет. – 367 с.
6. Интертекстуальность в: Словарь литературоведческих терминов. 2025. <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/124-интертекстуальность>.
7. Интертекстуальность в: *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. 2025. <https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/41-Интертекстуальность>.
8. Кристева Ю. Семиотика: исследования по семанализу // Пер. с фр. Э.А. Орловой. М.: Академический проект. 2013.
9. Табада Л.Ч., Лашкевич Н.А. Передача реалий в аудиовизуальном переводе (на материале анимационного фильма «Принцесса Мононоке») // Готлибовские чтения: фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР : материалы Междунар. науч. конф. «Пространства коммуникации: язык, литература, медиа», посвященной столетию Иркутского государственного университета. Иркутск, 18–21 сент. 2018 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. – С. 272-279.
10. Тарасова А. А. Аудиовизуальный перевод: как сохранить идиомы и культурные контексты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №10-4 (97). URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/audiovizualnyy-perevod-kak-sohranit-idiomy-i-kulturnye-konteksty> (дата обращения: 12.08.2026).
11. Шрек (2001), реж. Э. Адамсон / Shrek. dir. A.Adamson. (Film).
 12. Intertekstualność // Encyklopedia PWN. 2025. <https://encyklopedia.pwn.pl/haslo/intertekstualnosc;3915178.html>.
 13. Intertekstualny // Słownik języka polskiego PWN. 2025. <https://sjp.pwn.pl/sjp/intertekstualny;2561850.html>.
 14. Chruszcz F. Top najlepszych przykładów polskiego dubbingu, które chce się oglądać!. 2018. https://kulturalnemedi.pl/film/topnajlepszegopolskiegodubbingu/2/#google_vignette.
 15. Grzędowski R, Zadura J. Janusz Zadura: polski "Shrek" był lepszy od amerykańskiego. 2024. <https://trojka.polskieradio.pl/artykul/3368507,janusz-zadura-polski-shrek-byl-lepszy-od-amerykanskiego>.
 16. Majkiewicz A. Inrertekstualność jako nowe (stare) wyzwanie w teorii i praktyce przekładu literackiego // Rocznik Przekładoznawczy 5. 2009. Sosnowiec.
 17. Michalski M. Intertekstualność, interdyskursywność, korespondencje — praktyki literackie // Aspekt Muzyki, t.7, s.33-51. 2017. Gdańsk.
 18. Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. 1995. Routledge, London.

References in Roman script

1. Al'vares Soler A.A. Rol' audiovizual'nogo perevoda v obespechenii mezhkul'turnogo i mezhyazykovogo vzaimodeystviya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. №5 (795). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-audiovizualnogo-perevoda-v-obespechenii-mezhkulturnogo-i-mezhyazykovogo-vzaimodeystviya> (accessed 12.08.2026).
2. Anisimova E.E. Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovannykh i gibridnykh tekstov) // Voprosy yazykoznanii. 1992. №1. S. 71–79.
3. Bondareva E.V., Pozhilova D.D. Pragmatische adaptatsiya audiovizual'nogo teksta kak rezul'tat mezhkul'turnogo vzaimodeystviya (na primere amerikanskogo sitkoma "Young Sheldon" i ego perevoda na russkiy yazyk) // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2023. №2 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatische-kadaptsiya-audiovizualnogo-teksta-kak-rezultat-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-na-primere-amerikanskogo-sitkoma> (accessed 12.08.2026).
4. Bol'shakova A. Bakhtin i Kristeva: k probleme pamyati literaturnogo tvorchestva // Przegląd Ruscystyczny. 2008. №3 (123). Moskva.
5. Gorshkova V.E. Teoreticheskie osnovy protsessorientirovannogo podkhoda k perevodu kinodialoga: na materiale sovremennogo frantsuzskogo kino. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet, 2013. 367 s.
6. Intertekstual'nost' // Slovar' literaturovedcheskikh terminov. 2025. URL: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/124-интертекстуальность>.
7. Intertekstual'nost' // Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka. 2025. URL: <https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/41-Интертекстуальность> (rus-stylistics-dict.slovaronline.com in Bing).
8. Kristeva Yu. Semiotika: issledovaniya po semanalizu / Per. s fr. E.A.Orlovoy. M.: Akademicheskii proekt, 2013.
9. Tabada L.Ch., Lashkevich N.A. Predacha realiy v audiovizual'nom perevode (na materiale animatsionnogo fil'ma «Printsessa Mononoke») // Gotlibovskie chteniya... Irkutsk: Izd-vo IGU, 2018. S. 272–279.
10. Tarasova A.A. Audiovizual'nyy perevod: kak sokhranit' idiomy i kul'turnye konteksty // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2024. №10-4 (97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/audiovizualnyy-perevod-kak-sohranit-idiomy-i-kulturnye-konteksty> (accessed 12.08.2026).
11. Shrek (2001), rej. E. Adamson

References

1. Alvarez Soler A.A. The role of audiovisual translation in ensuring intercultural and interlingual communication. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2018, no.5 (795). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-audiovizualnogo-perevoda-v-obespechenii-mezhkulturnogo-i-mezhyazykovogo-vzaimodeystviya> (accessed 12.08.2026). (In Russian).
2. Anisimova E.E. Paralinguistics and text (on the problem of creolized and hybrid texts). *Voprosy Jazykoznanija*, 1992, no.1, pp.71–79. (In Russian).
3. Bondareva E.V., Pozhilova D.D. Pragmatic adaptation of audiovisual text as a result of intercultural interaction (based on the American sitcom *Young Sheldon* and its Russian translation). *Izvestiya Vostochnogo Instituta*, 2023, no.2 (58). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskaya-adaptatsiya-audiovizualnogo-teksta-kak-rezultat-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-na-primere-amerikanskogo-sitkoma> (accessed 12.08.2026). (In Russian).
4. Bolshakova A. Bakhtin and Kristeva: on the problem of literary memory. *Przegląd Rusycystyczny*, 2008, no.3 (123). (In Russian/Polish).
5. Gorshkova V.E. Theoretical foundations of a process-oriented approach to film dialogue translation: based on contemporary French cinema. *Irkutsk, Irkutsk State Linguistic University Publ.*, 2013. 367 p. (In Russian).
6. Intertextuality. *Dictionary of Literary Terms*, 2025. Available at: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/124-интертекстуальность>. (In Russian).
7. Intertextuality. *Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language*, 2025. Available at: <https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/41-Интертекстуальность> (rus-stylistics-dict.slovaronline.com in Bing). (In Russian).
8. Kristeva J. *Semiotics: Studies in Semanalysis*. Transl. from French by E.A.Orlova. Moscow, Academic Project Publ., 2013. (In Russian).
9. Tabada L.Ch., Lashkevich N.A. Rendering cultural realia in audiovisual translation (based on the animated film *Princess Mononoke*). In: *Gotlib Readings...* Irkutsk, IGU Publ., 2018, pp.272–279. (In Russian).
10. Tarasova A.A. Audiovisual translation: how to preserve idioms and cultural contexts. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2024, no.10-4 (97). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/audiovizualnyy-perevod-kak-sohranit-idiomy-i-kulturnye-konteksty> (accessed 12.08.2026). (In Russian).
11. *Shrek* (2001), dir. A.Adamson. (Film). (In English).
12. Intertextuality. *Encyclopedia PWN*, 2025. Available at: <https://encyklopedia.pwn.pl/haslo/intertekstualnosc;3915178.html>. (In Polish).
13. Intertextual. *Polish Language Dictionary PWN*, 2025. Available at: <https://sjp.pwn.pl/sjp/intertekstualny;2561850.html>. (In Polish).
14. Chruszcz F. Top examples of Polish dubbing that you want to watch! 2018. Available at: https://kulturalnemedi.pl/film/topnajlepszegopolskiegodubbingu/2/#google_vignette. (In Polish).
15. Grzędowski R., Zadura J. Janusz Zadura: the Polish *Shrek* was better than the American one. 2024. Available at: <https://trojka.polskieradio.pl/artykul/3368507,janusz-zadura-polski-shrek-by-llepszy-od-amerykanskiego>. (In Polish).
16. Majkiewicz A. Intertextuality as a new (old) challenge in the theory and practice of literary translation. *Rocznik Przekładoznawczy*, vol.5, 2009, Sosnowiec. (In Polish).
17. Michalski M. Intertextuality, interdiscursivity, correspondences — literary practices. *Aspekt Muzyki*, vol.7, pp.33–51, 2017, Gdańsk. (In Polish).
18. Venuti L. *The Translator's Invisibility. A History of Translation*. London, Routledge, 1995. (In English).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.161.1

Воркачев Сергей Григорьевич
доктор филологических наук, профессор
Кубанский государственный
технологический университет,
Россия, г. Краснодар
e-mail: svork@mail.ru

Vorkachev Sergey Grigorievich
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Kuban State Technological University
Russia, Krasnodar
e-mail: svork@mail.ru

С.Г. Воркачев

**КАРАСИК В.И. ЯЗЫКОВОЕ ЗАЗЕРКАЛЬЕ. – М.: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. А.С. ПУШКИНА, 2026. – 414 С. ISBN 978-
5-98269-345-7**

Аннотация. Монография «Языковое зазеркалье» посвящена решению актуальных проблем лингвокультурологии, теории языковой личности и теории дискурса, разрабатываемых в современной антропологической лингвистике, она адресована филологам и всем исследователям, разрабатывающим основы интегральной науки о человеке. Её автор – доктор филологических наук, декан филологического факультета, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина Владимир Ильич Карасик. В.И. Карасик – специалист в области лингвоконцептологии, лингвоперсоналогии, социолингвистики, прагмалингвистики, лингвосемиотики и филологической герменевтики, один из ведущих отечественных лингвистов, работавший в течение нескольких лет в качестве приглашенного профессора в Тяньцзинском университете иностранных языков (КНР).

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвоперсоналогия, теория коммуникации, теория дискурса

Для цитирования: Воркачев С.Г. Карасик В.И. Языковое зазеркалье. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2026. – 414 с. ISBN 978-5-98269-345-7. *Рецензия. Русистика без границы. Международно научно списание.* – София, 2026, Том X, кн. 3, С. 115–119.

S.G. Vorkachev

**KARASIK V.I. LANGUAGE THROUGH THE LOOKING GLASS. – MOSCOW: A.S.
PUSHKIN STATE INSTITUTE OF THE RUSSIAN LANGUAGE, 2026. – 414 P.
ISBN 978-5-98269-345-7**

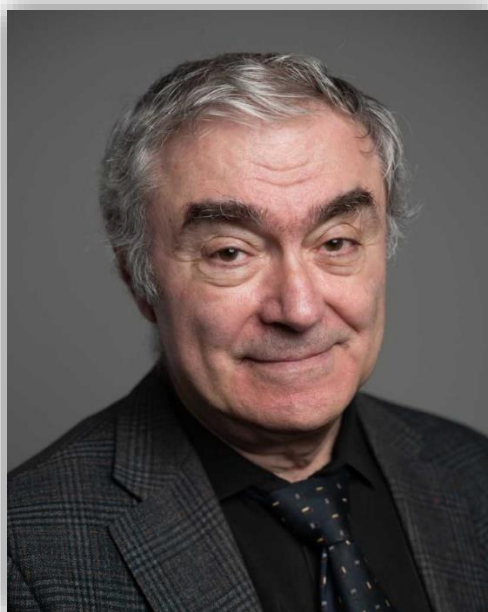
Abstract. The monograph “Language Through the Looking Glass” is devoted to addressing current issues in linguistic and cultural studies, linguistic personality theory, and discourse theory, all of which are being developed in contemporary anthropological linguistics. It is addressed to philologists and all researchers developing the foundations of an integrated science of humankind. Its author is Vladimir Ilyich Karasik, Doctor of Philology, Dean of the Faculty of Philology, and Professor of the

Department of General and Russian Linguistics at the A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language. V.I. Karasik is a specialist in the fields of linguistic conceptology, linguistic personology, sociolinguistics, pragmalinguistics, linguosemiotics, and philological hermeneutics. He is one of the leading Russian linguists, having worked years as a visiting professor at Tianjin University of Foreign Languages Studies (PRC).

Keywords: linguacultural studies, linguapersonology, communication theory, discourse theory

For citation: Vorkachev S.G. Karasik V.I. Language Through the Looking Glass. – Moscow: A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language, 2026. – 414 p. ISBN 978-5-98269-345-7. *Review. Russian Studies without Borders. International Scientific Journal.* – Sofia, 2026, Vol. X, Iss. 3, pp. 115–119.

Профессор В.И. Карасик – лингвист, обогативший науку о языке несколькими новыми дисциплинарными направлениями и исследовательскими областями, порадовал российское экспертное сообщество еще одной книгой с интригующим названием «Языковое зазеркалье», посвященной уже давно и успешно разрабатываемой им проблематике – вопросам лингвокультурологии, лингвоконцептологии, лингвоперсоналогии, теории коммуникации, лингводискурсологии и лингвосемиотики [Карасик 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17]. В книге на материале русского и английского языков изучаются ранее не исследованные лингвокультурные концепты, лингвокультурные типажи, жанры и типы дискурса.

Название новой монографии В.И. Карасика, как представляется, можно перефразировать в терминах самого же Льюиса Кэрролла как «Лингвистика в стране чудес», поскольку, если язык – «зеркало человеческого духа» (Г.В. Лейбниц), то зеркало это отражает дух человека отнюдь не прямолинейно, но своеобразным образом его преломляет, и добраться до сути бытия, отраженного в языке, можно, лишь перейдя на другую сторону зеркала – проникнув в Зазеркалье. Тем самым, для лингвистики страна чудес – это скрытая за отражением недоступная для непосвященных реальность, понимание которой требует профессиональной интерпретации.

Книга состоит из трех глав, посвященных соответственно лингвокультурным параметрам бытия, личности и коммуникации. Она открывается главой, посвященной

описанию лингвокультурных характеристик бытия, в которой на материале акциогенных текстов русского и английского языков исследуется смысловое содержание таких единиц лингвокультурного моделирования реальности (концептов), как *знание, понимание, лояльность, осторожность, свет и тьма, тень, сон, пыль и прах, пепел и зола*, определяются их понятийные, ценностные и образные характеристики. Устанавливается, что система знаний различного уровня образует языковую картину мира, выделяются доминантные векторы понимания в разных типах дискурса и выявляется взаимосвязь знания, понимания и опыта. Описываются *лояльность* как институциональная разновидность верности, которая осмысливается как отсутствие недоброжелательности в русском языковом сознании и постоянство в поведении и поддержке тех, с кем взаимодействует человек в англоязычном обществе; *осторожность* как предусмотрительность, продуманность и заботливость, характеристики которой практически совпадают в русской и английской лингвокультурах. Осмысливаются образные и оценочные свойства *света и тьмы*, отражающие базовые ориентиры языковой картины мира; оценочная амбивалентность *тени* как сокрытия и укрытия; *сна* как оценочно неоднозначного физиологического состояния; осмысливаются *пыль и прах, пепел и зола* э л ш л л ш л ш ш л л л л л в обиходно-бытовом и ритуально-поэтическом сознании, где *пыль* ассоциируется с грязью, *прах* – со смертью, *зола* – с её утилитарными свойствами, а *пепел* – с неповторимостью жизни и невозвратимостью мечты.

Вторая глава книги посвящена лингвокультурным характеристикам языковой личности – человека-участника общения и носителя языкового сознания: осмыслению *характера, старшинства, места жительства*, а также описанию лингвокультурных типажей *пророк, царь, эмигрант и пацан*. Характер как совокупность устойчивых психических свойств личности, как известно, определяет судьбу человека, и типология характеров может быть положена в основу типологии личности, в том числе и языковой; другой характеристикой личности выступает возраст, отношение к которому – уважение и бережное отношение к старости, выраженное в пословицах, афоризмах и притчах, в значительной мере формирует образ национальной лингвокультуры; еще одной характеристикой личности является хабитат – постоянное место жительства, определяющее её социальный статус и коммуникативное поведение: отсутствие постоянного места жительства, проживание в городе или в сельской местности, столице или провинции. Описываются узнаваемые модельные личности – лингвокультурные типажы *пророка*, как посланца Бога, открывающего глаза людям на будущее, *царя* – носителя высшей власти, трудового *мигранта* – малообразованного молодого человека, выполняющего неквалифицированную работу, *пацана* – молодого агрессивного представителя социальных низов.

В третьей главе речь идет о характеристиках речевых жанров, об имплицативной мощности общения, о коммуникативном сценарии как лингвокультурном феномене, о прогностическом дискурсе, о коммуникативных симулякрах и десемантизации языковых знаков, о лингвокультурном смысле вежливости, о деструктивной политкорректности, насмешке и экзистенциальной иронии. Устанавливается важность для лингвокультурного исследования речевого общения используемых в нем *речевых жанров*, распадающихся на этноспецифические, социоспецифические и личностно-специфические, когда использование или неиспользование того или иного речевого жанра в той или иной ситуации общения может указывать на определенный тип личности; среди характеристик общения выделяется *имплицативная мощность* – градуируемая когнитивно-дискурсивная характеристика косвенно передаваемой информации, проявляющаяся на различных уровнях текста; в качестве

лингвокультурной функциональной единицы общения выделяется *коммуникативный сценарий* как инструмент исследования механизма речевого взаимодействия. В соответствии с тематикой коммуникации выделяется *прогностический дискурс*, направленный на будущее, включающий угрозы, предсказания, приметы, планы, программы и прогнозы; приводится типология *симулякров* – «пустых», десемантизированных знаков, в которых форма оторвана от содержания; формулируются прагмалингвистические характеристики *вежливости* как выражения оценочного отношения к партнеру по общению, исследуется соотношение *вежливости* и *политкорректности*. Рассматриваются прагмалингвистические свойства *насмешки* как коммуникативного приема, направленного на получение удовольствия от причинения кому-либо зла, выступающего в форме дразнилки, оскорбления, колкости, троллинга, эпиграммы, пародии и карикатурного портрета; а также *экзистенциальной иронии* в поэтическом тексте.

Вход в Зазеркалье – проникновение в символическую Вселенную языка и культуры требует немалых усилий, и «дверь в иное» [1, с. 9] – область нового, «неявного, не лежащего на поверхности, непредсказуемого» [2, с. 766] легко открывается только для посвященных. Как представляется, теоретические и методологические инновации в сфере лингвоконцептологии, жанроведения и теории дискурса, содержащиеся в монографии, найдут своего адресата и пользователя.

Библиографический список

1. Егазаров А. Иллюстрированная энциклопедия символов. – М.: Астрель-АСТ, 2003. – 723 с.
2. Ивин А.А. Символ // Философия: энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2004. – С. 766–768.
3. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
5. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
6. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. – М.: Гнозис, 2010. – 351 с.
7. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
8. Карасик В.И. Языковое проявление личности. – М.: Гнозис, 2015. – 384 с.
9. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – М.: Гнозис, 2019. – 424 с.
10. Карасик В.И. Языковые мосты понимания. – М.: Дискурс, 2019. – 524 с.
11. Карасик В.И. Языковые картины бытия. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. – 468 с.
12. Карасик В.И. Языковая пластика общения. – М.: Гнозис, 2021. – 462 с.
13. Карасик В.И. Языковая лестница познания. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. – 462 с.
14. Карасик В.И. Языковое преобразование реальности. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. – 500 с.
15. Карасик В.И. Языковые камертоны смысла. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024. – 416 с.
16. Карасик В.И. Языковые картины бытия. – М.: Гнозис, 2025. – 468 с.
17. Карасик В. И. Языковое древо жизни. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2025. – 496 с.

References in Roman script

1. Egazarov A. Illyustrirovannaya enciklopediya simvolov. – M.: Astrel'-AST, 2003. – 723 s.
2. Ivin A.A. Simvol // Filosofiya: enciklopedicheskij slovar'. – M.: Gardariki, 2004. – S. 766–768.
3. Karasik V.I. Yazyk social'nogo statusa. – M.: Gnozis, 2002. – 333 s.
4. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. – M.: Gnozis, 2004. – 390 s.
5. Karasik V.I. Yazykovye klyuchi. – M.: Gnozis, 2009. – 406 s.

6. Karasik V.I. Yazykovaya kristallizatsiya smysla. – M.: Gnozis, 2010. – 351 s.
7. Karasik V.I. Yazykovaya matrica kul'tury. – M.: Gnozis, 2013. – 320 s.
8. Karasik V.I. Yazykovoe proyavlenie lichnosti. – M.: Gnozis, 2015. – 384 s.
9. Karasik V.I. Yazykovaya spiral': cennosti, znaki, motivy. – M.: Gnozis, 2019. – 424 s.
10. Karasik V.I. Yazykovye mosty ponimaniya. – M.: Diskurs, 2019. – 524 s.
11. Karasik V.I. Yazykovye kartiny bytiya. – M.: Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2020. – 468 s.
12. Karasik V.I. Yazykovaya plastika obshcheniya. – M.: Gnozis, 2021. – 462 s.
13. Karasik V.I. Yazykovaya lestnica poznaniya. – M.: Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2022. – 462 s.
14. Karasik V.I. Yazykovoe preobrazovanie real'nosti. – M.: Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2023. – 500 s.
15. Karasik V.I. Yazykovye kamertony smysla. – M.: Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2024. – 416 s.
16. Karasik V.I. Yazykovye kartiny bytiya. – M.: Gnozis, 2025. – 468 s.
17. Karasik V.I. Yazykovoe drevo zhizni. – M.: Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2025. – 496 s.

References

1. Egazarov A. Illustrated Encyclopedia of Symbols. Moscow: Astrel-AST, 2003. – 723 p. (In Russian).
2. Ivin A. A. Symbol // Philosophy: Encyclopedic Dictionary. Moscow: Gardariki, 2004. – Pp. 766–768. (In Russian).
3. Karasik V.I. The Language of Social Status. Moscow: Gnosis, 2002. – 333 p. (In Russian).
4. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Moscow: Gnosis, 2004. – 390 p. (In Russian).
5. Karasik V.I. Language Keys. Moscow: Gnosis, 2009. – 406 p. (In Russian).
6. Karasik V.I. Language Crystallization of Meaning. – Moscow: Gnosis, 2010. – 351 p. (In Russian).
7. Karasik V.I. The Language Matrix of Culture. – Moscow: Gnosis, 2013. – 320 p. (In Russian).
8. Karasik V.I. The Linguistic Manifestation of Personality. – Moscow: Gnosis, 2015. – 384 p. (In Russian).
9. Karasik V.I. The Language Spiral: Values, Signs, Motivations. – Moscow: Gnosis, 2019. – 424 p. (In Russian).
10. Karasik V.I. Language Bridges of Understanding. – Moscow: Discourse, 2019. – 524 p. (In Russian).
11. Karasik V.I. Language Pictures of Being. – Moscow: A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language, 2020. – 468 p. (In Russian).
12. Karasik V.I. Linguistic Plasticity of Communication. – Moscow: Gnosis, 2021. – 462 p. (In Russian).
13. Karasik V.I. Language Ladder of Cognition. – Moscow: A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language, 2022. – 462 p. (In Russian).
14. Karasik V.I. Linguistic Transformation of Reality. – Moscow: A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language, 2023. – 500 p. (In Russian).
15. Karasik V.I. Linguistic Tuning Forks of Meaning. – Moscow: A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language, 2024. – 416 p. (In Russian).
16. Karasik V.I. Language Pictures of Existence. – Moscow: Gnosis, 2025. – 468 p. (In Russian).
17. Karasik V.I. Language Tree of Life. – Moscow: A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language, 2025. – 496 p. (In Russian).

УДК 372.881.161.1

Лесневска Димитрина Спасова
доктор филологии, доцент
Союз ученых в Болгарии
Филологическая секция
Болгария, г. София
e-mail: demetra3@gmail.com

Lesnevskas Dimitrina Spasova
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Union of Scientists in Bulgaria
Philological Section
Bulgaria, Sofia
e-mail: demetra3@gmail.com

Д.С. Лесневска

**КРОСКУЛЬТУРНА КОМУНИКАЦИЯ, ЕЖЕГОДНИК, ТОМ 3, 2026-СОФИЯ:
НОВЫЙ БОЛГАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2026. - 762 С. ISSN 3033-2095**

Аннотация. Рецензируемый сборник «Кроскультурна комуникация, годишник», Том 3, 2026 – София: Нов български университет, 2026. – 762 с. является академическим изданием Нового болгарского университета. Сборник содержит доклады, представленные на международной научно-практической конференции «Кроскультурна комуникация», которая состоялась в НБУ 13-14 ноября 2025. Доцент доктор Татьяна Федь, доцент доктор Теодора Ризова и главный ассистент Милка Хаджикотева являются членами Редакционного совета рецензируемого сборника. Цель данного ежегодника – исследование инновативных идей в области коммуникаций, туризма, экономики, управления, истории, культуры, языка и литературы, а также установление междисциплинарных связей.

Ключевые слова: кроскультурная комуникация, Новый болгарский университет, русский язык как иностранный

Для цитирования: Лесневска Д. С.

Кроскультурна комуникация, годишник, том 3, 2026

– софия: Нов български университет, 2026. – 762 с. ISSN 3033-2095. *Рецензия. Русистика без граници. Международно научно списание.* – София, 2026, Том X, кн. 3, С. 120–123.

D.S. Lesnevskas

**CROSS-CULTURAL COMMUNICATION, ANNUAL, VOLUME 3, 2026-SOFIA:
NEW BULGARIAN UNIVERSITY, 2026. - 762 PP. ISSN 3033-2095**

Abstract. The peer-reviewed collection «Cross-cultural communication», Annual, Volume 3, 2026-Sofia: New Bulgarian University, 2026. - 762 pp. is an academic publication of the New Bulgarian University. The collection contains reports presented at the international scientific and practical conference «Cross-cultural Communication, which was held in the NBU on November 13-14, 2025. Associate Professor Dr. Tatiana Fed, Associate Professor Dr. Theodora Rizova and Chief Assistant Milka Khadzhikoteva are members of the Editorial Board of the reviewed collection. The purpose of this annual is to explore innovative ideas in the fields of communications, tourism, economics, management, history, culture, language and literature, as well as to establish interdisciplinary links.

Keywords: cross-cultural communication, New Bulgarian University, Russian as a foreign language

For citation: Lesnevska D.S. Cross-cultural communication, Annual, Volume 3, 2026-Sofia: New Bulgarian University, 2026. - 762 pp. ISSN 3033-2095. *Review. Russian Studies without Borders. International scientific Journal.* – Sofia, 2026, Vol. X, Iss. 2, pp. 120–123.

Рецензируемый сборник содержит доклады, представленные на международной научно-практической конференции «Кроскултурна комуникация», которая состоялась в НБУ 13-14 ноября 2025. Сборник включает Введение, пять тематических разделов, сведения об авторах и фотографии. Представлены следующие разделы: *Коммуникации и туризм, Экономика и управление, История и культура, Язык и литература, Образование и дигитализация.*

Мы рассмотрим раздел *Язык и литература*, который включает 14 статей, и, частично, раздел *Образование и дигитализация* – 2 статьи. Статьи посвящены различным тематическим направлениям: лингвистическим, литературным, лингвокультурологическим, методическим, вопросам перевода. Ряд статей посвящены литературному (художественному) дискурсу. Статья И. Болшуновой (Новый болгарский университет), (с. 469–478) посвящена анализу перцептивной лексики в поэтическом идиостиле Анны Ахматовой. Эмпирическая часть статьи основана на сплошной выборке 394 лексем. В статье Ахматова предстает как автор акустико-визуального, эмоционально насыщенного идиостиля.

В статье Н. Бударинной (МГЛУ, Москва), (с. 479–490) анализу подвергается визуальная метафора в формате дискурса комикса на основе романа баского прозаика Ф. Арамбуру «Родина» (2016 г.) Сделан вывод о том, что создателю данного комикса (2020 г.) Тони Фейжула (Fejzula) удалось создать с помощью визуальной метафоры самостоятельное произведение. Статья богато иллюстрирована.

В статье К. Генева (Софийский университет им. Св. Климента Охридского), (с. 491–501) исследуется конструирование литературных образов в романе «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

В своей статье Й. Мостовска (Куево-Поморский университет в Бидгошче, Польша), (с. 554–562) сопоставляет коммуникацию в повести английского писателя польского происхождения Д. Конрада «Сердце мрака» (Conrad, J., 1994 [1899]. *Heart of Darkness*. London: Penguin Books) и в дневнике Б. Малиновского, польского антрополога британского гражданства, «Дневник в тесном смысле слова» (Malinowski, B. 1989 [1967]. *A Diary in the Strict Sense of the Term*. USA: Stanford University Press; Malinowski, B. 2007. *Dziennik w ścisłym znaczeniu tego wyrazu*. Cracow: Wydawnictwo Literackie). Мостовска находит ряд удивительных сходств в произведениях Конрада и Малиновского.

Статья М. Фаделя (Новый болгарский университет), (с. 577–582) сопоставляет жанр трагедии и жанр романа. Фадель рассматривает жанр как форму кроскултурной коммуникации и находит связь между романом и трагедией, причем связующим звеном обоих жанров является фигура иронии, осуществляющая их многозначность.

В своей статье «Пиесата на Н. В. Гогол „Картоиграчи“ в български контекст» Т. Федь (Новый болгарский университет), (с. 583–596) рассматривает рецепцию пьесы «Игроки» – комедии Н. В. Гоголя (1842 г.), в Болгарии. Федь комментирует различные переводы данной комедии, сценичные постановки в Болгарии, а также критику. Прокомментированы рецензии на различные болгарские театральные постановки.

В разделе *Язык и литература* представлены также статьи, посвященные дипломатическому, туристическому и торговому дискурсу. Дипломатический дискурс является предметом исследования М. Коновой (Софийский университет им. Св. Климента Охридского), (с. 523–534) в статье «Перевод обращений в дипломатии – международные нормы и их нарушения». Конова комментирует роль переводчика как активного участника дипломатического дискурса.

Особенности туристического дискурса анализируются в статье Д. Стойновой «Лексеми с компонент СМАРТ- в руския туристически дискурс (върху материали от интернет източници), (с. 563–574). Стойнова представляет Бургасский государственный университет им. Проф. доктора Асена Златарова. Материал статьи выявил высокую частотность заимствований «смарт-отель», «смарт-туризм», «смарт-турист». Данные сложные слова воспроизводят утвержденные в международной туристической сфере номинации, которые применяются в русском интернете как готовые терминологические модели в формате русского туристического дискурса.

В статье Д. Лесневской (Союз ученых Болгарии), (с. 535–544) рассматриваются особенности эпистолярного торгового дискурса на русском и болгарском языке в сопоставительном плане. В контексте речевых актов представлена классификация простых коммерческих писем. Рассмотрены особенности современного дискурсивного обучения иностранным языкам, в частности обучения РКИ, в инославянской болгарской аудитории. Комментируется дискурсивный полилингвальный подход в обучении иностранным языкам, реализующий диалог равноправных культур в межкультурном русско-болгарском общении. На базе классификации коммерческих писем представлена система упражнений на уроках РКИ для специальных целей в болгарской аудитории Университета национального и мирового хозяйства, София, Болгария.

Лингводидактические вопросы рассмотрены также в статье Т. Шилниковой (независимый исследователь, София), (с. 596–604) «Языковой конкурс: от идеи до реализации». Проанализирована такая форма организации студенческих мероприятий, как языковой конкурс. Исследуемая модель отработана и практически реализуется в университете г. Новосибирска, Россия, более 20 лет. В статье предлагаются различные задания для гостей и зрителей конкурса.

В статье Е. Стояновой (Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского), (с. 729–734), раздел *Образование и дигитализация*, рассматривается «КЛИЛ инструменты в преподавании РКИ для специальных целей». В статье подтверждается актуальность КЛИЛ как предметно-языкового интегрированного обучения в современном образовании.

Статья М. Хаджитековой (Новый болгарский университет), (с. 735–745), раздел *Образование и дигитализация*, посвящена иноязычному обучению с применением инструментов искусственного интеллекта. Комментируется применение чатов Gemini и

ChatGPT при обучении иностранных языков, в частности, на уроках английского языка как иностранного в студенческой аудитории.

В статье О. Георгиевой-Теновой, П. Поповой «Четене на български език в неделните училища зад граница» (Новый болгарский университет), (с. 515–522) предлагается модель чтения текстов, которые привлекают своим мастерством детей к чтению на родном болгарском языке. В статье утверждается Национальная программа «Роден език и култура зад граница» в поддержку Ассоциации болгарских школ за рубежом».

Лексикологические особенности языка затронуты в статье И. Георгиевой (Новый болгарский университет), (с. 503–514) «Относно когнитивната синонимия и колокациите». В статье И. Георгиевой рассматривается когнитивная синонимия с прагматической точки зрения.

Вопросы лингвокультурологии исследуются в статье В. Манчева (Софийский университет им. Св. Климента Охридского», (с. 545–551) «О принципе соблюдения хронологии и историчности с точки зрения лингвокультурологии». Анализируется взаимосвязь принципа соблюдения хронологии и историчности с развитием лексики.

Тема лингвокультурологии затронута также в статье Н. Янминчевой-Марковой (Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского), (с. 605–614). Автор данной статьи рассматривает фразеологизмы в контексте межкультурного диалога. Фразеологические единицы выступают как структуры культурной памяти в контексте межкультурной коммуникации.

В заключение подчеркиваем актуальность рецензируемого сборника. Сделан значимый вклад в развитие теории и практики межкультурной коммуникации.

ХРОНИКА

УДК 372.881. 161.1

Елена Михайловна Маркова
доктор филологических наук, профессор
Экономический университет
Словакия, г. Братислава
e-mail: elena-m-m@mail.ru

Elena Mikhailovna Markova
Professor, Dr. Sc. (Philology)
University of Economics
Slovakia, Bratislava
e-mail: elena-m-m@mail.ru

Е.М. Маркова БРАТИСЛАВСКИЕ ВСТРЕЧИ 2026

Аннотация. В статье представлена хроника прошедшего в сентябре IX Международного форума русистов «Братиславские встречи». Организованный Ассоциацией словацких русистов (АРС) в память об инициаторе и вдохновителе Братиславских встреч, лидере словацких русистов на протяжении нескольких десятилетий профессоре Эве Колларовой форум собрал участников из более чем 10 стран. Форум проходил в формате круглых столов: один из них был посвящен личности Эвы Колларовой, на втором обсуждались проблемы культуроведческого направления в русскоязычном образовании, третий собрал тех, кому интересны современные учебники по РКИ и периодические журналы по русистике в России и за рубежом. «Вишенкой на торте» встречи русистов в Братиславе была концертная программа, в которой звучали песни на русском и словацком языках.

Ключевые слова: Братиславские встречи, форум русистов, Словакия

Для цитирования: Е.М. Маркова. Братиславские встречи 2026. *Русистика без границ. Международно научно списание.* – София, 2026, Том X, кн. 3, С. 124–129.

Е.М. Markova BRATISLAVA MEETINGS 2026

Abstract. This article presents a chronicle of the 9th International Forum of Russian Studies Specialists, «Bratislava Meetings», held in September. Organized by the Association of Slovak Specialists in Russian Studies (ARS) in memory of Professor Eva Kollárová – the initiator and driving force behind the «Bratislava Meetings» and a long-time leader of the Slovak Russian studies community – the forum brought together participants from over ten countries. The event featured a series of roundtables: one was dedicated to the life and work of Eva Kollárová; another addressed issues regarding the cultural studies approach in Russian-language education; and a third gathered those interested in modern textbooks for teaching Russian as a foreign language and Russian studies periodicals from Russia and abroad. The «icing on the cake» of the meeting in Bratislava was a concert program featuring songs in both Russian and Slovak.

Keywords: Bratislava Meetings, forum of Russian studies specialists, Slovakia

For citation: Markova E.M. Bratislava meetings 2026. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal.* – Sofia, 2026, Vol. X, Iss. 3, pp. 124–129.

18–19 сентября 2026 г. в Братиславе прошли Братиславские встречи – IX международный форум русистов. Последние состоялись в 2019 году, их организатором, вдохновителем, режиссером, душой была проф. Эва Колларова, которой уже больше года нет с нами. Встречи в этом году проводились в память о ней под лозунгом, выдвинутым в свое время Е. И. Пассовым: «Язык через культуру – культура через язык» и ставшим благодаря ему и Эве Колларовой формулой иноязычного образования XXI века. Событие проходило в отеле Мариотт в центре Братиславы – в том самом месте, где они проводились и в последний раз. В нем приняли участие преподаватели и ученые из Словакии, Чехии, России, Польши, Болгарии, Румынии, Армении, Беларуси и других стран. Организаторами его стали члены президиума Ассоциации словацких русистов (АРС), которую много лет возглавляла и представляла в МАПРЯЛ проф. Эва Колларова.

На торжественной церемонии открытия с приветственным словом выступили Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Словацкой Республике Сергей Вадимович Андреев; культурный атташе Посольства Российской Федерации в Словацкой Республике Инна Викторовна Кузнецова; проректор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, вице-президент МАПРЯЛ, вице-президент РОПРЯЛ, член Российской академии образования Татьяна Владимировна Кортава; директор Российского центра науки и культуры в Братиславе Ольга Ивановна Крошкина; председатель Союза Русских в Словакии Наталья

Геннадьевна Чумак. Вели первый день форума вице-президенты АРС профессор Университета в г. Прешове Любомир Гузи, преподаватель языковой школы в Братиславе Милан Буйняк и преподаватель кафедры славянских языков Экономического университета в г. Братиславе Екатерина Борисова. Почтил своим присутствием Братиславские встречи и словами благодарности организаторам и присутствующим и сын Эвы Колларовой – Роман Коллар.

По традиции, установленной Эвой Колларовой, форум проводился в виде круглых столов. Первый был посвящен личности Эвы Колларовой как человека и как педагога. Его предваряли, открывая научную часть, два пленарных доклада, сделанных Татьяной Владимировной Кортова и Миланом Буйняком. Они задали тон и определили векторы обсуждения направлений современного русскоязычного образования. Названием первого, посвященного личности профессора Колларовой, стала строчка стихотворения В. Маяковского: «Светить всегда, светить везде, до дней последних донца...», отражающая суть ее натуры, ее неповторимости, жизненной и профессиональной позиции. В докладе была дана не только характеристика светлой и целеустремленной личности Эвы Колларовой, ее роли в словацкой русистике и методике преподавания русского языка в Словакии, но и истоки ее самозабвенной любви к русскому языку и русской культуре, которые уходили корнями в тесные научные и человеческие связи русских и чехословацких лингвистов.

Доклад Милана Буйняка «КУЛЬТУРА ОСТАЁТСЯ... За мудростью красоты и красотой мудрости: словацкая культурологическая школа профессора Эвы Колларовой» был посвящен культурологической концепции обучения, разработанной ею и реализованной в дигитализированном учебнике «Встречи с Россией. Сегодня». Учебник не был закончен при жизни автора, и сейчас ее последователи Милан Буйняк и Моника Барчакова заканчивают работу над ним в русле концепции своего учителя. А Милан Буйняк готовится защитить диссертацию, основанную на этой концепции, в Москве, в МГУ им. М. В. Ломоносова. Отрадно, что у профессора Колларовой такие замечательные и преданные ученики, что ее идеи упали на благодатную почву и будут продолжены в работах и в практике преподавания русского языка в Словакии.

Круглый стол № 1 «Педагогика: талант и любовь. Личность и наследие профессора Эвы Колларовой» был посвящен памяти лидера словацкой русистики на протяжении трех последних десятилетий. Своими воспоминаниями поделились ученые и коллеги, хорошо знавшие профессора Колларову, близкие ей духовно и профессионально: проф. Валерий Владимирович Прозоров из Саратова (Россия), проф. Ирина Павловна Лысакова (Санкт-Петербург, Россия), проф. Лилия Леонидовна Вохмина (Москва, Россия), Марина Ивановна Яскевич (Москва, Россия), проф. Рафаэль Гусман Тирадо (Гранада, Испания), Йиржи Клапка (Прага, Чехия), проф. Лианна Матевосян (Ереван, Армения), Евгения Александровна Журавлева (Казахстан), Лиляна Цонева (Болгария) и другие участники.

На круглом столе № 2 «От *homo loquens* к *homo moralis* и *homo spiritualis*» обсуждались проблемы культурологического направления иноязычного образования. Проф. Любомир Гузи (Институт русистики, г. Прешов, Словакия) в докладе «Неизвестная Россия – рубеж XIX–XX вв. Время реформ, надежд, разочарований»

обратился к важному историческому периоду в истории России, рассказывал о том, как исторические данные помогают осмыслить культурное прошлое России. Проф. Анатолий Леонидович Бердичевский (Австрия), руководитель европейских проектов по разработке учебников по РКИ и для билингвов, свой доклад посвятил межкультурному образованию средствами русского языка в славянской аудитории. В докладе проф. Елены Михайловны Марковой (Братислава, Словакия) «Язык как транслятор национальной культуры» речь шла о культураносности самого языка, в частности его лексического состава, транслирующего с помощью внутренней формы, переносных и вторичных значений, фразеологии культурные представления того или иного народа. О связи грамматики языка и культурных представлений его носителей шла речь в докладе доц. РУДН (Москва) Елены Сергеевны Смолий «Да нет, наверно...»: почему грамматика оказывается бессильной без культурного кода». Проф., член Президиума МАПРЯЛ Аксиния Красовски (Бухарест, Румыния) говорила об элементах культурной антропологии на примере феномена старообрядчества.

Ряд выступлений был посвящен различным кодам культуры и их национальному своеобразие. Представитель Шуменского университета им. епископа К. Преславского Елена Стоянова в докладе «Числовой код культуры – от устойчивости к переменам» обратилась к числовому коду в русской и болгарской культурах. Ученые из Беларуси проф. Ирина Павловна Зайцева (Витебский университет им. ПП. М.Машерова) в докладе «Номинации-фитонимы в славянских лингвокультурах как элементы национально-языковых картин мира» и доц. Татьяна Викторовна Сивова (Гродненский университет им. Я. Купалы) в докладе «Дискурсивная вариативность цветообозначения ивы в современном русском языке» продемонстрировали анализ древесного кода культуры.

Поднимались в докладах и вопросы методического характера, касающиеся реализации культуроведческого направления в практике преподавания. Татьяна Нейчева (Пловдивский университет им. П. Хилендарского, Болгария) выступила с темой «От первого восприятия к культурному комментарию произведения изобразительного искусства на уроках РКИ: «Сватовство майора» и «Рацея» Павла Федотова». Проф. РУДН (Москва) Татьяна Викторовна Коренькова провела небольшой мастер-класс по анализу рассказа «Студент» в школе. Проф. МГУ им. М. В. Ломоносова Л. А. Дунаева в докладе «Лингводидактический потенциал современного российского музея: натурный урок и иммерсивные практики» раскрыла возможности музеев в культурологически направленном обучении РКИ.

Все круглые столы шли поочередно, как это ввела в свое время проф. Э. Колларова, и все участники могли присутствовать на любом из них и участвовать в обсуждении поднимаемых проблем. Круглый стол №3 «Живое слово русистики: учебники нового поколения и голоса профессиональных журналов» проходил во второй день работы форума и, как и предыдущие два, вызвал живой интерес и активность участников. Здесь были представлены новинки учебной литературы. Так, доц. Валерий Владимирович Частных (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) представил учебник по РКИ нового поколения «Самолет». Моника Барчакова и Милан Буйняк (Ассоциация словацких русистов) рассказали о дальнейших шагах по реализации цифрового национального культуроведческого учебника русского языка «Встречи с Россией.

Сегодня». Обсуждались и вопросы периодической печати по русистике. Проф. Елена Михайловна Маркова (Братислава, Словакия) сделала обзор новейших учебников по РКИ, вышедших в издательствах «Русский язык. Курсы» и «Златоуст», и журналов, освещающих вопросы современной русистики, в числе которых такие известные российские издания, как «Русский язык за рубежом», «Русский язык в школе», «Русистика», «Мир русского слова», «Филологический класс», «Русская речь», «Профессорский журнал: Русский язык и литература» и др., а также европейских «Русистика без границы» (София, Болгария), «Cuadernos de Rusística Española» (Гранада, Испания), «Lingua et Vita» (Словакия), «Проблемы современной русистики» (Ереван, Армения), охарактеризовала их направленность, рубрикации, присутствие в различных базах данных. Сделанный обзор дополнили Марина Ивановна Яскевич (Россия) и Любомир Гузи (Прешов, Словакия) докладом «Русский язык в центре Европы» – живой язык современной русистики» – о журнале, созданном и долгие годы возглавляемом Эвой Колларовой, главным редактором которого стал профессор Л. Гузи из Прешова. О журнале «Lingua et vitae» факультета прикладных языков Экономического университета в Братиславе, главными направлениями которого являются лингвистика и межкультурная коммуникация, рассказал его главный редактор Роман Квапил.

Конечно, такое важное лингвокультурное мероприятие не могло обойтись без концертной программы, представленной словацкими и чешскими исполнителями и названной организаторами «Встречи с Россией в синтезе искусств». Звучали народные

песни на русском и словацком языках не только под аккомпанемент гитары, но и словацкого народного инструмента.

Все мероприятие было проникнуто теплом и светом, душевностью и любовью, идущими от его вдохновителя Эвы Колларовой, в очередной раз соединившей и сплотившей всех участников под своим крылом. Оно еще раз доказало, что если служить горячо и преданно великому делу – делу Просвещения, как ему служила профессор Эва Колларова, то это принесет заслуженные плоды: в виде преданных учеников, верных друзей и благодарных коллег. Будем ждать новых Братиславских встреч!

УДК 81.42

Лесневска Димитрина Спасова
доктор филологии, доцент
Союз ученых в Болгарии
Филологическая секция
Болгария, г. София
e-mail: demetra3@gmail.com

Lesnevskia Dimitrina Spasova
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Union of Scientists in Bulgaria
Philological Section
Bulgaria, Sofia
e-mail: demetra3@gmail.com

Д.С. Лесневска
**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЕКСТ В
ИНТЕГРАТИВНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ» – СЛОВАКИЯ, НИТРА, 2026**

Аннотация. 10 сентября 2026 г. на Философском факультете Университета имени Константина Философа в г. Нитра, Словакия, состоялась Международная научная конференция «Текст в интегративных взаимосвязях». Конференция была открыта доцентом кафедры славянских филологий Яном Гало. Конференция проводилась в смешанном

очно-онлайн режиме, что повысила возможность участия в ней. В пленарном заседании были зачитаны три доклада», были проведены две секции: «Лингвопрагматические особенности текста и дискурса», «Текст в культуре». В конференции приняли участие ученые из 8 стран: Словакия, Беларусь, Болгария, Германия, Польша, Россия, Украина, Япония. Конференция в Нитре 2026 прошла с большим успехом, были намечены новые пути исследований в области текста и дискурса.

Ключевые слова: Университет имени Константина Философа, Нитра, международная конференция, текст, дискурс, культура

Для цитирования: Лесневска Д.С. Международная научная конференция «Текст в интегративных взаимосвязях» – Словакия, Нитра, 2026. *Русистика без границы. Международно научно списание.* – София, 2026, Том X, кн. 3, С. 130–133.

D.S. Lesnevskia
**INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «TEXT IN INTEGRATIVE
INTERRELATIONS» – SLOVAKIA, NITRA, 2026**

Abstract. On September 10, 2026, the International Scientific Conference «Text in Integrative Interrelations» was held at the Faculty of Philosophy of Constantine the Philosopher University in Nitra, Slovakia. The conference was opened by Associate Professor of the Department of Slavic Philology Jan Gallo. The conference was held in a mixed face-to-face and online mode, which increased the opportunity to participate in it. Three reports were read out at the plenary session, two sections were held: «Linguistic and pragmatic features of text and discourse», «Text in culture». The conference was attended by scientists from 8 countries: Slovakia, Belarus, Bulgaria, Germany, Poland, Russia, Ukraine, and Japan. The Nitra 2026 conference was a great success, and new research paths in the field of text and discourse were outlined.

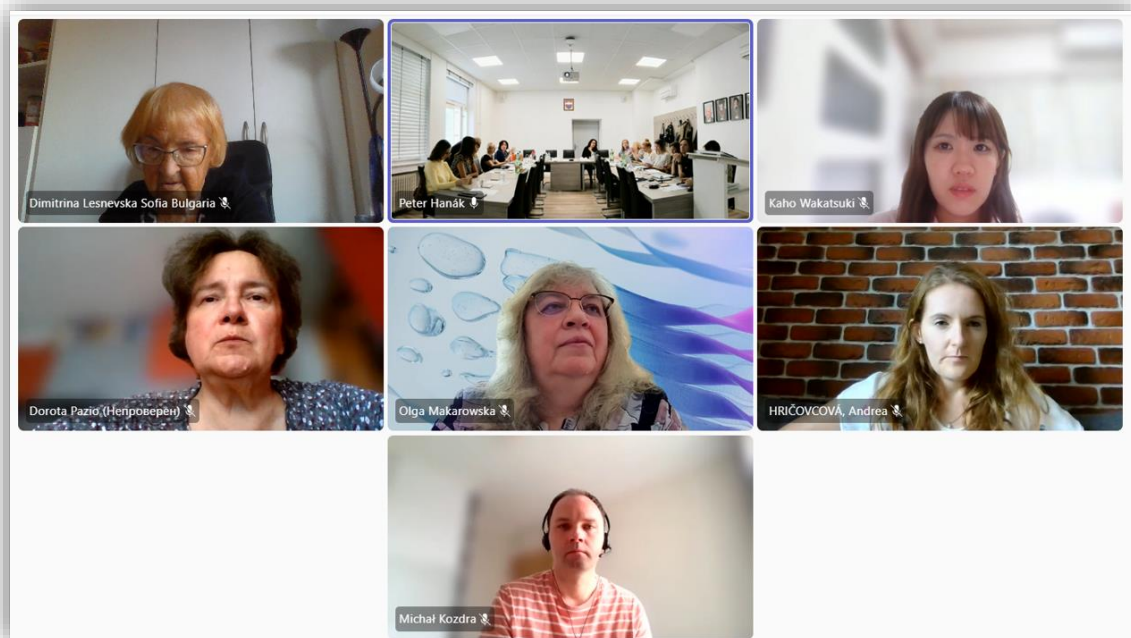
Keywords: Constantine the Philosopher University, Nitra, international conference, text, discourse, culture

For citation: Lesnevská D.S. International scientific conference «Text in integrative interrelations» – Slovakia, Nitra, 2026. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*. –Sofia, 2026, Vol. X, Iss.3, pp. 130–133.

....

Международная научная конференция, которая состоялась 10 сентября 2026 г. в Университете имени Константина Философа в Нитре, проходила по следующей теме: «Text v integratívnych súvislostiach» /«Текст в интегративных взаимосвязях». Конференция была открыта деканом Философского факультета, прозвучали приветственные слова доцента Ján Gallo. После окончания торжественной части состоялось Пленарное заседание, которое включало три доклада. Наталья Месельман (Университет в Нитре) представила доклад на тему «Паремия: между текстом и фразеологией», анализируя русские и словацкие пословицы, поговорки, народные приметы, загадки и считалки.

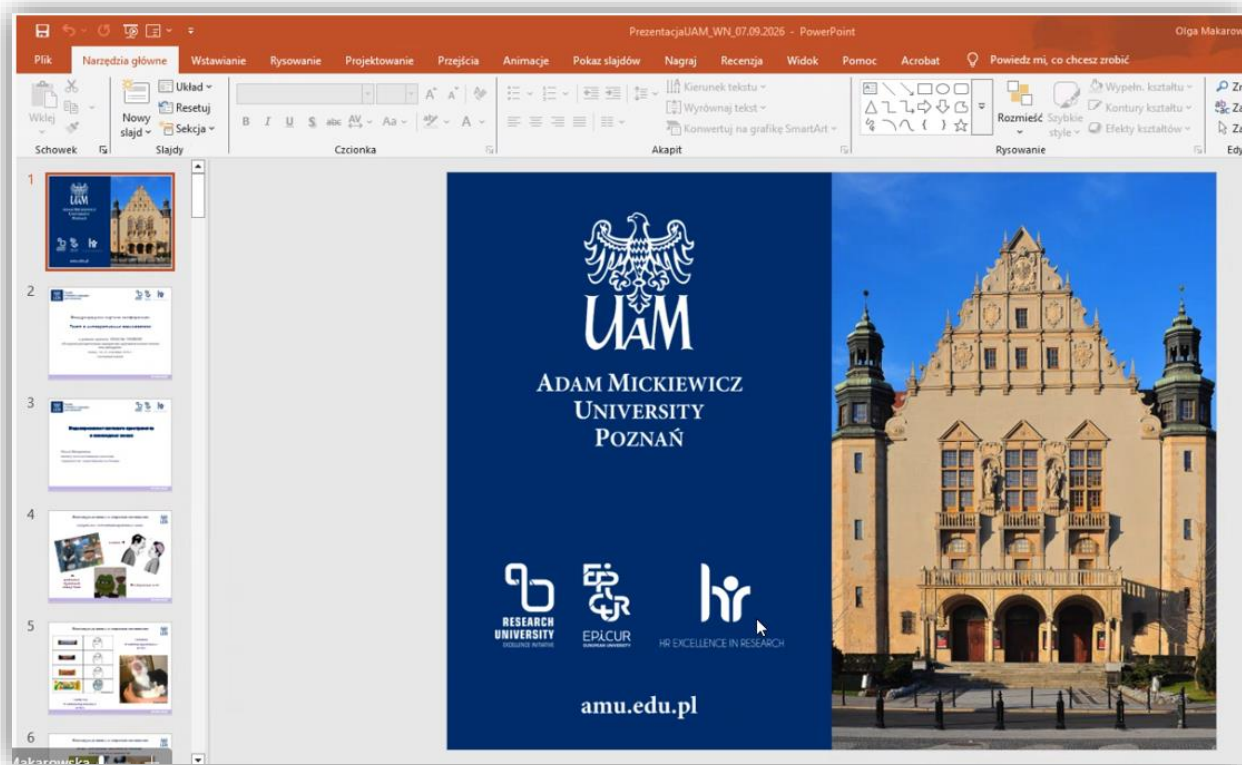
Zuzana Kováčová (Университет в Нитре) зачитала доклад на методическую тему о культурно-лингвистических подходах к изучению (чтению) текста. В режиме онлайн выступил Дмитрий Дятко, представивший Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск. Статья Д. Дятко была посвящена религиозному дискурсу в белорусских переводах. После каждого доклада проводилась интересная дискуссия.

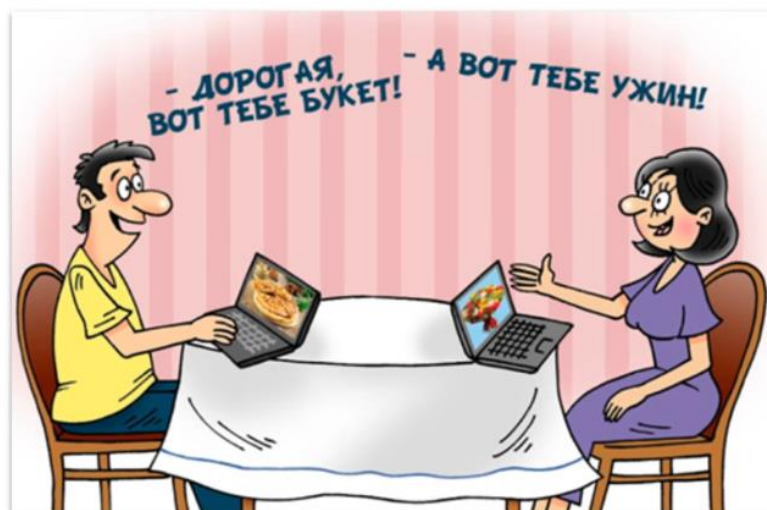
Первая секция до обеда «Lingvopragmatické osobitosti textu a diskurzu» / «Лингвопрагматические особенности текста и дискурса» объединила 4 доклада: 2

доклада онлайн представителей Польши и два доклада представителей Университета в Нитре. Модератором первой секции выступил Ян Гало.

Ольга Макаровска из Университета имени Адама Мицкевича, Познань, представила доклад, посвященный тексту иконоидных мемов. Михал Коздра из Варшавского университета посвятил свой доклад меминг дискурсу, в частности, механизмам комического эффекта в русскоязычных мемах.

Эффект обманутого ожидания

Алена Калечиц (Университет в Нитре) зачитала доклад, посвященный медийному дискурсу. Богдана Кравченко (Университет в Нитре) представила доклад на тему устного педагогического дискурса. После каждого доклада задавались вопросы докладчику, шла оживленная дискуссия.

После обеда первая секция была продолжена. Модератором выступила Алена Калечиц. Были прослушаны 5 докладов. Димитрина Лесневска (София, Союз ученых в Болгарии) выступила онлайн на тему о прагмалингвистических особенностях эпистолярного торгового дискурса в рамках сопоставительного анализа русских и болгарских коммерческих писем. Была представлена прагматическая классификация коммерческих писем.

Ян Гало (Университет в Нитре) рассмотрел в своем докладе дискурс-анализ как междисциплинарный метод исследования. Коллега из Токийского университета международных исследований Кахо Вакацуки представила онлайн свой доклад *«Left Branch Extraction на интерфейсе синтаксиса и дискурса»*. Федор Миляев (Университет в Нитре) зачитал доклад о специфике рекламного текста. Petronela Kováčová (Университет в Нитре) посвятила свой доклад судебному дискурсу.

Вторая секция «Text v kultúre» / «Текст в культуре» до обеда включала 4 доклада. Модератором была Наталья Месельми. Dorota Pazio-Wlazłowska (Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, Warszawa, online) выступила с докладом *«Za tęczowym mostem w połowie drogi do nieba – tekstowe wizje zwierzęcego raju»*. Ольга Ермачкова из Университета св. Кирилла и Мефодия в Трнаве представила доклад *«Прагматический потенциал новых фразеологизмов в русско- и украиноязычном интернет-дискурсе»*, Юлія Москвич (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, лектор УКФ в Нитре) зачитала доклад *«Місто як текст у збірці "Мій дід танцював краще за всіх" Катерини Бабкіної»*. Svetlana Žeňuchová Šašerina (Университет в Нитре) представила доклад *«Každodennost' v rukopisných prameňoch byzantského obradu na Slovensku»*.

После обеда была проведена вторая часть второй секции. Модератором секции выступила Светлана Женьухова-Шашерина. Были представлены 4 доклада. В своем докладе Тамара Куприна из УРФУ им. Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, рассмотрела онлайн житейскую мудрость китайского народа. Андреа Спишиакова из Университета св. Кирилла и Мефодия в Трнаве представила онлайн доклад *«Jazyk prevrátenej reality v dystopickom románe Vaky Zdenky Kollárovej»*. Наталья Фунт из Галле-Виттенбергского университета им. Мартина Лютера зачитала методический доклад о фразеологических конструкциях в обучении РКИ. Доминика Беднарикова (Университет в Нитре) представила доклад *«Koncept PRAVDY a LŽI v slovenskej poézii 19. storočia»*.

В конце конференции были подведены итоги. Конференция прошла с большим успехом, были намечены новые пути исследований текста и дискурса в славяноязычной коммуникации в тесной связи с культурой. Выражаем свою огромную благодарность организаторам конференции ! До новых встреч на пути к успешному сотрудничеству !

ИЗИСКВАНИЯ ЗА ОФОРМЯНЕ НА МАТЕРИАЛИТЕ

Електронните версии на статиите да се изпращат като прикачен файл на адрес: **rusistikabg@gmail.com**. В отделен текстов документ да се приложи справка за автора: *трите имена без съкращения, научна степен, научно звание, работно място, длъжност, град, страна, домашен адрес, телефон, e-mail*.

За публикуване се приемат **оригинални, непубликувани досега** в други печатни издания материали на **руски, български, украински и английски езици**.

Списанието излиза четири пъти годишно: **30 март, 30 юни, 30 септември и 30 декември**. Материалите се приемат до **15 число** на месеците март, юни, септември и декември.

ОБЩИ ИЗИСКВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер на страницата: A4.

Шрифт: Times New Roman, 12 pt.

Междуредие: Single.

Поleta: горно и долно – 2,5 см, ляво и дясно – 2,5 см.

Абзацен отстъп: 1 см.

Без номериране на страниците, подравняване на текста: Justify.

ОФОРМЯНЕ НА СТАТИИТЕ

- Ако статията е на **руски език**, то на **руски език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научна степен, научно звание; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **английски език** (*данните на автора (научно звание, научна степен), заглавието на статията, анотация, ключови думи*). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).
- Ако статията е на **български език**, то на **български език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научно звание, научна степен; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **английски език** (*данните на автора (научно звание, научна степен), заглавието на статията, анотация, ключови думи*). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).
- При съставяне на **анотацията** се спазва определения лимит от 850 знака без интервали, най-малко 10 реда. Анотацията трябва да съдържа актуалност, определяне на проблема, материал и методология, резултати и заключение.
Например:

МОЛИМ ДАННИТЕ ДА СЕ ОФОРМЯТ В ЕДНА КОЛОНА, КАКТО Е ПОКАЗАНО:

УДК 80 (12 pt.)

Боянова Стефка Манолова (11pt.)

доцент, доктор по филология

Югозападен университет «Неофит Рилски»

България, гр. Благоевград

e-mail: stefka3@mail.bg

Boyanova Stefka Manolova (11pt.)

Assistant Professor, Ph.D. in philology

South-West University «Neofit Rilski»

Bulgaria, Blagoevgrad

e-mail: stefka3@mail.bg

С.М. Боянова (12 pt.)

**ПРОБЛЕМИ НА ПРЕПОДАВАНЕТО НА РУСКИ ЕЗИК КАТО ЧУЖД В БЪЛГАРСКА
СРЕДА**

Анотация. 11 pt., 850 знака без интервали

Ключови думи: 11 pt., не повече от 10 думи

S.M. Boyanova (12 pt.)

PROBLEMS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE BULGARIAN ENVIRONMENT

Abstract. 11 pt. 850 знака без интервали

Keywords: 11 pt., не повече от 10 думи

- Ако статията е на **украински език**, то на **украински език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научно звание, научна степен; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **английски език** (данните на автора (научна степен, научно звание), заглавието на статията, анотация, ключови думи). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).
- Ако статията е на **английски език**, то на **английски език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научно звание, научна степен; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **руски език** (данните на автора (научна степен, научно звание), заглавието на статията, анотация, ключови думи). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).

ОСНОВЕН ТЕКСТ НА СТАТИЯТА

Текстът на **руски/български/украински/английски език**: 12 pt., обем: до 20 000 знака с интервалите. **Бележките към текста** (footnotes) се дават под линия на всяка страница с арабска номерация, 10 pt. **Цитирането** на източниците в текста се дават в квадратни скоби [номер от библиографическия списък, страница], например: [2], [7, с. 84]. Номерацията при цитирането се формира в **азбучен ред**. Примерите се оформят в *Italic*. Използвайте кавички тип «angle quotes». Графиките, рисунките и фотографиите се прилагат в текста веднага след тяхното посочване в текста. Названието на рисунките се дава под тях след думата «Рис.» с пореден номер (10 pt.).

Библиографическият списък (11 pt.) се прилага след текста на статията **на езика на оригинала в азбучен ред**, след това на латиница чрез транслитерация на кирилицата и преведен на английски език в съответствие с изискванията. Инициалите не се разделят с интервали. Да се включват **само работи, цитирани в текста**. Напр.:

Библиографически списък

1. Горшков Л.М. Русский язык и культура речи // Стилъ. – 2006. – № 4. – С. 65–70.
2. Иванов Т.Р. Диалогът в образованието. – София: Сиела, 2020. – 200 с.
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

References in Roman script

1. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stily. – 2006. – № 4. – S. 65–70.
2. Ivanov T.R. Dialogat v obrazovaniето. – Sofia: Siela, 2020. – 200 s.
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

References

1. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture // Style, 2006. –no 4. – pp.65–70. (In Russian).
2. Ivanov T.R. Dialogue in education. – Sofia: Siela Publ., 2020. – 200 p. (In Bulgarian).
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

Материали, не съответстващи на горепосочените изисквания, не се разглеждат.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **rusistikabg@gmail.com**. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*.

К публикации принимаются **оригинальные, неопубликованные ранее** в других печатных изданиях материалы на **русском, болгарском, украинском и английском языках**.

Журнал выходит четыре раза в год: 30 марта, 30 июня, 30 сентября и 30 декабря. Материалы принимаются до 15 числа марта, июня, сентября и декабря.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2,5 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

- Если статья публикуется на **русском языке**, то на **русском языке** приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора (ученое звание, ученая степень), заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.
- При написании **аннотации** необходимо придерживаться установленного лимита 850 знаков без пробелов, не менее 10 строк. Аннотация должна включать актуальность, постановку проблемы, материал и методику, результаты и выводы.

Например:

ПРОСИМ ОФОРМЛЯТЬ ДАННЫЕ В ОДНУ КОЛОННУ, КАК ПОКАЗАНО:

УДК 81 (12 пунктов)

Иванов Виктор Борисович (11 пунктов)
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: ivanov@rambler.ru

Ivanov Viktor Borisovich (11 пунктов)
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: ivanov@rambler.ru

В.Б. Иванов (12 пт.)

ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Аннотация. 11 пт., 850 знаков без пробелов, не менее 10 строк

Ключевые слова: 11 пт., не более 10 слов

V.B. Ivanov (12 пт.)

PSYCHOLOGISM OF LEO TOLSTOY'S PROSE

Abstract. 11 пт., 850 знаков без пробелов, не менее 10 строк

Keywords: 11 пт., не более 10 слов

- Если статья публикуется на **болгарском языке**, то на **болгарском языке** приводятся *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученое звание, ученая степень; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора (ученое звание, ученая степень) заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.
- Если статья публикуется на **украинском языке**, то на **украинском языке** приводятся *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученое звание, ученая степень; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора (ученое звание, ученая степень) заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.
- Если статья публикуется на **английском языке**, то на **английском языке** приводятся *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученое звание, ученая степень; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **русском языке** (*данные автора (ученое звание, ученая степень) заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском/болгарском/украинском/английском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2], [7, с. 84]; нумерация ссылок формируется **в алфавитном порядке**. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт).

Библиографический список (11 пт.) приводится после текста статьи **на языке оригинала в алфавитном порядке**, затем латиницей через транслитерацию кириллицы и переведенный на английский язык в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003. Инициалы не разделяются пробелами. Включаются **только работы, указанные в ссылках**. Напр.:

Библиографический список

4. Горшков Л.М. Русский язык и культура речи // Стил. – 2006. – № 4. – С. 65–70.
5. Иванова Н.П. Диалог в образовании. – М.: Экспресс, 2011. – 156 с.

References in Roman script

4. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stily. – 2006. – № 4. – S. 65–70.
5. Ivanova N.P. Dialog v obrazovanii. – M.: Ekspress, 2011. – 156 s.

References

4. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture // Style. – 2006. – no 4. – pp.65–70. (In Russian).
5. Ivanova N.P. Dialogue in education. Moscow: Express Publ., 2011. –156 p. (In Russian).

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

ВИМОГИ ДО ОФОРМЛЕННЯ МАТЕРІАЛІВ

Електронні версії статей треба направляти як прикріплений файл до листа за допомогою електронної пошти на адресу редакції: **rusistikabg@gmail.com**. В окремому текстовому документі додається довідка про автора: *ПІБ (повністю), науковий ступінь, вчене звання, місце роботи, посада, місто, країна, домашня адреса, контактний телефон, електронна адреса*.

До публікації приймаються **оригінальні, неопубліковані раніше** в інших друкованих виданнях матеріали **російською, болгарською, українською чи англійською мовою**.

Журнал виходить чотири рази на рік: 30 березня, 30 червня, 30 вересня та 30 грудня. Матеріали приймаються до 15 березня, 15 червня, 15 вересня і 15 грудня.

ЗАГАЛЬНІ ВИМОГИ

Формат: Microsoft Word.

Розмір сторінки: A4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктів.

Міжрядковий інтервал: одинарний.

Поля: верхнє і нижнє – 2,5 см, ліве і праве – 2,5 см.

Абзацний відступ: 1 см.

Без нумерації, вирівнювання тексту по ширині.

ОФОРМЛЕННЯ СТАТЕЙ

- Якщо стаття публікується **російською мовою**, то **російською мовою** наводяться: *прізвище, ім'я, по батькові автора; посада, науковий ступінь, вчене звання; повна назва організації; країна, місто; адреса ел. пошти; назва статті, анотація, ключові слова*, а потім **англійською мовою** (*дані автора, включаючи вчене звання, науковий ступінь, назва статті, анотація, ключові слова*). Обов'язковим елементом статті є індекс УДК.
- Якщо стаття публікується **болгарською мовою**, то **болгарською мовою** наводяться *прізвище, ім'я, по батькові автора; посада, вчене звання, науковий ступінь; повна назва організації; країна, місто; адреса ел. пошти; назва статті, анотація, ключові слова*, а потім **англійською мовою** (*дані автора, включаючи вчене звання, науковий ступінь, назва статті, анотація, ключові слова*). Обов'язковим елементом статті є індекс УДК.
- Якщо стаття публікується **українською мовою**, то **українською мовою** наводяться *прізвище, ім'я, по батькові автора; посада, вчене звання, науковий ступінь; повна назва організації; країна, місто; адреса ел. пошти; назва статті, анотація, ключові слова*, а потім **англійською мовою** (*дані автора, включаючи вчене звання, науковий ступінь, назва статті, анотація, ключові слова*). Обов'язковим елементом статті є індекс УДК.
- При написанні **анотації** необхідно дотримуватися встановленого ліміту 850 знаків без пробілів, не менше 10 рядків. Анотація повинна включати актуальність, постановку проблеми, матеріал і методику, результати і висновки.

Напр.:

ПРОСИМО ОФОРМЛЯТИ ДАНІ В ОДНУ КОЛОНУ, ЯК ПОКАЗАНО:

УДК 81 (12 пунктів)

Іванов Віктор Борисович (11 пунктів)

доктор філологічних наук, професор

Московський державний університет ім. М.В. Ломоносова

Росія, м. Москва

e-mail: ivanov @ rambler.ru

Ivanov Viktor Borisovich (11 пунктів)

Professor, Dr. Sc. (Philology)

Lomonosov Moscow State University

Russia, Moscow

e-mail: ivanov @ rambler.ru

В.Б. Іванов (12 пт.)
ПСИХОЛОГІЗМ ПРОЗИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Анотація. 11 пт., 850 знаків, не менше 10 рядків
Ключові слова: 11 пт., не більше 10 слів

V.B. Ivanov (12 пт.)
PSYCHOLOGISM OF LEV TOLSTOY'S PROSE

Abstract. 11 пунктів, 850 знаків, не менше 10 рядків
Keywords: 11 пт., не більше 10 слів

- Якщо стаття публікується **англійською мовою**, то **англійською мовою** наводяться *прізвище, ім'я, по батькові автора; посада, вчене звання, науковий ступінь; повна назва організації; країна, місто; адреса ел. пошти; назва статті, анотація, ключові слова*, а потім **англійською мовою** (дані автора, включаючи вчене звання, науковий ступінь, назва статті, анотація, ключові слова). Обов'язковим елементом статті є індекс УДК.

ОСНОВНИЙ ТЕКСТ СТАТТІ

Текст статті **російською/болгарською/українською/англійською мовою**: 12 пунктів, обсяг: до 20 000 знаків з пробілами. Виноски – посторінково, внизу сторінки, з використанням наскрізної нумерації, арабські цифри, 10 пунктів. Бібліографічні посилання полягають в квадратних дужках [номер з списку використаних джерел, сторінка], наприклад: [2] чи [7, с. 84] **в алфавітному порядку**. Приклади треба давати курсивом. Використовуються лапки типу «ялинки». Графіки, малюнки та фотографії монтуються в тексті після першої згадки про них. Назви ілюстрацій даються під ними після слова «Мал.» чи «Ілюстр.» з порядковим номером (10 пт.).

Бібліографічний список (11 пт.) наводиться після тексту статті **мовою оригіналу в алфавітному порядку**, потім латиницею через транслітерацію кирилиці і переклад на англійську мову відповідно до вимог ГОСТ 7.1-2003. Ініціали не розділяються пробілами. До списку включаються тільки роботи, зазначені в посиланнях. напр.:

Бібліографічний список

1. Горшков Л.М. Російська мова та культура мови // Стил. – 2006. – № 4. – С. 65-70.
2. Іванова Н.П. Діалог в освіті. – М.: Експрес, 2011. – 156 с.

References in Roman script

1. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stil. – 2006. – № 4.– S. 65 –70.
2. Ivanova N.P. Dialog v obrazovanii. – M.: Ekspress, 2011.– 156 s.

References

1. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture // Style, 2006. – no 4.– pp.65–70. (In Ukranian).
2. Ivanova N.P. Dialogue in education. – Moscow: Express Publ., 2011. –156 p. (In Ukranian).

Матеріали, які не відповідають зазначеним вище вимогам, не розглядаються.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The articles should be sent as an attachment by e-mail to the editorial office: **rusistikabg@gmail.com**. In a separate text document a reference about the author should be sent with the following information: *name, surname, academic degree, academic title, place of work, position, city, country, home address, contact phone number, email address*.

The papers submitted for publication should be **original, previously unpublished work** not currently under review by other publications. The papers can be presented in **Russian, Bulgarian, Ukrainian and English**.

The journal is published four times per year: March 30, June 30, September 30 and December 30. The papers are accepted until the 15th of March, June, September and December.

GENERAL REQUIREMENTS

Format: Microsoft Word.

Page size: A4.

Font: Times New Roman, 12 pt.

Line spacing: single.

Margins: top and bottom – 2.5 cm, left and right – 2.5 cm.

Paragraph indentation: 1 cm.

Without numbering, text alignment: justified.

FORMATTING REQUIREMENTS FOR THE PAPERS

- If the article is written in **Russian**, then in **Russian** should be stated the *author's surname, name, academic degree, academic title; full name of the organization; country, city; e-mail address, the title of the article, abstract, keywords*, after the same information should be stated in **English** (*academic title, academic degree*). The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.
- If the article is written in **Bulgarian**, then in **Bulgarian** should be stated the *author's surname, name, academic title, academic degree; full name of the organization; country, city; e-mail address, the title of the article, abstract, keywords*, after the same information should be stated in **English** (*academic title, academic degree*). The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.
- If the article is published in **Ukrainian**, then in **Ukrainian** should be stated the *author's surname, name, academic title, academic degree; full name of the organization; country, city; e-mail address, the title of the article, abstract, keywords*, after the same information should be stated in **English** (*academic title, academic degree*). The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.
- If the article is written in **English**, then in **English** should be stated the *author's surname, name, academic title, academic degree; full name of the organization; country, city; e-mail address, the title of the article, abstract, keywords*, after the same information should be stated in **Russian** (*academic degree, academic title*). The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.
- When writing the **abstract**, you must adhere to the established limit of 850 characters without spaces, at least 10 lines. The abstract should include relevance, problem statement, subject and methodology, results and conclusion.

For example:

PLEASE PLACE THE AUTHOR'S DATA IN ONE COLUMN AS SHOWN BELOW:

УДК 81 (12 pt.)

Ivanov Viktor Borisovich (11pt.)
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: ivanov@rambler.ru

Иванов Виктор Борисович (11pt.)

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: ivanov@rambler.ru

V.B. Ivanov (12 pt.)
PSYCHOLOGISM OF LEO TOLSTOY'S PROSE

Abstract. 11 pt., 850 (no spaces)

Keywords: 11 pt., up to 10 words

В.Б. Иванов (12 pt.)
ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Аннотация. 11 pt., 850 (no spaces)

Ключевые слова: 11 pt., up to 10 words

THE MAIN TEXT OF THE PAPER

The text in **Russian/Bulgarian/Ukrainian/English**: 12 pt., up to 20,000 characters with spaces. The footnotes - page by page, at the bottom of the page, Arabic numbers, 10 pt. The bibliographic references should be enclosed in square brackets [current number from References, page], as in [2], [7, p. 84], **in alphabetical order**. Examples should be given in *Italic*. Angle quotes like «» are used. Graphics, pictures and photos are inserted in the text after the first mention of them. The name of the illustrations should be written below with the word «Figure.1» (10 pt.).

The references (11 pt.) are listed **in alphabetical order** after the text of the article in **original language**, then if there are sources in Cyrillic they should be transliterated into **Latin**, the references should be also translated into English in accordance with the requirements of GOST 7.1-2003 (ГОСТ 7.1-2003). The initials shouldn't be separated by spaces. In the references only cited works in the text should be included. For example:

Bibliography

1. Горшков Л.М. Русский язык и культура речи // Стил. – 2006. – № 4. – С. 65–70.
2. Иванова Н.П. Диалог в образовании. – М.: Экспресс, 2011. – 156 с.
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

References in Roman script

1. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stily. – 2006. – № 4. – S. 65–70.
2. Ivanova N.P. Dialog v obrazovanii. – M.: Ekspress, 2011. – 156 s.
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

References

1. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture // Style, 2006. – no 4. – pp.65–70. (In Russian).
2. Ivanova N.P. Dialogue in education. Moscow, Express Publ., 2011. – 156 p. (In Russian).
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

The papers that do not meet all the criteria above shouldn't be accepted.

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Списание «Русистика без граници»

София, България

e-mail: rusistikabg@gmail.com